
СОДЕРЖАНИЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Э.С. Алпатов, М.А. Бухараева</i> ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ	6
<i>А.Р. Буниатова</i> МАРКЕТИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В УПРАВЛЕНИИ ПРОЦЕССОМ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ О ПОКУПКЕ ТОВАРА ИЛИ УСЛУГИ	16
<i>С.Л. Васенев</i> ОСНОВЫ МОНИТОРИНГА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КВАЗИКЛАСТЕРНЫХ ИНТЕГРАЦИЙ	24
<i>Е.В. Зибзеева</i> МОДЕРНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСОВЫМИ ПОТОКАМИ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКАЗОВ. СОЗДАНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИОННЫМ ПРОЯВЛЕНИЯМ ПРИ РАЗМЕЩЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАКАЗА.....	34
<i>Ю.П. Куликова</i> ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗА	44
<i>В.О. Серова</i> ОБЗОР РОСТОВСКОГО РЫНКА ЛИЗИНГОВЫХ УСЛУГ. ИТОГИ 2011 ГОДА	48

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>В.Н. Зырянов</i> УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН: НЕОБХОДИМОСТЬ РАДИ СВОБОДЫ	53
<i>М.В. Бузина</i> КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСУЖДЕННОГО СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ПЕРИОД ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ НЕ СВЯЗАННОГО С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ	59
<i>С.А. Гаранжа</i> ИНСТИТУТ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ ПРИГОВОРОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РСФСР (1918-1929 ГГ.).....	67
<i>И.А. Итяшева</i> СООТНОШЕНИЕ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ ГРАЖДАНИНА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ	76
<i>Ю.С. Караваева</i> ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОЛЖНОСТНОГО И СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ.....	83
<i>А.К. Киселёв</i> ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОЙ МЕДАЛИ, ИЛИ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИЦЕЙСКОГО ВЛИЯНИЯ НА МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ В ГОСУДАРСТВАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА.....	87

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>А.А. Богатырёв</i> О ПОЛИЛОГИЧНОСТИ ДИАЛОГА В СВЕТЕ ЕГО ФИЛОСОФСКОГО ТОЛКОВАНИЯ В XX ВЕКЕ	93
<i>В.И. Жданова</i> ПРОБЛЕМА МОМЕНТНО-ИНТЕРВАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ СУБЪЕКТА В КОНТЕКСТЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ШКАЛЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА.....	104
<i>А.В. Шолохов</i> К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КРИТЕРИЕВ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ НЕРАВЕНСТВА В ОБРАЗОВАНИИ.....	115

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Н.В. Кильберг-Шахзадова

ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛИЗИРУЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ 126

К.Б. Сафонов

ФИЛОСОФИЯ АДАПТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ..... 136

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

И.В. Корнилова

ОТРАЖЕНИЕ ЖИЗНИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ЭТНОСА ПРИКАМЬЯ В РАБОТЕ В.Ф. КУДРЯВЦЕВА «СТАРИНА, ПАМЯТНИКИ, ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ ПРИКАМСКОГО КРАЯ» 140

И.Т. Сабиров

ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 147

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

С.И. Кузина

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ГРАНИ НАЦИОНАЛИЗМА 157

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.А. Разумов, Н.А. Кропотова

ФИЗИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЛЕСНОГО ПОЖАРА 162

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Н.И. Лященко

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РОСТА. МОДЕЛЬ КОМПЬЮТЕРНОЙ СИСТЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ 170

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

В.К. Винник

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УЧЕБНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ СРЕДЫ MOODLE ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ 182

А.М. Гайфутдинов

ПРИНЦИП НАПРАВЛЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ НА ВСЕСТОРОННЕЕ И ГАРМОНИЧНОЕ РАЗВИТИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА 188

В.А. Грибанова

ХАРАКТЕРИСТИКА АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ 1 КУРСА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА 192

С.А. Цыплакова

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК КОМПОНЕНТ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ..... 197

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.Л. Вусик

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТА 200

С.С. Изюмская

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ АНГЛИЦИЗМА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ 204

М.Ю. Спиридонова

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОВОКАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ДЕАВТОМАТИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ ЧИТАТЕЛЯ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ «О-ТРИЛОГИИ» ДМИТРИЯ БЫКОВА) 210

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ..... 214

THE RELEASE MAINTENANCE
ECONOMIC SCIENCES*E.S. Alpatova, M.A. Bukharaeva*

PROSPECTS FOR MODERNIZATION AND INNOVATION DEVELOPMENT IN RUSSIA .....

A.R. Buniatova

MARKETING RESEARCH IN THE MANAGEMENT OF THE CONSUMER DECISION TO PURCHASE GOODS OR SERVICES.....

S.L. Vasenev

BASIS OF MONITORING OF THE QUASICLUSTER INTEGRATION.....

E.V. Zibzeeva

MODERNIZATION OF STATE ORDERS' CASH FLOW MANAGEMENT. FORMATION OF FEDERAL CONTRACT SYSTEM AS AN ANTI-CORRUPTION IN STATE ORDERS' PLACEMENT.....

J.P. Kulikova

EVALUATING THE PERFORMANCE OF HIGH SCHOOL INNOVATION.....

V.O. Serova

REVIEW OF ROSTOV MARKET OF LEASING SERVICES. RESULTS OF 2011.....

SCIENCE OF LAW*V.N. Zyryanov*

CRIMINAL STATUTE: NECESSITY FOR THE SAKE OF FREEDOM.....

M.V. Buzina

THE CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTIC CONDEMNED COMMITTED THE CRIME IN SERVING OF PUNISHMENT NOT CONNECTED WITH IMPRISONMENT .....

S.A. Garanzha

INDETERMINATE SENTENCE SYSTEM IN THE LEGISLATION OF THE RSFSR (1918-1929).....

I.A. Ityasheva

THE RATIO OF THE RIGHTS AND RESPONSIBILITIES OF CITIZENSHIP IN THE IMPLEMENTATION OF CONSTITUTIONAL RIGHT TO HEALTH.....

U.S. Karavayeva

ABOUT RESPONSIBILITY FOR CRIMINAL USE OF OFFICIAL AND OFFICIAL POSITION.....

A. K. Kiselev

POLICE INFLUENCE ON PUBLIC CONSCIOUSNESS IN THE COUNTRIES OF THE EUROPEAN UNION...

PHILOSOPHICAL SCIENCE*A.A. Bogatyrev*

ON DIALOGUE MULTIPLE CONSTITUENTS CONCEPT INSPIRED BY FOR XX CENTURY PHILOSOPHERS.....

V. I. Zhdanova

THE PROBLEM MOMENTNO-INTERVAL CONCEPT OF THE INDIVIDUAL TIME OF THE SUBJECT IN CONTEXT CHRONOLOGICAL SCALES OF THE HISTORY PROCESS.....

A.V. Sholokhov

THE PROBLEM OF DETERMINING THE CRITERIA BALANCE THE INEQUALITY IN EDUCATION.....

SOCIOLOGICAL SCIENCE*N.V. Kiljberg-Shakhzadova*

APPROACHES TO RESEARCH OF SOCIALIZING ACTIVITY IN FORMATION.....

K. Safonov

PHILOSOPHY OF ADAPTIVE MANAGEMENT.....

HISTORICAL SCIENCE*I.V. Kornilova*

REFLECTION OF LIFE OF THE MULTINATIONAL ETHNOS OF THE KAMA REGION IN THE WORK OF V.F. KUDRYAVTSEV «OLD TIMES, MONUMENTS, TRADITIONS AND LEGENDS OF PRIKAMSKY REGION».....

I.T. Sabirov

FOREIGN PRISONERS OF WAR IN THE SOVIET UNION IN THE RUSSIAN AND FOREIGN HISTORIOGRAPHY .....

POLITICAL SCIENCE

S.I. Kuzina

THE POLITICAL FACES OF NATIONALISM .....

PHYSICO-MATHEMATICAL SCIENCE

A.A. Razumov, N.A. Kropotova

PHYSICAL COMPONENT CAUSES OF FOREST FIRE .....

TECHNOLOGICAL SCIENCES

N.I. Lyaschenko

IMPROVEMENT OF QUALIFICATION OF SPECIALISTS AS A FACTOR OF PROFESSIONAL GROWTH.
ADVANCED TRAINING COMPUTER SYSTEM MODEL .....

PEDAGOGICS AND PSYCHOLOGY

V.K. Vinnik

THE USE OF E-LEARNING ENVIRONMENT MOODLE IN THE ORGANIZATION OF INDEPENDENT
WORK OF STUDENTS.....

A.M. Gaifutdinov

THE PRINCIPLE FOCUS OF TRAINING ON THE FULL AND HARMONIOUS DEVELOPMENT IN THE
NATIONAL PEDAGOGY OF THE SECOND HALF OF XX CENTURY.....

V.A. Griбанова

THE CHARACTERISTIC OF ACTIVITY OF STUDENTS OF 1 COURSE OF THE PEDAGOGICAL
INSTITUTE.....

S.A. Tsyplakova

EDUCATIONAL DESIGN AS A COMPONENT OF EDUCATIONAL ACTIVITIES.....

PHILOLOGICAL SCIENCE

A. Vusik

FORMATION OF CULTURAL AND LINGUISTIC COMPETENCE OF STUDENTS .....

S.S. Izumskaya

COMMUNICATIVE TACTICS AND WORD-FORMATION ACTIVITY OF ANGLICISMS IN MODERN
RUSSIAN NEWSPAPER TEXT .....

M.Yu. Spiridonova

THE ARTISTIC PROVOCATIVENESS AS MEANS OF DEAUTOMATIZATION OF THE READER'S
CONSCIOUSNESS (ON AN EXAMPLE OF «O- TRILOGY» NOVELS BY DMITRY BYKOV) .....

INFORMATION FOR AUTORS.....

Уважаемые друзья и коллеги!

Рад приветствовать всех Вас на страницах ежеквартального научно-практического журнала «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института». Выход в свет этого издания воспринят научной общественностью с энтузиазмом, свидетельством тому становится все большее количество обращений в нашу редакцию.

Указом Президента России В.В. Путина от 7 мая 2012 №599 задан вектор государственной политики в области науки к развитию фундаментальных исследований и повышению конкурентоспособности отечественной научной школы среди ведущих мировых научно-образовательных центров. Достижение этой цели, в первую очередь, будет осуществляться усилиями молодых ученых и признанных мастеров своего дела. И именно для того, чтобы предоставить открытую трибуну для выражения своих мнений и научных результатов, редакционная коллегия создает условия для публикации на страницах нашего журнала.

Уже сегодня с нашим участием фактически формируется база для воплощения концепции наращивания потенциала российской науки. Для этого Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института предоставляет возможность распределения научных статей по 10-ти различным разделам в широком спектре научных направлений.

Редакция нашего журнала открыта и доступна для всех. Мы с оптимизмом смотрим в будущее и глубоко уверены в том, что только при активной совместной работе заложенные в государственной концепции развития российской науки принципы успешно реализуются, и это будет способствовать дальнейшему процветанию России как демократического правового государства.

С пожеланиями удачи и плодотворной научной работы,
главный редактор,
доктор юридических наук, профессор В.Н. Зырянов

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
ECONOMIC SCIENCES

УДК 330

ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ
PROSPECTS FOR MODERNIZATION AND INNOVATION DEVELOPMENT IN RUSSIA

Алпатова Э.С., г. Набережные Челны, доктор экономических наук, профессор кафедры «Мировая экономика» ФБГОУ ВПО «Камская государственная инженерно-экономическая академия»

Alpatova Elmira Sungatovna, Naberezhnye Chelny, doctor of economic sciences, Professor of «World economy» dept, FBGOU VPO "Kamskaya State Engineering-economical Academy"

М.А.Бухараева, г. Набережные Челны, кандидат исторических наук, доцент кафедры финансового менеджмента ЧОУ ВПО «Институт экономики, управления и права» (г.Казань)»

Bukharaeva Margarita Aleksandrovna, Naberezhnye Chelny, candidate of historical sciences, Associate Professor of «Financial management» dept, CHOU VPO "Institute of Economics, management and law (Kazan)»

В данной статье рассматриваются необходимые условия, реализация которых позволит направить социально-экономическое развитие России по инновационному пути и осуществить модернизацию.

In this article examines the necessary conditions that will allow to socio-economic development of Russia on innovative ways and to upgrade.

Ключевые слова: модернизация, инновационность, наноэкономика.

Key words: modernization, innovation, nanoeconomics.

Необходимость проведения курса на тотальную модернизацию всего комплекса общественных отношений в России уже давно превратилась в категорический императив. Речь идет лишь о выборе наиболее оптимальной модели инновационного развития и определении конкретных путей преодоления вектора «догоняющей цивилизации». Нам представляется, что главный акцент должен быть сделан на уход от многовековой традиции следовать проторенными более развитыми странами дорогами, зачастую автоматически воспроизводя стадийное повторение уже пройденного лидерами социального развития. В этом случае догнать практически невозможно, поскольку они тоже не стоят на месте, следовательно, требуется строгая селекция мирового опыта и

изъятие из наших стратегий устаревших или ненужных элементов. Мы нуждаемся в инновационных технологиях управления социально-экономической сферой, другими словами, исходным пунктом новой экономической реальности становятся инновационные управленческие технологии и «технологии» нового типа на всех уровнях управленческой цепочки.

В Концепции развития страны до 2020г. провозглашается, что сохранение сложившихся тенденций (инерционный сценарий) «не позволит решить стратегические задачи в области социального развития, национальной безопасности и укрепления позиций России в мире» и, соответственно, ставится задача перехода к инновационному сценарию роста. Но при этом следует подчеркнуть, что сам по себе рост имеет смысл только тогда, когда он обеспечивает не только возрастание количественных параметров, но и не упускает из виду главную цель любой полноценной экономической системы - всестороннее развитие личности в условиях свободы, мира, стабильности, физического и душевного комфорта.

В современной экономической литературе выделяется четыре базовых стратегии экономического развития: 1) инерция, 2) рантье, 3) мобилизация, 4) модернизация [1], целью реализации которых является усиление адаптационных свойств социально-экономической системы. Каждая из этих моделей представляет собой сформулированный теорией «идеальный тип» организации экономики со своими позитивными и негативными качествами.

Было бы верхом легкомыслия полагать, что достаточно не ошибиться с выбором стратегии, и сформулированные цели будут автоматически реализованы. На самом деле речь идет о проектировании стратегического курса, который будет соединять в себе конструктивные элементы нескольких базовых стратегий при доминантной роли одной из них с учетом историко-культурных традиций, ментальных особенностей нации, интересов различных социальных страт, мирового опыта (в том числе негативного).

Особенности инерционной стратегии состоят в том, что здесь тактическое маневрирование правительства между группами интересов преобладает над целями развития при ориентации на сохранение статус-кво. Для нее характерно функционирование в режиме «пожаротушения» при решении социальных проблем без необходимой работы по их прогнозированию и предупреждению. В рамках этой стратегии модернизационные задачи решаются не системно, а на основе выделения приоритетных отраслей на базе политических соглашений между государством и бизнес-сообществом. Данная стратегическая конфигурация не нуждается в развитых институтах гражданского общества, более того, реализация данной стратегии возможна только при отсутствии социального контроля.

Все это способствует нерациональному использованию ресурсов, назреванию конфликтных ситуаций, увеличению стадийного лага и не позволяет грамотно

сформулировать адекватные стратегические цели. Элементы этой стратегии достаточно широко используются в экономической практике руководством страны - система национальных проектов, к примеру, является выражением реализации этой стратегии. К проявлениям этой стратегии можно отнести и пассивное использование сырьевой ренты в форме резервного фонда, что, в конечном счете, позволяет охарактеризовать проводившуюся в России экономическую политику как стратегически неэффективную, содержащую в себе также элементы рантизма.

Суть стратегии рантизма сводится к централизованному перераспределению через механизм госбюджета природной ренты для улучшения социального благополучия и наращивания государственных расходов. Результатом такой стратегии при благоприятной конъюнктуре на мировых рынках является обеспечение социально-политической стабильности и устойчивый рост доходов населения в кратко- и среднесрочной перспективе. Примером успешного осуществления такой стратегии может служить экономическая политика Объединенных Арабских Эмиратов, Кувейта, Норвегии. Данная стратегия дает позитивный социальный эффект только при условии последовательной ориентации руководства страны на принципы социальной справедливости и социального партнерства, предполагающие, что природные богатства являются достоянием всей нации.

В России же собственность на природные ресурсы фактически принадлежит эксплуатирующим компаниям, которые давно отработали механизм ухода от налогов посредством собственных оффшорных компаний. Мало этого, они не испытывают большого желания тратить сверхдоходы на модернизацию отрасли и тем более строительство современных нефтеперерабатывающих заводов по причине отсутствия у них серьезных, социально ответственных долговременных целей. Поэтому, на наш взгляд, изъятие природной ренты экономически более оправдано ввиду отсутствия прямой связи с ценами рынка. Между тем властными структурами решение вопроса о введении природной ренты снимается в пользу введения прогрессивной шкалы налогов в зависимости от экспортной цены за баррель нефти. При таком раскладе государство делит риски с добывающими компаниями, что при неблагоприятной конъюнктуре приводит к сокращению возможностей реализации заявленных целей. Подобный способ экономического взаимодействия бизнеса и государства провоцирует коррупционные сделки и сращивание власти и бизнеса в единую полукриминальную структуру.

Реализация стратегий «инерция» и «рантизм» представляется наиболее легкой с точки зрения управленческих технологий и психологической готовности менеджмента к работе по привычным калькам.

Мобилизация представляет собой масштабное перераспределение ресурсов государства и их сосредоточение на приоритетных направлениях, в качестве которых в современной России могут выступать металлургия, добывающие отрасли, прежде всего

нефтяная и газовая, оборонно-промышленный комплекс. При такой стратегии происходит не системная, а анклавная модернизация, сопровождаемая чрезмерным напряжением в сочетании с пренебрежением проблемами прав и свобод граждан и отсутствием стимулов к нововведениям, необходимых для устойчивого экономического роста. Еще одна особенность данной стратегии состоит в нестабильности основного источника финансирования – экспорта первичных природных ресурсов. Но, пожалуй, главным слабым звеном этой стратегии следует признать объективную неизбежность перераспределительной деятельности государства, порождающей коррупцию.

Так же как и две первые стратегии, стратегия мобилизации прекрасно отработана еще с советских времен и не является чем-то новым для значительной части управленческого корпуса страны.

В отличие от вышеперечисленных, стратегия модернизации не так близка и по духу, и по букве менеджерам всех уровней, несмотря на то, что Россия осуществляет по крайней мере третью попытку (если не считать преобразования Петра I) модернизации. В первый раз модернизационные процессы, начавшиеся после буржуазно-демократических реформ второй половины XIX века, были прерваны Октябрьской революцией 1917 года. Вторая попытка модернизации осуществлялась в специфических условиях административно-командной экономики посредством чрезвычайных методов и поэтому носила главным образом технико-технологический характер: общество же не модернизировалось, а скорее, наоборот.

Стратегические цели		
1. Высокий уровень жизни населения 2. Реализация гражданских, политических и экономических прав и свобод 3. Формирование нового образа жизни 4. Высокий ресурсный потенциал и благоприятная институциональная среда развития		
Задачи: • создание институциональной среды, благоприятной для развития бизнеса и некоммерческих организаций и выполнения ими своих функций по отношению к гражданам	Модернизация <i>комплексная институциональная трансформация экономики, общества и государства</i>	Коалиции: <i>Ядро коалиции:</i> • часть крупного бизнеса, связанная с наукоемким производством и обладающая стратегическим видением • будущего • интеллектуалы • высокодоходные слои населения

• опережающее развитие производственно-финансовой, научно-образовательной, информационной, транспортной и социальной инфраструктуры		<i>Союзники коалиции:</i> • средний класс • малый бизнес В случае адекватной политики компенсаций к ним могут присоединиться: • региональные элиты • представители низкодоходных слоев населения
Базовые принципы Свобода Собственность Законность Без свободы нет творчества; без собственности нет развития; без законности нет страны		

Рисунок 1 - Стратегия модернизации [2]

Модернизация на современном этапе развития (рис.1) предполагает поэтапное формирование общественных коалиций, выступающих за глубокую модернизацию институциональных механизмов, направленных на формирование инновационной и инвестиционной активности. Условиями реализации этой стратегии являются широкое развитие свободного предпринимательства, высокое качество социальных институтов и государственного управления. Сложность воплощения стратегии модернизации состоит в необходимости сосредоточения властных усилий на непривычных направлениях: налаживание качественно иных взаимоотношений власти и гражданского общества, установление реально действующего механизма социального контроля общества над властью, включая ответственность государственных служащих за фактические результаты их деятельности или бездеятельности.

Специфика данной стратегии определяется еще и тем, что она требует тонкой работы по настройке новой системы принятия решений, основанной на ограничении вмешательства государства в экономическую жизнь и формировании институтов, препятствующих реализации узкогрупповых интересов, особенно рентных. В этом случае, скорее всего, потребуются гораздо меньшие финансовые расходы за счет экономии на административной ренте и ограничения коррупционных интересов.

Каждая из этих стратегий включает в себе потенциал экономического роста, поэтому очень важно выбрать приоритетную стратегию, не забывая о том, что их механическое смешение, попытка одновременного использования всех стратегий (а

сейчас у нас именно так) не только не даст желаемого результата, но может способствовать деградации социально-экономической системы. Пренебрежение правами и свободами индивида, отсутствие гражданского общества, характерные для первых трех стратегий, будут препятствовать осуществлению модернизации, несмотря на самые громкие декларации. На наш взгляд, представляется логичным положить в основу стратегического развития именно концепцию модернизации, последовательно избавляясь от элементов остальных моделей.

Большинство отечественных исследователей, как правило, выделяют два варианта экономического роста для России: энергосырьевой сценарий как реально существующий и инновационный как наиболее предпочтительный. Если Россия всерьез претендует на достойное место в мировом экономическом пространстве и не планирует оставаться сырьевым придатком развитых и развивающихся экономик, то следует признать, что альтернативы второму варианту нет. С горечью и сожалением приходится констатировать, что колоссальные нефтедолларовые средства не были своевременно инвестированы в инновационную перестройку отраслевой структуры экономики, а были вложены в зарубежные финансовые инструменты.

В отличие от первого варианта, который при благоприятных условиях обеспечивает рост макроэкономических показателей, но тормозит развитие, и не только экономическое, второй вариант представляет собой модель экономического роста, обеспечивающего развитие социально-экономической системы. Поскольку Россия – исключительно богатая на природные ресурсы страна и экспорт сырья будет сохраняться достаточно долго, следует отдавать отчет в том, что совершенно исключать первый сценарий нельзя. Эти сценарии не являются абсолютными антиподами, напротив, соединившись в оптимальной конфигурации при доминантной роли инновационного варианта, они способны дать мощный синергетический эффект даже при условии, что количественные показатели роста на некоторое время, необходимое для технологического обновления, могут потерять позитивную динамику.

В связи с этим можно вспомнить опыт Китая, где экономический рост и инновации развиваются параллельно и в одном направлении. По всей видимости, опасения правительственных финансистов относительно неизбежного замедления экономического роста при реализации инновационного сценария несколько преувеличены, так как это замедление будет носить краткосрочный характер с долгосрочным социально-экономическим эффектом. Замедление экономического роста от инновационных новшеств, несомненно, предпочтительнее, чем от падения цен на нефть.

С учетом сложившейся терминологии следует определить соотношение содержания инновационного сценария и стратегии модернизации. Как уже отмечалось, инновационность экономического развития является сущностной характеристикой данного варианта стратегии.

В упоминавшейся уже нами Концепции долгосрочного социально-экономического развития страны до 2020г. говорится о переходе российской экономики от экспортно-сырьевого к инновационному типу развития. Однако необходимость этого перехода в значительной степени остается декларативной, поскольку в лучшем случае инновационная трансформация откладывается, а в худшем не предполагает использования инструментов государственной политики для ее осуществления. На пути ее реализации стоят множество барьеров в виде неоправданного повышения тарифов на газ и электроэнергию, медленное изменение вектора кредитно-денежной политики, негибкость налоговой системы, низкий по сравнению со среднемировым уровень государственных расходов на развитие.

Но самое главное, без чего не может состояться инновационная трансформация, это наличие политической воли сделать инновационность не кампанией, а имманентным свойством системы, где инновационность станет самореализующейся и самовоспроизводящейся характеристикой. В связи с этим в экономической литературе существует мнение о том, что «для изменения вектора социально-экономического развития недостаточно только политической воли. Необходимо изменить сложившуюся систему экономических отношений таким образом, чтобы включились механизмы экономической мотивации, стимулирующие инновационное предпринимательство» [3]. Но дело как раз в том и состоит, что позиция экономического детерминизма в переломные эпохи не находит своего практического подтверждения, и без активной и последовательной позиции политического руководства смена экономических парадигм, а, следовательно, и механизмов, вообще невозможна. Для реализации инновационной трансформации требуется системная работа облеченных политическими полномочиями структур (в первую очередь государства и правящей партии) по организации, управлению, мотивации и контролю разработки и внедрения инновационного способа производства материальных и духовных благ. Инновационный путь развития может из декларации стать реальностью только тогда, когда будут выработаны и начнут функционировать механизмы стимуляции предпринимательской активности.

На протяжении XIX-XX в.в. в России был создан мощный промышленный потенциал, правда, основательно одряхлевший к настоящему времени. Промышленную политику надо проводить с учетом современных реалий и тенденций развития мировой экономики, где ведущее место занимают третичный сектор и экономика знаний. В наших условиях упор следует сделать на те сферы и отрасли, где еще сохранился накопленный ранее (атомная энергетика, космические и биотехнологии, оборонный сектор и др.) и приобретенный вновь научно-технологический потенциал (например, нанотехнологии).

Беспристрастный взгляд на современную мировую экономическую практику позволяет утверждать, что, по крайней мере, в наиболее развитых странах реально функционирует сегодня социально-регулируемая рыночная экономика. Рыночные законы,

без сомнения, продолжают действовать, но они ограничены установленными государством рамками, и их действие модифицировано по сравнению с периодом раннего капитализма. Вмешательство государства, использующего целый арсенал средств (социальные функции, законодательные, нормативные, контрольные, стимулирующие, запретительные и др.) носит вынужденный и ограниченный, но неизбежный характер.

В такой ситуации дискуссии о «целесообразности» или «нецелесообразности» активизации государственного регулирования экономики являются явно избыточными. При этом, разумеется, не стоит отождествлять с ним произвольное вмешательство госорганов в действия предпринимателей, т.е. возведение искусственных административных барьеров, принудительные поборы с бизнеса и коррупция чиновников.

В настоящее время не существует совершенного рынка, обеспечивающего оптимальную аллокацию ресурсов. Даже в странах с самым высоким уровнем развития гражданского общества и плюралистической демократии выбор структурных приоритетов может существенно отклоняться от теоретически оптимального, ибо на нем всегда сказывается влияние тех или иных партикулярных интересов. Однако, чем демократичнее общество, тем при прочих равных условиях быстрее будет замечена ошибка в расстановке приоритетов. Исторический опыт показывает, что присущий любому обществу социальный иммунитет, как правило, гораздо быстрее «срабатывает» при демократическом порядке правления, чем при авторитарном, динамичнее сигнализирует о необходимости модификации существующей иерархии целеустановок.

Хуже всего, если государство вообще отказывается от выстраивания структурных приоритетов по соображениям ложно понятой экономической свободы. Тогда за счет средств налогоплательщиков зачастую реализуются в сущности нелегитимные предпочтения, формируемые главным образом в соответствии с лоббистским потенциалом носителей тех или иных групповых, либо в буквальном смысле, частных интересов. Развивающаяся в таких условиях «экономика привилегии» на порядок менее социально справедлива.

Сложившаяся в стране система этакратизма блокирует развитие каких-либо внегосударственных форм организации гипертрофированной ролью государства.

Отсутствие различного рода ассоциаций, сообществ, сильных профсоюзов и т.п., в которые граждане объединяются «снизу» для защиты своих интересов как перед государством, так и перед бизнесом, приводит к тому, что в обществе начинают господствовать диктат сильного, ориентация исключительно на собственные интересы. Такова современная «вертикаль власти», проявляющая интерес, прежде всего, к обслуживанию собственных представителей на разных уровнях иерархии. Проводимая ныне политика ведет к возвращению системы «власть-собственность», между тем как для защиты прав личности граждане нуждаются в эффективном государстве.

Совершенно очевидно, что при фактически существующей монополии правящих групп на власть и собственность реально складывается однопартийная система, а, значит, пока не произошла демонополизация в политической сфере, ни о какой реальной демонополизации в экономической и в социальной сферах говорить не приходится.

Монополизм властных элит, отсутствие политической консолидации в обществе всегда будут вести к подчинению интересов общества интересам бюрократии, что неизбежно будет выражаться в неэффективной системе государственного управления, в необоснованном раздувании чиновничьего аппарата, и, как следствие этого, в неэффективной системе хозяйствования. Монополизм в политике неизбежно влечет за собой и монополизм в экономике.

В России утвердилась асоциальная модель общественного устройства, блокирующая прогресс. Это модель асоциального бюрократическо-олигархического криминализованного капитализма, которому присущи слияние власти и собственности, авторитарный политический режим, правовой произвол, классовая поляризация населения. Такая модель в конечном счете демонстрирует неспособность модернизировать страну и ведет ее вновь в исторический тупик.

Экономическая система как органическая часть социальной системы в целом существует не сама по себе и не ради достижения неких абстрактных экономических целей (экономический рост, удвоение ВВП и т.д.). Она начинается с человека, действующего ради удовлетворения своих насущных (и не только!) потребностей и должна стремиться к созданию такого экономического порядка, в котором максимальному количеству индивидов было бы комфортно жить. Поэтому именно в человеке, т.е. на наноуровне «заложены и препятствия, и стимулы экономического роста. Меры по обеспечению устойчивого экономического и социального подъема страны также должны быть ориентированы, в первую очередь, на наноэкономику [4]».

На основании анализа исторической практики можно сделать вывод, что институциональная структура хозяйства определяется, в первую очередь, временными и пространственными специфическими качествами человеческой психики, а не наоборот. По всей видимости, это и является главной причиной того, что отработанные в поле протестантских и католических социально-психологических особенностей модели рыночного переустройства общества в России работают плохо или не работают вообще. Резкое изменение привычного жизненного уклада оказывает негативное воздействие на психику большого количества людей и тем самым блокирует инициированные сверху институциональные преобразования. Даже улучшение материального статуса способно придавать позитивный импульс экономическому поведению людей лишь до той степени, пока не нарушается равновесие «между их экзистенциальными потребностями и инстинктами, то есть в ограниченных рамках [5]».

В то же время Россия, избежавшая этапа денежного меркантилизма, до сих пор тяжело воспринимает реалии рыночной экономики и норовит сбиться на привычные феодальные формы экономического поведения (коррупция, «крышевание», клановость и др.).

Таким образом, само время настоятельно диктует переориентацию политико-экономического курса (что особенно важно для России) на человека как исходный пункт и цель любой гуманистически устроенной экономической системы.

Литература

1. Шаститко, А. Структурные альтернативы социально-экономического развития России/А.Шаститко, С.Афонцев, С.Плаксин//Вопросы экономики.-2008.-№1.-С.71.
2. Там же. – С.81.
3. Сорокин, Д.Е. Семь лет прошло: что впереди?/Д.Е.Сорокин//Имущественные отношения в Российской Федерации.-2008.-№4(79). - С.10.
4. Петросян, Д. Психологические методы модернизации институциональной системы экономики России/Д.Петросян//Общество и экономика.-2007.-№7.-С.93.
5. Ольсевич, Ю. Экономическая теория и природа человека: становится ли тайное явным?/Ю.Ольсевич//Вопросы экономики.-2007.-№12.-С.38.

УДК 339.13

**МАРКЕТИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В УПРАВЛЕНИИ ПРОЦЕССОМ
ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ О ПОКУПКЕ ТОВАРА
ИЛИ УСЛУГИ**

**MARKETING RESEARCH IN THE MANAGEMENT OF THE
CONSUMER DECISION TO PURCHASE GOODS OR SERVICES**

А.Р. Буниатова, г. Ставрополь,
ФГБОУ ВПО «Ставропольский государственный университет», старший преподаватель
A.R. Buniatova, Stavropol, Stavropol state university, senior lecturer.
anna_ru_bu@mail.ru

Аннотация: В статье освещаются вопросы маркетинговой информации на базе маркетинговых исследований.

The summary: In article questions of the marketing information on the basis of marketing researches.

Ключевые слова: информация, маркетинговая информация, маркетинговые исследования.

Keywords: information, marketing information, marketing research

Управление маркетингом предполагает комплексное изучение маркетинговой среды во всей полноте ее производственных и рыночных связей, внутренних и внешних факторов функционирования и развития. А это, в свою очередь, требует сбора и обработки информации, соблюдения логической строгости и непротиворечивости суждений, необходимой точности и полноты оценки параметров функционирования среды. Основными принципами формирования и использования информации в процессе управления маркетингом являются:

— актуальность информации — означает реальное отражение в каждый момент времени состояния маркетинговой среды (необходимо ежедневное обновление банка хранимой информации);

— достоверность данных — основывается на точном воспроизведении объективного состояния и развития производства, рынка и внешней макросреды (учитывая условия конкурентной борьбы, при которых нередко сознательно искажается реальная действительность, этот принцип требует повышенной надежности источников данных) [1].

Важным средством борьбы против дезинформации являются множественность источников и анализ полученных сведений на непротиворечивость:

- релевантность данных – позволяет получать информацию в точном соответствии со сформулированными требованиями, избегая работы с ненужными данными;
- полнота отображения – необходима для объективного учета всех факторов, формирующих, либо оказывающих влияние на состояние и развитие маркетинговой среды;
- целенаправленность данных – ориентирует их на конкретные цели и задачи в области производства и реализации продукции на внутреннем и внешнем рынках;
- информационное единство – требует разработки такой системы показателей, при которой исключалась бы возможность противоречия в выводах и несогласованность первичных и производных данных [2].

Предприятие, осуществляя свою маркетинговую деятельность, постоянно находится под воздействием внутренней и внешней среды. Все факторы внутренней и внешней среды проявляются через передачу участникам рыночных отношений определенной информации (сигналов). Задача информационной системы предприятия состоит в том, чтобы из обилия различной информации отобрать ту, которая важна для контроля за маркетинговой деятельностью предприятия [3]. Маркетинговую информацию можно рассматривать как информацию, полученную в процессе обмена результатами общественно полезной деятельности и взаимодействия по поводу такого обмена всех субъектов рыночной системы, используемую во всех сферах предпринимательства, включая маркетинговую деятельность [4]. Информация это, прежде всего, средство общения людей, через нее мы получаем сведения об окружающем мире и происходящих в нем процессах, а информационное обеспечение – это процесс удовлетворения потребностей конкретных пользователей в информации, основанный на применении специальных методов и средств ее получения, обработки, накопления и выдачи в удобном для использования виде. Хорошая маркетинговая информация позволяет маркетологам получать конкурентные преимущества, снижать финансовый риск, определять отношения потребителей, следить за внешней средой и многое другое. Маркетинговую информацию получают в ходе маркетинговых исследований. Под маркетинговыми исследованиями понимают систематический сбор, отражение и анализ данных о проблемах, связанных с маркетингом товаров и услуг. Это комплексное понятие, которое включает все виды исследовательской деятельности, связанные с управлением маркетингом [5].

Маркетинговые исследования необходимо рассматривать как часть постоянно действующего интегрированного информационного процесса. Маркетинговые исследования и их надлежащая организация становятся инструментом, с помощью которого существенно снижается риск предпринимательства, производителя, поставщика, посредника и возрастает качество решения задач потребителя [6]. Проведение маркетинговых исследований стало реальной потребностью и прочно вошло в практику

хозяйственной деятельности фирм. Направленность исследований зависит в значительной степени от характера деятельности фирмы, выпускаемой ее продукции, уровня доходов. Кроме того, масштаб проводимых исследований определяется также целями и стратегией фирмы, а именно, решениями относительно изменений направления деятельности предприятия требует более углубленных маркетинговых исследований, направленных на определение в качестве конечной цели перспективных рынков (сегментов рынка), где предприятие могло бы получить долю рынка и удерживать позиции в течении периода, определяемого жизненным циклом товара [7].

Методика осуществления маркетинговой деятельности, а сам этот порядок осуществления маркетинговой функции представлен на рисунке 1. В основе данной методики лежат маркетинговые исследования возможностей рынка и ресурсов предприятия, с одной стороны, а также цели, выдвигаемые руководством, с другой стороны. Причем окончательное определение целей и задач маркетинга осуществляется на основе маркетинговых исследований, а цели исследований определяются целями и философией предприятия в целом [8].

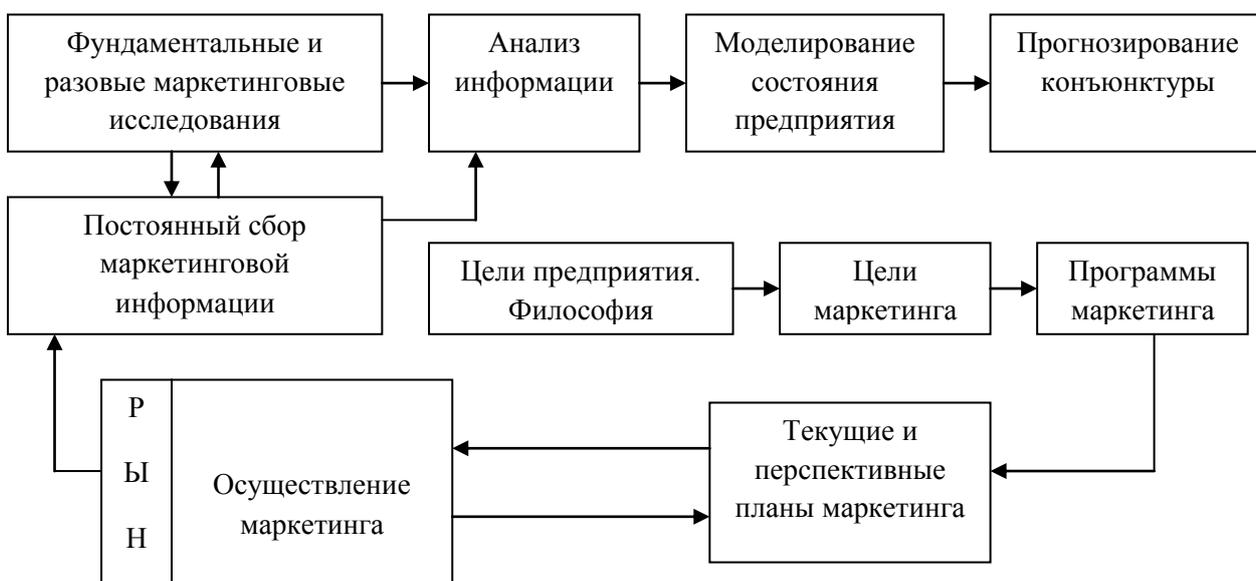

Рисунок 1 – Схема маркетинговых исследований

Значение маркетинговых исследований усиливается также тем, что возрастает роль фактора неопределенности в организации управления предпринимательством, который рассматривается как нестабильность, изменчивость экономического и социального поведения субъектов маркетинговой системы. Под термином «маркетинговые исследования» подразумевают две составляющие этого процесса [9]:

– marketresearch – изучение рынка (вполне конкретного) – перед таким исследованием ставится задача регулярного изучения неуправляемых факторов деятельности предприятий, а также всего, что с ним связано.

– marketingresearch – исследование элементов комплекса маркетинга определенной фирмы или группы предприятий – этим термином можно определить всю исследовательскую активность предприятий; предметом изучения является как минимум весь комплекс управляемых предприятием факторов, как максимум – все, что происходит на предприятии и вне его, касающегося рыночной деятельности.

На практике употребляются самые различные понятия, относящиеся к той или иной степени к содержанию маркетинговых исследований: исследование рынка, исследование сбыта, исследование мотивов, исследование потенциала, маркетинговая разведка, социальные исследования, исследование лучшего опыта организации производство и путей повышения производительности на предприятиях своих партнеров и конкурентов. В научной литературе понятие «маркетинговые исследования» в основном трактуется как некая информационная база для принятия маркетинговых решений в системе предпринимательства [10].

Маркетинговые исследования следует понимать как средство маркетинга, важный элемент комплекса маркетинга, необходимый для эффективной маркетинговой деятельности и разработки долгосрочных стратегий предприятия. Объект изучения маркетинговых исследований представляет собой комплексное исследование. Однако, очень сложно отделить друг от друга такие направления (объекты) исследования как, рынок, потребитель, конкурент. Рынок немислим без конкурентной борьбы, потребители формируют свое поведение в определенной рыночной среде [11]. С известной мерой условности можно выделить следующие объекты маркетинговых исследований: внешняя предпринимательская среда, рынок, потребитель и конкуренты. В зависимости от цели маркетинговых исследований эти объекты могут конкретизироваться более детально. Однако, маркетинговые исследования могут проводиться одновременно по всем выделенным направлениям [12]. Главная цель маркетинговых исследований заключается в разработке концепции общего представления о структуре и закономерностях динамики рынка и об обосновании необходимости и возможностей конкретной фирмы для более эффективной адаптации ее производства, технологий и структуры, а также выводимой на рынок продукции или услуг к спросу и требованиям конечного потребителя. Объектом маркетингового исследования является маркетинговая среда фирмы, которая дифференцируется на:

– **маркетинговую среду** – это совокупность субъектов и сил, влияющих на деятельность фирмы на рынке.

– **внутреннюю среду и внешнюю микросреду** – это контролируемые среды и не контролируемые, зависящие и не зависящие от субъективной деятельности фирмы» [13].

В процессе анализа, планирования, осуществления и контроля действенности маркетинговых мероприятий управляющим по маркетингу требуется информация о клиентах, конкурентах, дилерах и прочих силах, действующих на рынке. Необходимые управляющим по маркетингу сведения часто отсутствуют, поступают слишком поздно или не заслуживают доверия. Например, на рынке сельскохозяйственной продукции и продовольствия действуют сотни тысяч производителей, переработчиков, оптовых и розничных продавцов. Каждый заинтересован в извлечении прибыли, которую можно получить в конкурентной борьбе, имея объективную информацию о рынке. В таких данных заинтересовано и государство для осуществления мер по регулированию производства сельскохозяйственной продукции и рынка продовольствия [14]. Все большее число фирм начинают отдавать себе отчет в недостатках информационного обеспечения и принимают меры по совершенствованию своих систем маркетинговой информации. В состав хорошо спланированной системы маркетинговой информации входят четыре вспомогательные системы:

– система внутренней отчетности, отражающая показатели текущего сбыта, суммы издержек, объемы материальных запасов, движение денежной наличности, данные о дебиторской и кредиторской задолженности;

– система сбора внешней текущей маркетинговой информации поставляющая руководителям маркетинга повседневную информацию о событиях, происходящих в коммерческой среде;

– система маркетинговых исследований, призванная обеспечить сбор информации, актуальной с точки зрения стоящей перед фирмой конкретной маркетинговой проблемы;

– система анализа маркетинговой информации, использующая современные методики статистической обработки данных и модели, облегчающие деятелям рынка процесс принятия оптимальных маркетинговых решений [15].

Основное назначение маркетинговых исследований – это генерирование маркетинговой информации для принятия решений в области коммуникаций субъектов маркетинговой системы. Задачи маркетинговых исследований могут быть самыми разнообразными и диктоваться потребностями разработки стратегии маркетинга, формирования ценовой, товарной, коммуникационной, сбытовой политики и другими аспектами управления маркетингом на предприятии. В этом смысле говорить о маркетинговых исследованиях без соотнесения их задач с задачами управления предприятием бессмысленно. Задачи маркетинговых исследований вытекают из функций маркетинговых исследований, которые непосредственно связаны с процессом принятия решений. Общая функция маркетинговых исследований состоит в исключении во всей маркетинговой деятельности неточных оценок, риска и непроизводительных затрат труда и времени [15]. Одной из важнейших задач исследований является определение условий,

при которых достигается оптимальное соотношение между спросом и предложением на рынке. Изучение условий рынка дополняется исследованием и оценкой деятельности фирм, выступающих на рынке, их позиций и осуществляемых ими методов торговли. Другая важная задача маркетинговых исследований: определение конкурентных видов продукции фирмы и конкурентоспособности самой фирмы на изучаемом рынке. Маркетинговое исследование имеет дело с конкретно определенным рынком или его частью (сегментом) и учитывает запросы определенных социальных слоев, групп населения.

Результатом маркетинговых исследований является оценка потенциальных возможностей предприятия и его позиций на конкретном рынке. Результативность и эффективность маркетинговых исследований зависит от соблюдения ряда требований:

- исследования должны носить комплексный и систематический характер;
- при осуществлении исследования должен соблюдаться научный подход, основанный на объективности, точности и тщательности;
- исследования должны проводиться в соответствии с общепринятыми принципами честной конкуренции, зафиксированными Международным кодексом по практике маркетинговых и социальных исследований;
- маркетинговые исследования должны быть тщательно спланированы и состоять из комплекса последовательных действий.

Все маркетинговые исследования осуществляются в двух разрезах: оценка тех или иных маркетинговых параметров для данного момента времени и получение их прогнозных значений. Как правило, прогнозные оценки используются при разработке как целей и стратегий развития организаций в целом, так и ее маркетинговой деятельности [16].

Современный подход к вопросу определения маркетинговых исследований условно подразделяется на два взаимоподчиняющихся уровня. Первый уровень, условно называемый «информационным», предполагает, что маркетинговое исследование это «систематическое определение круга данных, необходимых в связи со стоящей перед фирмой маркетинговой ситуацией, их сбор, анализ и отчет о результатах». При этом подходе маркетинговые исследования проводятся в пять этапов: выявление проблем и формирование целей исследования; сбор источников информации; сбор информации; анализ информации; представление полученных результатов. На первом уровне определяется круг задач, которые должны быть решены в процессе маркетинговых исследований. Для решения проблем второго уровня, условно называемого «практическим», на котором конкретизируются задачи, решаемые в процессе проведения маркетинговых исследований. Маркетинговые исследования подчиняются единым научным требованиям, базируется на общих теориях, методологических принципах и преследует общие цели. В зависимости от характера проблем, стоящих перед

предприятием, предпочтение отдается тем или иным маркетинговым исследованиям (рисунок 2).

Рисунок 2 – Основные направления маркетингового исследования

Обсуждая данные рисунка 2, следует отметить что: во-первых, не существует единой классификации направлений маркетинговых исследований, в результате чего в данных различных исследователей используются разные их классификации; во-вторых, вследствие использования разных выборок обследуемых фирм, получаются разные данные относительно частоты использования одних и тех же направлений маркетинговых исследований; в-третьих, актуальность отдельных направлений маркетинговых исследований может меняться по времени. С точки зрения объекта изучения маркетинговые исследования представляют комплексное исследование. При помощи комплексного маркетингового исследования решаются следующие задачи: изучение характеристик рынка, потенциальных его возможностей, анализ распределения долей рынка между фирмами, анализ сбыта, изучение тенденций деловой активности, изучение товаров конкурентов, краткосрочное прогнозирование, изучение политики цен [17].

Литература:

1. Черевацкая, В.Г. Управление маркетингом в динамично меняющихся условиях российской сбытовой среды [Текст] / В.Г. Черевацкая // Столица. – 2009. – №11. – С. 121-122.
2. Черкашина, П.И. Маркетинг как средство борьбы против дезинформации

потребителя [Текст] / П.И. Черкашина // Деловая Москва. – 2008. – №8. – С. 62-64.

3. Черевко, Н.С. Внутренняя и внешняя маркетинговая среда предприятия [Текст] / Н.С. Черенко // Научный вестник МФТИ, 2007. – №3. – С. 64-68.

4. Турыгин, В.В. Пять этапов научного маркетинга [Текст] / В.В. Турыгин // Сбытовой вестник Алтай. – 2008. – №6. – С. 75-76.

5. Чхетиани, Б.Ч. Решение маркетинговых проблем второго (практического) уровня [Текст] / Б.Ч. Чхетиани // Блокнот практического маркетолога, 2008. – №11. – С. 95-97.

6. Чурсинова, А.П. Сбор маркетинговой информации и ее анализ [Текст] / А.П. Чурсинова // Коммерческая среда. – 2009. – №1. – С. 72-73.

7. Турчинская, Л.К. Классификация маркетинговых исследований // Сбыт. – 2010. – №3. – С. 119-120.

8. Разманов С.В. Основы маркетинговых исследований и круг их задач [Текст] / С.В. Разманов // Научный вестник КГМУ. – 2009. – №5. – С. 40-43.

9. Турлаков, В.И. Методологические принципы маркетинга в сфере бытовых услуг [Текст] / В.И. Турлаков // Сбыт. – 2010. – №3. – С. 114-116.

10. Гронский, Е.М. Маркетинговые преимущества и конкурентоспособность продукции [Текст] / Е.М. Гронский // Научный вестник Прикамья. – 2010. – №6. – С. 35-36.

11. Грищенко, Я.Ю. Маркетинговая информационная система и окружающая среда [Текст] / Я.Ю. Грищенко // Сбытовое пространство Урала. – 2009. – №6. – С. 42-44.

12. Вахитов, Р.А. Система внутренней маркетинговой информации [Текст] / Р.А. Вахитов // Бухучет и аудит, 2008. – №1. – С. 24-27.

13. Гронина, Ф.И. Экономическая оценка маркетинговых возможностей предприятия [Текст] / Ф.И. Гронина // Экономический формуляр. – 2009. – №2. – С. 37-39.

14. Бойченко, В.Г. Инфраструктура рынка и маркетинговая политика [Текст] / В.Г. Бойченко // Столица. – 2008. – №6. – С. 9-11.

15. Бондарь, Н.А. К вопросу о стабильности маркетинговой информации [Текст] / Н.А. Бондарь // Маркетолог столицы. – 2006. – №3. – С. 16-19.

16. Комаровская, В.В. Маркетинговая разведка [Текст] / В.В. Комаровская // Купец Нижнего Тагила. – 2006. – №15. – С. 4.

17. Комяков, А.В. Производительные силы в реализации маркетинговых программ [Текст] / А.В. Комяков // Студенчество Дальнего Востока. – 2007. – №9. – С. 67-68.

УДК (ББК) 332.012.324 (65.32-4)

**ОСНОВЫ МОНИТОРИНГА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КВАЗИКЛАСТЕРНЫХ
ИНТЕГРАЦИЙ**

BASIS OF MONITORING OF THE QUASICLUSTER INTEGRATION

С.Л. Васенев, г. Шахты, Ростовская обл., доцент кафедры «Организация производства и управления»

S.L.Vasenev, Shakhty, Rostov region, associate professor of "Production and management" department

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования

Federal State budgetinstitutionofhighereducation

«Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса»

«The South-Russian State University of Economics and Service»

www.servasa17@mail.ru

Аннотация: в статье предложено определение понятия «квазикластерная интеграция» и представлены основы мониторинга функционирования квазикластерных интеграций.

Abstract: this paper introduces a definition of «quasiclusterintegration» and presents a basis for monitoring the operation quasiclusterintegrations.

Ключевые слова: мониторинг, кластер, квазикластерная интеграция.

Key words: monitoring, cluster, quasiclusterintegration.

В современных социально-экономических условиях в рыночный механизм связи производителей и потребителей входят существенными составными элементами: структура рынка, поведение фирм в отраслях и результативность функционирования рынка, являющиеся взаимосвязанными элементами. Данное положение получило название – Гарвардская парадигма.

В 80-90-х гг. XX в. в экономической науке возрастает интерес к вопросам регионализации социально-экономической деятельности и формулируется понятие «кластер» [4]. В целом кластер – это стратегическая межорганизационная сеть отраслевого или межотраслевого характера, объединяющая ресурсы и ключевые компетенции не только фирм как экономических агентов, но и других организаций [6]. Кластер является стратегической межорганизационной квазиинтеграцией и в своём

развитии первоначально базируется на определенном виде межфирменной сети, локализованной в конкретном географическом районе. Только в результате благоприятного развития внешней конъюнктуры и всесторонней заинтересованности других региональных организаций, в том числе правительства, из межфирменной сети формируется кластер. По мере эволюции межфирменной сети в направлении формирования кластера, её структура проходит некоторый промежуточный этап. В ходе данного этапа на локализованной территории наряду с межфирменной сетью существуют (появляются) другие организации (НИИ, ВУЗы, инфраструктурные организации, провайдеры специализированных услуг и др.). Контакты между межфирменной сетью и данными организациями имеют иррегулярный характер и ещё не оказывают значительного влияния на результативность функционирования сети и региона в целом. Следовательно, отмеченные образования ещё не являются кластером, и уже не являются просто межфирменной сетью – выступают как квазикластерные интеграции (рис. 1). Но, развитие «квазикластерная интеграция → кластер» может и не произойти в случае регресса подобной структуры: деградации территориально-отраслевой системы создания стоимости или формирования классической интеграции.

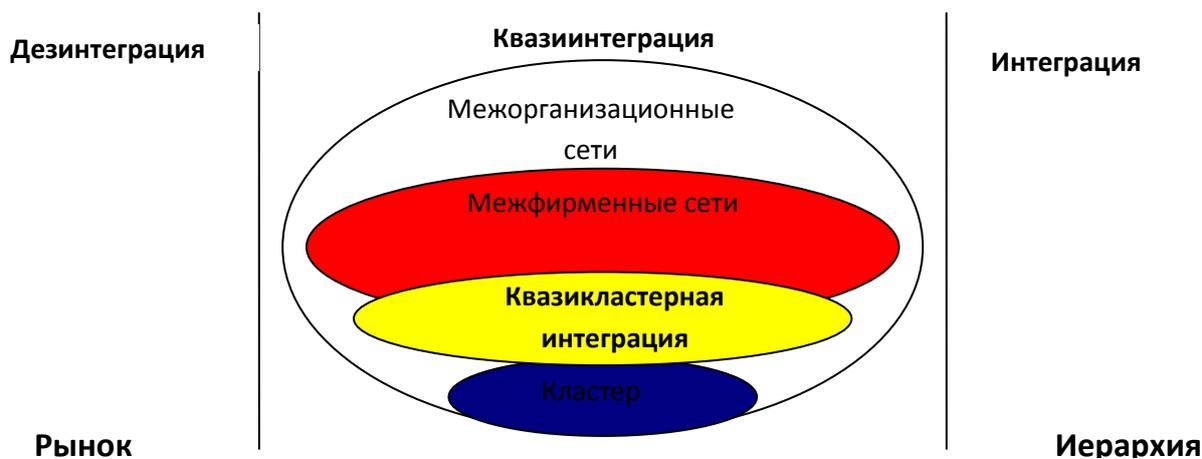

Рисунок 1 – Функционирование квазикластерных интеграций

Квазикластерная интеграция отличается от понятия «межфирменная сеть», во-первых, фактом географической локализации процессов хозяйствования на ограниченном пространственном ареале, во-вторых, наличием взаимосвязей с другими организациями. От кластера понятие «квазикластерная интеграция» отличается иррегулярностью и малой значимостью взаимосвязей межфирменной сети и других организаций, а также существованием разрывов в циркуляции потока ресурсов и/или информации в рамках системы создания стоимости.

Квазикластерные интеграции часто появляются и функционируют спонтанно, однако, правительство может стимулировать их развитие. В целом, правительственная

политика эффективнее в процессе укрепления существующей квазикластерной интеграции, чем в попытках содействия её созданию. Но, существенным препятствием в разработке эффективных мер стимулирования вышеназванных формирований является недостаток или полное отсутствие информации об их существовании и особенностях функционирования. Таким образом, необходима методика мониторинга названных процессов, которая должна включать в себя три этапа:

- идентификацию и определение границ квазикластерной интеграции;
- оценку влияния элементов региональной среды на процесс функционирования квазикластерной интеграции;
- механизм прогнозирования направления развития квазикластерной интеграции.

1. Этап. Определение границ квазикластерной интеграции. В процессе первоначального поиска и идентификации квазикластерных интеграций возникает проблема, обусловленная трудностями совместимости кластерного и отраслевого подходов структурирования производственно-хозяйственной деятельности. В результате этого, границы кластера практически невозможно установить однозначно, труднореализуемой является задача полного отображения совокупности взаимосвязей в процессе системы создания стоимости последнего.

Первоначальная идентификация и определение границ исследуемой квазикластерной интеграции в целом может основываться на результатах зарубежного опыта: алгоритме определения составных частей кластера М.Э. Портера и/или методологии выявления промышленных округов, разработанной Центральным институтом статистики Италии (ИСТАТ).

Алгоритм М.Э. Портера предполагает индивидуализированный подход к определению границ и структуры кластера и в общем виде состоит из следующей последовательности действий:

- рассмотрение факта функционирования крупной фирмы или концентрации фирм;
- поиск цепочки связанных с ними по вертикали ниже- и вышестоящих фирм;
- выявление отраслей «по горизонтали», проходящих по общим каналам или выпускающих побочные продукты (работы, услуги);
- выделение организаций, обеспечивающих кластер специалистами, технологиями, информацией, капиталом, инфраструктурой и иных групповых образований, в которые входят его участники;
- выявление правительственных и других регулирующих структур, оказывающих существенное влияние на членов кластера [4].

Согласно методологии ИСТАТ идентификация существующих кластеров проводится на основании соответствия совокупности критериев:

- округ должен быть представлен фирмами обрабатывающей промышленности, как с точки зрения превалирования по числу занятых, так и по показателю плотности размещения данной категории предприятий;

- доля занятых на предприятиях должна на 30% превышать соответствующий общенациональный показатель;

- показатель отношения числа местных фирм к численности местного населения должен быть выше среднего общенационального уровня;

- должен быть достигнут высокий уровень специализации на одной профильной отрасли;

- в структуре профильной отрасли должно иметь место абсолютное преобладание малых предприятий (более 50% всех занятых на предприятиях) [3].

В дополнение к двум названным алгоритмам, в процессе первоначальной идентификации и обоснования границ функционирования квазикластерной интеграции целесообразно использовать следующие критерии:

- доля территориального производства продукции (работ, услуг) должна превышать средненациональный уровень;

- доля территориального производства продукции (работ, услуг) должна расти или оставаться неизменной;

- территориальный выпуск продукции (работ, услуг) должен увеличиваться;

- демография фирм должна оставаться стабильной;

- уровень внутрирегиональной локализации должен оставаться стабильным.

2. Этап. Оценка влияния элементов региональной среды на процесс функционирования квазикластерной интеграции, в ходе которой проводится анализ основных преимуществ и недостатков, угроз и возможностей развития потенциального кластера. Сущность и содержание алгоритма оценки влияния региональной среды на процесс функционирования региональных квазикластерных интеграций заключается в анализе совокупности 32 индикаторов социально-экономического развития, сгруппированных в зависимости от принадлежности к «детерминантам ромба» М.Э. Портера. Значения индикаторов рассчитываются в разрезе исследуемого региона и в масштабах народного хозяйства страны в целом. Путём сравнения устанавливается наличие положительного либо отрицательного отклонения значения данной совокупности показателей. На основании проделанных расчётов проводится анализ и группировка индикаторов в зависимости от характера и интенсивности воздействия на квазикластерную интеграцию. Методика была апробирована на примере функционирования кожевенно-обувной локализации Ростовской области [2].

Подавляющее большинство кожевенно-обувных фирм Ростовской области, а также предприятий, занимающихся производством и продажей оборудования и материалов для обувной промышленности, локализовано либо в Ростове-на-Дону, либо в пределах 70-ти

километровой зоны от него. В области в среднем за 2000-2010 гг. фирмами сконцентрированными (95,8% общего количества) на юго-западе региона, выпускалось около 4% обуви, 7,0% жестких кож и 20% юфтевых кожтоваров России, а их численность за исследуемый период возросла почти в два раза. При этом кожевенно-обувная отрасль развивается интенсивнее промышленности исследуемого региона. За 2000-2010 гг. среднегодовой темп прироста индекса промышленного производства в кожевенно-обувной отрасли составил 14,3%, а в промышленности области в целом – 9,1% (табл. 1). Можно отметить и факт роста объёмов выпуска основных товаров кожевенно-обувной промышленности [2]. Всё это позволяет сделать заключение о функционировании на территории рассматриваемого региона динамично развивающейся квазикластерной интеграции.

Таблица 1 – Индекс промышленного производства (в %) [5]

Сектор экономики	2000	...	2006	2007	2008	2009	2010	Среднегодовой темп роста
Промышленность в целом	112,7	...	115,8	114,5	105,1	84,5	116,4	109,1
Кожевенно-обувная отрасль	135,0	...	116,6	100,8	99,5	78,4	151,5	114,3

Речь идёт именно о квазикластерной структуре, так как на территории рассмотренного региона не выстроена в полной мере система создания стоимости характерная для кластера. Локализация представлена преимущественно обувными предприятиями, функционирующими, в большей мере, на привозном сырье, комплектующих и полуфабрикатах. Отсутствуют специализированные производители колодок, форм и обувной фурнитуры, оборудования. Функции дизайнерских центров выполняются обувными предприятиями самостоятельно

Представленная методика индикативной оценки факторов, влияющих на становление и развитие квазикластерных интеграций, позволила установить основные проблемы функционирования исследуемой региональной квазикластерной интеграции, и выявить основные факторы, способствующие её развитию (рис. 2).

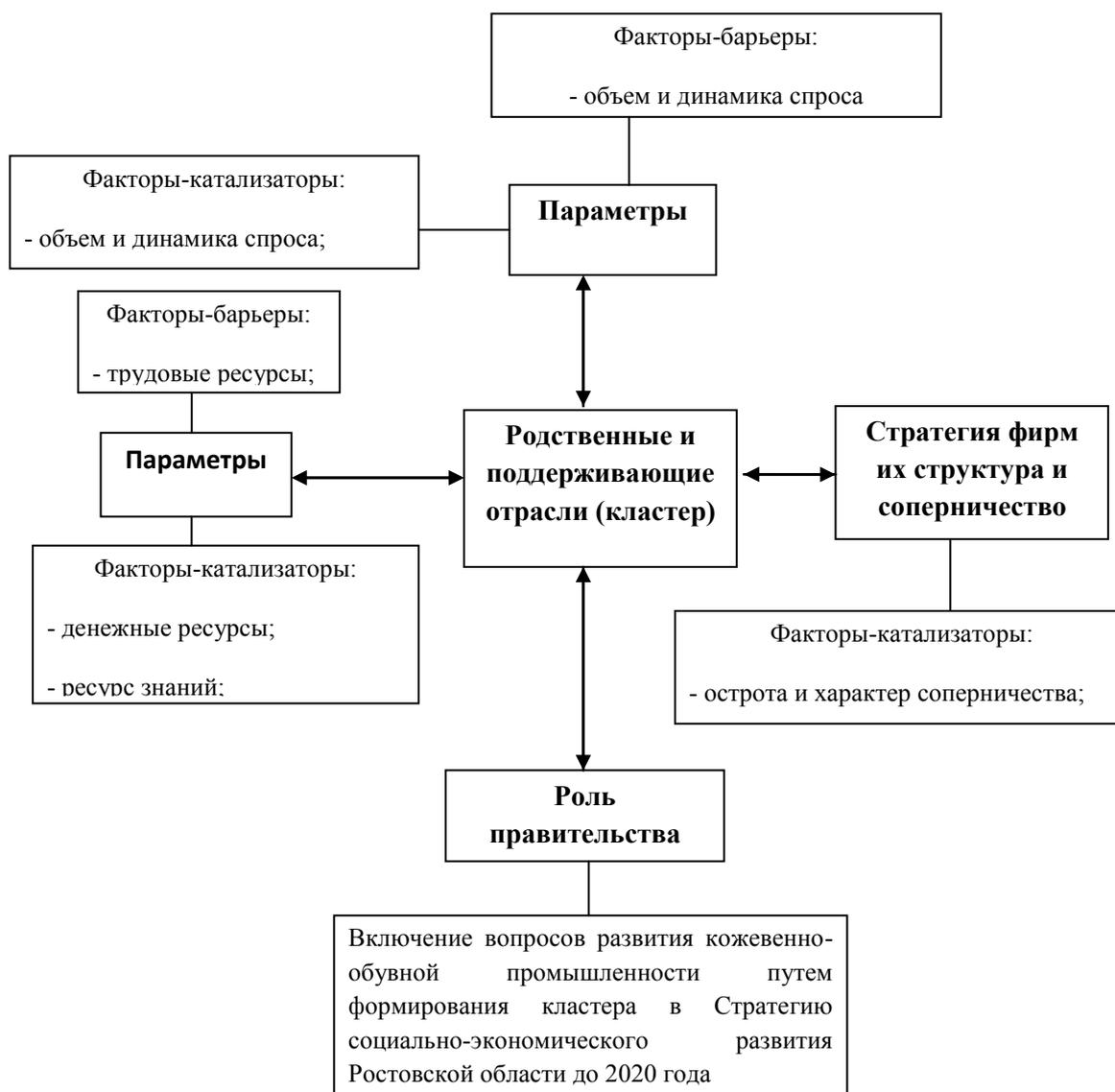

Рисунок 2 – Влияние детерминант на функционирование квазикластерной структуры Ростовской области

В целом системы квазикластерных интеграций неоднородны. Они различаются по характеру межфирменного взаимодействия. Основными обобщёнными типами, данных структур можно считать скопления малых и средних предприятий и формирования локализованной системы аутсорсинга вокруг одной или нескольких фирм лидеров. Стоит помнить, что многие отечественные кластеры имеют несформировавшуюся в полной мере структуру и могут идентифицироваться только как квазикластерные интеграции. Вследствие этого необходим механизм определения направления развития структуры квазикластерной интеграции (рис. 3).

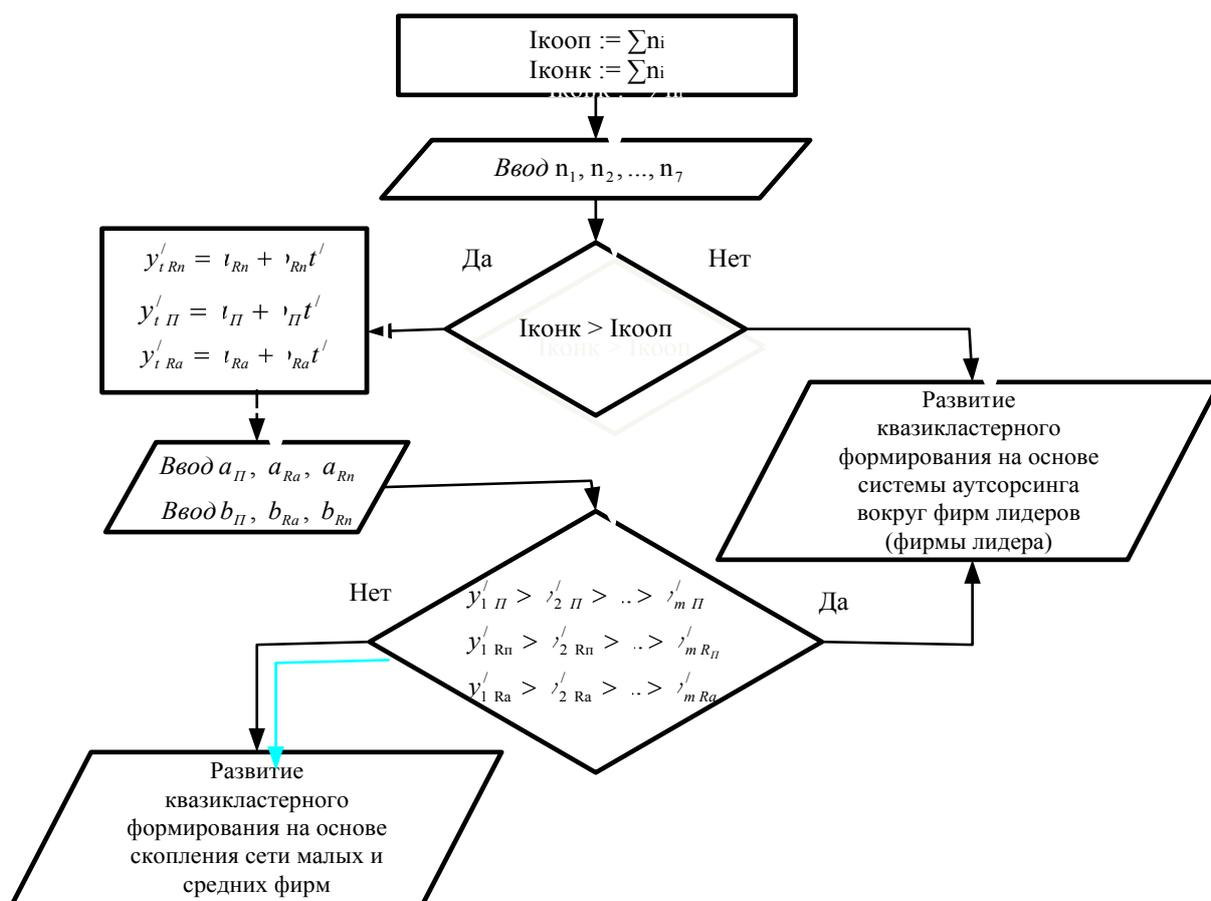

Рисунок 3 – Механизм оценки направления развития квазикластерной интеграции

Представленный механизм оценки направления развития квазикластерной интеграции, основан на анализе интенсивности протекания двух факторов-явлений: кооперации ($I_{\text{кооп}}$) и конкуренции ($I_{\text{конк}}$), которые дополнены оценкой вероятностью входа (появления) активной фирмы [2].

Апробация механизма определения структуры развития квазикластерной интеграции на примере ростовской кожевенно-обувной локализации позволила установить, что развитие исследуемой структуры происходит с преобладающим влиянием фактора «конкуренция» (рис. 4).

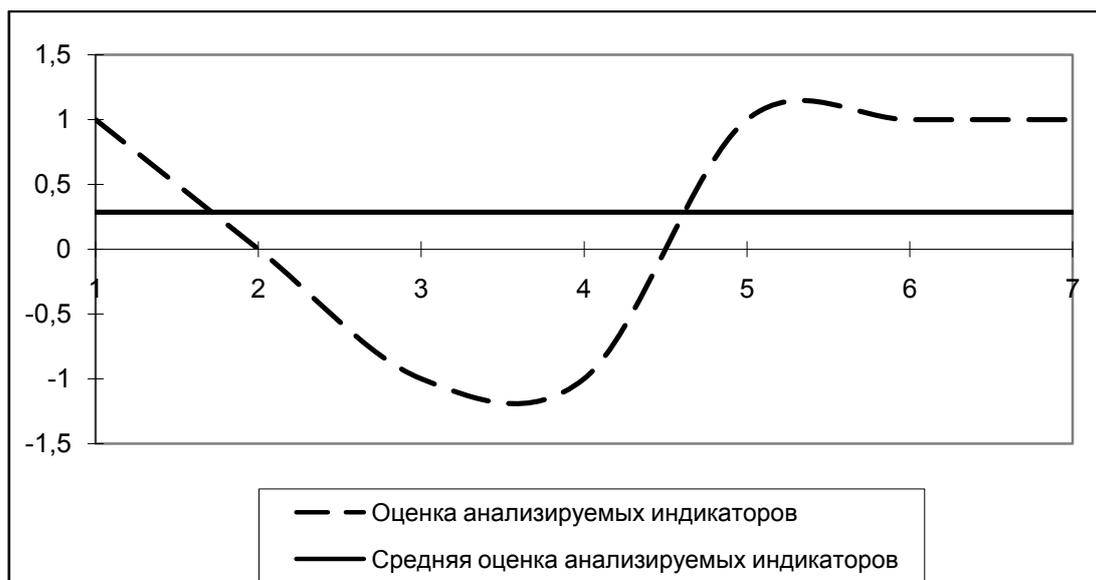

Рисунок 4 – Результаты оценки анализируемых индикаторов

Анализ вероятности появления в границах исследуемой квазикластерной интеграции фирм или фирмы-лидера основан на оценке индикаторов результативности исследуемого отраслевого рынка (табл. 2):

- динамике балансовой прибыли в сопоставимых ценах ($y_{t\Pi}$);
- рентабельности продаж ($y_{tR\Pi}$);
- рентабельности активов (y_{tRa}).

При тенденции роста данных показателей прогнозируется возможность появления в рамках рассматриваемой квазикластерной интеграции фирмы-лидера (фирм-лидеров). В остальных случаях констатируется отсутствие значимой вероятности становления (проникновения) в изучаемую квазикластерную интеграцию активной фирмы (активных фирм).

Таблица 2 – Индикаторы результативности отраслевого рынка исследуемой локализации (на конец года) [7]

Индикатор	2000	...	2003	2004	2005	2006	2008	2009	2010
$y_{t\Pi}$, млн. р.	9,8	...	11,4	53,2	21,0	39,7	69,0	103,6	97,0
$y_{tR\Pi}$, %	6,3	...	7,4	9,6	6,4	8,0	9,8	16,3	18,4
y_{tRa} , %	-	...	4,3	18,8	6,7	10,4	14,1	19,4	12,9

Выявлена тенденция роста показателя рентабельности продаж (формула 1), рентабельности активов (формула 2) и балансовой прибыли (формула 3) на предприятиях кожевенно-обувной отрасли Ростовской области.

$$y' = 1,28 + 1,97t' \quad (1)$$

$$y'_i = 0,81 + 1,24t' \quad (2)$$

$$y'_i = 15,524 + 0,669t' \quad (3)$$

Оценка особенностей структуры квазикластерной интеграции, сделанная согласно предложенному механизму, показала, что развитие исследуемой квазикластерной интеграции происходит с преобладающим влиянием фактора «конкуренция» – квазикластерная интеграция функционирует как скопление малых и средних фирм. Но, при сохранении тенденции повышения результативности отраслевого рынка прогнозируется рост интенсивности фактора «кооперация» и, следовательно, возможное изменение структуры квазикластерной интеграции в направлении формирования системы аутсорсинга, сконцентрированной вокруг одной или нескольких фирм-лидеров.

Формирование кластеров является перспективным направлением стратегического развития региональной экономики. Данные структуры выступают в качестве самодостаточных систем создания стоимости, определяют набор конкурентных преимуществ, недоступных изолированно функционирующим организациям. Но социально-экономическое развитие России на современном этапе позволяет предполагать существование лишь квазикластерных интеграций, потенциально способных стать фундаментом полноценных кластеров и опорными точками модернизации национальной экономики.

Литература

1. Васенев, С.Л. Проблемы функционирования региональной обувной локализации [Текст] / С.Л. Васенев // *Terraeconomicus*. – №1. – Т.8. – Ч.2. – 2010. – С. 138-145.
2. Васенев, С.Л. Региональные квазикластерные интеграции [Текст] / С.Л. Васенев // Монография. – Шахты: Издательство ЮРГУЭС. – 2012. – 170 с.
3. Вачнадзе, Г.Н. Деловая Италия [Текст]: тома XXII-XXIII. Спецвыпуск. Экономика и связи с Россией в 2004-2009 гг. / Г.Н. Вачнадзе // «ПОЛПРЕД Справочники». – М. – 2009. – май. – 280 с.

4. Портер, М. Конкуренция [Текст] / М. Портер; перевод с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. – 608 с.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: [Текст] Р32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 990 с.
6. Шерешева, М.Ю. Межфирменные сети [Текст] / М.Ю. Шерешева. – М: Эконом. фак-т МГУ., ТЕИС. 2006. – 320 с.
7. <http://gks.ru> (дата обращения 02.04.2012).

УДК338

**МОДЕРНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСОВЫМИ ПОТОКАМИ
СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКАЗОВ. СОЗДАНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ
КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
КОРРУПЦИОННЫМ ПРОЯВЛЕНИЯМ ПРИ РАЗМЕЩЕНИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАКАЗА
MODERNIZATION OF STATE ORDERS' CASH FLOW MANAGEMENT.
FORMATION OF FEDERAL CONTRACT SYSTEM AS AN ANTI-CORRUPTION IN
STATE ORDERS' PLACEMENT.**

Зибзеева Е.В. аспирант РГЭУ «РИНХ» г. Ростов-на-Дону, главный специалист министерства труда и социального развития Ростовской области

Zibzeeva E.V., postgraduate (P.G.), Rostov State Economic University "RINH", Rostov-on-Don, Chief specialist of the Ministry of Labour and Social Development of the Rostov region

referi88@yandex.ru

Аннотация. Реформирование бюджетной системы Российской Федерации предполагает повышение эффективности и качества управления общественными финансами, в том числе при размещении государственного заказа. Механизмом, который призван увеличить степень эффективности государственных закупок, урегулировать все этапы государственных и муниципальных заказов может стать - федеральная контрактная система.

Reformation of Russian Federation Budget System considers the increase of effectiveness and quality of public finance management including the procedure of state order placement. The mechanism for increasing of effectiveness of state purchases and for regulating all the stages of state and municipal orders can be the federal contract system.

Ключевые слова. Федеральная контрактная система, эффективность государственных закупок, бюджетный процесс.

Federal contract system, effectiveness of state purchases, budgeting

Реформирование бюджетной системы Российской Федерации предполагает повышение эффективности и качества управления общественными финансами. Наряду с такими составляющими, как развитие практики среднесрочного бюджетного планирования, переход к преобладающему значению программно-целевых методов планирования и организации бюджетного финансирования, обеспечение полной «прозрачности» всего бюджетного процесса, задача существенного улучшения качества управления общественными финансами на всех уровнях бюджетной системы

страны включает в себя и ориентацию на повышение эффективности бюджетных расходов.

Управление бюджетным процессом по расходам должно быть переориентировано на критерии эффективности осуществляемых затрат.

В современных условиях развития государства формирование отечественной системы размещения заказов можно охарактеризовать как поэтапное - с каждым новым периодом в структуру системы госзакупок привносятся новые, прогрессивные элементы, усиливающие роль конкуренции поставщиков, увеличивающие степень эффективности государственных закупок, прозрачности и открытости самой системы. При этом следует отметить, что на начальной стадии формирования (начало 90-х годов) новая российская система государственных закупок не отличалась отлаженностью, что объяснялось недостаточным финансированием государственных органов власти, неисполнением финансовых обязательств перед поставщиками, высоким уровнем коррупции в сфере размещения заказов, проблемами, связанными с бюджетным процессом. Кроме того, не согласовывались между собой нормативные правовые акты, регулирующие систему государственных закупок; терминология, применяемая в федеральных законах о госзакупках, существенно различалась, имели место разночтения в законодательных актах о государственных закупках и Гражданском кодексе Российской Федерации.

В настоящее время система государственных и муниципальных закупок переживает сложный, но при этом весьма полезный этап модернизации. В частности на государственном уровне появилось понимание того, что государственные закупки «не кончатся» на этапе заключения контракта, а скорее только начинаются. И что все этапы закупки (планирование, определение цены, мониторинг исполнения контрактов) нуждаются в нормативном регулировании не меньше, чем процедура отбора исполнителя контракта.

В бюджетном послании Президента РФ Федеральному Собранию отражено о начале работы «по комплексному реформированию системы государственных и муниципальных закупок, которая должна исправить недостатки существующей системы, создав реальные препятствия для необоснованного завышения цен и коррупции. Принят ряд первоочередных поправок в законодательство Российской Федерации о закупках для государственных и муниципальных нужд, начал функционировать общероссийский официальный сайт, существенно повысивший доступность и прозрачность информации о закупках. Готовятся изменения в законодательство Российской Федерации, направленные на формирование федеральной контрактной системы»[1], что должно содействовать эффективному использованию бюджетных средств при размещении государственного заказа.

Мировой опыт свидетельствует, что потребности государства в товарах, работах, услугах удовлетворяются более адекватно, если все процедуры государственного заказа

встроены в единую институциональную среду. Таковой должна стать федеральная контрактная система, поручение по созданию которой было дано еще в конце 2010 года. Следует сформировать механизмы основанные на основных принципах закупочного процесса, гарантирующие надлежащее качество закупок с учетом всего жизненного цикла продукции, а также обоснованность цен контрактов и надежный мониторинг их исполнения. В этой работе необходимо, наконец, полноценно учесть особенности сложной и инновационной продукции, работ и услуг, в том числе связанных с научными исследованиями. Использование неформализованных критериев при проведении конкурсных процедур должно сопровождаться обеспечением их максимальной открытости. При этом акцент должен быть сделан на достижении наилучшего результата закупок.

Необходимо рассмотреть вопрос о расширении практики заключения государственных (муниципальных) контрактов, выходящих за пределы финансового года. Но при этом должна быть повышена и ответственность государственных (муниципальных) заказчиков за несоблюдение установленных сроков планирования и подготовки государственных (муниципальных) контрактов.

С учетом потребности в таком регулировании Минэкономразвития России обнародовало на официальном сайте концепцию Федеральной контрактной системы (ФКС) - механизма, который призван урегулировать все этапы государственных и муниципальных заказов.

Основной идеей законопроекта является создание условий функционирования федеральной контрактной системы (ФКС) – совокупности норм и правил, обеспечивающих единый технологический цикл, объединяющий ключевые этапы обеспечения государственных нужд, а именно: прогнозирование поставок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд, формирование государственными и муниципальными заказчиками планов обеспечения государственных (муниципальных) нужд, размещение заказов на поставку товаров, работ, услуг, юридическое оформление результатов размещения заказов, исполнение и мониторинг государственных контрактов.

Целью данного законопроекта является существенное повышение эффективности обеспечения государственных нужд на основе реализации единого цикла формирования, размещения государственного заказа и исполнения государственных контрактов, который позволяет создать условия для выполнения публичных обязательств государства, адекватное потребностям государства в качестве поставляемых товаров, работ и услуг, эффективное использование ресурсов, надежное управление технологическими и экономическими рисками, существенное снижение коррупции в государственном секторе.

Для достижения поставленных целей требуется решить следующие задачи правового регулирования:

1. Сфокусировать цели регулирования на достижении эффективности закупок

при условии реализации системы антикоррупционных мер и обеспечения экономии бюджетных средств.

2. Обеспечить гармонизацию прав и ответственности поставщика и госзаказчика - найти оптимальное сочетание прав и ответственности поставщика и заказчика, обеспечив в обоих случаях защиту интересов добросовестных участников процесса госзакупок.

3. Создать систему обратной связи, которая позволит влиять на достижение конечных результатов государственных и муниципальных закупок.

В настоящее время в Российской Федерации различные стадии государственного заказа в разной мере нормативно регламентированы, методически обеспечены и организационно структурированы. Существующее законодательство не обеспечивает единства подходов к регулированию всего цикла размещения государственного заказа.

На стадии формирования (планирования) государственного заказа действует бюджетное законодательство, которое ориентировано на обеспечение целевого и эффективного использования средств бюджета. При этом взаимосвязь бюджетного процесса и планирования государственных закупок в целях обеспечения государственных нужд осуществлена не в полной мере.

Детальное нормативное правовое регулирование стадии размещения государственного заказа обеспечивает Федеральный закон № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнения работ, оказания услуг для государственных и муниципальных нужд». Закон определяет требования к процедурам организации торгов, отбора поставщиков, заключения контракта, юридического оформления сдачи-приемки работ, ограничивает коррупционные проявления.

Регулирование стадии исполнения государственных контрактов ограничивается применением общих положений гражданского законодательства, специфические механизмы регулирования практически не применяются.

Текущему правовому регулированию сферы обеспечения государственных и муниципальных нужд свойственны следующие проблемы[6]:

- приоритет мер защиты интересов подрядчика над мерами защиты интересов государственного (муниципального) заказа;

- приоритет экономии бюджетных средств над обеспечением качества закупаемых для государственных нужд товаров, работ, услуг;

- невозможность использовать различные способы обеспечения государственных нужд при доминировании ограниченного набора способов торгов (конкурс или аукцион);

- отсутствие законодательного закрепления института мониторинга цен, определения начальных цен контрактов;

- использование только одной модели контракта – контракт с фиксированной ценой;

- ограниченность возможностей заказчика по воздействию на недобросовестного поставщика.

Указанные недостатки правового регулирования приводят к сбоям в основной деятельности организации заказчика, а именно к существенному распространению случаев поставки товаров, выполнении работ ненадлежащего качества (особенно в отношении технически сложной продукции, НИР и НИОКР), значительной доле контрактов со срывом установленных сроков поставки.

Таким образом, текущее нормативное правовое регулирование носит разрозненный и разнонаправленный характер. В связи с этим не удастся добиться как сокращения коррупции в этой сфере, так и создания условий для обеспечения необходимого качества закупаемых товаров, работ и услуг.

Решение существующих проблем возможно только при комплексном рассмотрении системы удовлетворения государственных нужд — включая не только стадию размещения заказа, но также стадии планирования закупок и исполнения контрактов. На этой основе должны быть выработаны системные решения повышения эффективности обеспечения государственных нужд.

В настоящее время планирование обеспечения государственных нужд в натуральном выражении практически не осуществляется. Финансирование в этой сфере осуществляется по принципу «от достигнутого». При этом обоснования параметров государственных нужд носят формальный характер и не в полной мере учитывают основные приоритеты социально-экономического развития. Не применяются оценки экономических последствий обеспечения государственных нужд.

В процессе обоснования бюджетных ассигнований планового периода не разрабатываются и не используются планы обеспечения государственных нужд, не учитываются результаты исполненных и исполняемых государственных контрактов. Существующий порядок обоснования бюджетных ассигнований не позволяет на этапе планирования определить ключевые параметры государственных контрактов, что в свою очередь приводит к невозможности проводить в дальнейшем детальный мониторинг исполнения государственных контрактов.

Уровень освоения средств, результаты исполнения государственных контрактов практически не учитываются в последующем при обосновании ассигнований на следующий бюджетный цикл, что создает риски повторения ситуации неосвоения бюджетных средств.

Законопроект должен предусматривать обязанность ГРБС формировать среднесрочные прогнозы обеспечения государственных и муниципальных нужд (на срок до трех лет), которые должны быть увязаны с основными приоритетами социально-экономического развития страны. С учетом бюджетных ограничений на основе прогнозов должны формироваться планы обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Вместе с тем, ФКС должен контролировать и этап заключения контрактов. Законопроект должен устанавливать понятие и статус типового государственного и муниципального контракта, библиотеки типовых государственных и муниципальных контрактов, которая должна содержать проекты государственных контрактов, типовые формы иных необходимых документов, обязательность утверждения методических рекомендаций по применению типовых контрактов, особенности правового статуса отдельных типов государственных (муниципальных) контрактов.

Типовые контракты разрабатываются, в том числе, на стандартные товары, работы и услуги, на проведение научно-исследовательских работ, на приобретение технически сложной продукции, продукции военного назначения, на капитальное строительство, на иные виды товаров, работ и услуг с учетом их специфики. Типовой государственный контракт включает в себя перечень условий, в том числе обязательных, а также порядок применения рекомендательных норм. По сложным проектам, реализация которых требует заключения нескольких договоров, библиотека должна предоставлять государственному заказчику пакет типовых государственных контрактов, способных защитить интересы государства на всем протяжении реализации проекта.

Законопроект должен устанавливать принцип обязательного использования типовых контрактов, а также порядок определения «коридоров» допустимого отклонения от положений типовых контрактов и порядок принятия решений в случае необходимости таких отклонений.

Законопроект устанавливает право одностороннего досудебного расторжения контракта. Обязательное обоснование вынесения подобного решения по основаниям неисполнения поставщиком своих обязательств соответствует положениям Гражданского кодекса РФ о прекращении обязательств. По соглашению сторон и при наличии обстоятельств, оговоренных в законопроекте, разрешается менять условия контракта в определенных пределах (не более 10-20% количественного выражения условия контракта) при публичном оглашении такой возможности в документации о закупке и проекте контракта.

За период 2008-2011 неуклонно растет доля государственного (муниципального) заказа, размещенного на внеконкурсных процедурах. Это порождает объективные условия для расширения масштабов коррупции. В большинстве случаев доминирующим при принятии решения о присуждении контракта является максимальный уровень декларативной экономии бюджетных средств. При этом заказчик существенно ограничен в отборе поставщиков по критериям качества закупаемых товаров, работ и услуг. Существующие ныне процедуры позволяют участвовать в размещении заказа и побеждать поставщикам с низкой квалификацией, не обладающим возможностями для исполнения государственного или муниципального контракта.

Предусмотренные в текущем законодательстве механизмы обеспечения качества в

основном направлены на применение санкций к поставщику по факту невыполненного контракта. В этих случаях в результате недобросовестных действий поставщиков государственные заказчики несут двойной ущерб: не выполнен заказ по закупке товаров, работ и услуг необходимого качества, бюджетные средства не освоены и возвращены в бюджет.

В связи с этим, основным направлением совершенствования законодательства в сфере размещения государственного заказа является дифференциация процедур размещения заказа в зависимости от видов закупаемых товаров, работ, услуг. Последние могут быть разделены на три категории:

стандартные товары, работы, услуги;

товары, работы, услуги, качество которых можно оценить только в процессе эксплуатации / использования объекта закупки;

товары, работы, услуги, закупаемые у единственного источника.

Для первой категории закупок основным способом размещения должен стать электронный аукцион, а также упрощенные способы закупки простых (каталожных товаров), такие как закупка на основе рамочных контрактов.

Модернизация действующей в настоящее время конструкции электронного аукциона на наш взгляд должна быть проведена по следующим направлениям: необходимо в законопроекте определить и разграничить полномочия и ответственность заказчика и оператора электронной торговой площадки, включая не только административную, но и имущественную, уголовную ответственность за реализацию установленных законом функций, а также в законопроекте необходимо с целью уменьшения рисков мошенничества, коррупции, искусственной задержки размещения заказа и своевременного возврата средств обеспечения заявок предусмотреть законодательное регулирование внесения средств обеспечения заявок только на счета заказчика в казначействе.

Еще одним важным вопросом при размещении государственных заказов являются проблемы текущей организации процесса исполнения государственных (муниципальных) контрактов. На стадии исполнения государственных контрактов не определены схемы и механизмы управления исполнением государственного контракта, не применяются проектные принципы управления, не создана система многоуровневого мониторинга исполнения государственных контрактов. Кроме того, это стадии свойственны следующие проблемы:

- Отсутствие унифицированных процедур приемки результатов работы и обязательств государственного заказчика по установлению требований к гарантийному обслуживанию, его срокам и объемам. Приемка работ подчас осуществляется без независимой экспертизы результатов работы, отсутствуют прозрачные регламенты проведения приемки и механизм неотвратимого наложения санкций в случае выявления

некачественных результатов работы.

- Система мониторинга и оценки эффективности исполнения государственных контрактов не создана.
- Оценка рисков исполнения государственных контрактов практически не проводится.
- Государственный заказчик имеет значительные возможности для существенного изменения ключевых параметров проекта по сравнению с теми параметрами, которые были предъявлены и одобрены в качестве обоснования бюджетных ассигнований на его реализацию.
- Ограничение деятельности государственного заказчика в сфере контрактной деятельности формальными процедурами размещения заказа, заключения контракта, приемки работ, что приводит к невозможности своевременного реагирования на изменяющиеся условия реализации государственных контрактов.

Законопроект на наш взгляд должен закрепить совокупность правовых институтов управления исполнением государственных и муниципальных контрактов, как самостоятельной сферы правового регулирования, в частности:

- исполнение государственных и муниципальных контрактов на основе соответствующих регламентов и стандартов;
- обязательность применения проектных принципов управления, технологий мониторинга исполнения государственных контрактов;
- детализация процедур приемки результатов и администрирования гарантийного периода.

Также планируется установить следующие процедуры, которые применяются на этапе закрытия контракта:

- оценка эффективности исполнения государственного контракта;
- ведение реестра результатов деятельности поставщиков;
- аудит государственных контрактов.

Оценка эффективности предназначена для оценки качества управления государственным контрактом со стороны государственного заказчика. По результатам оценки эффективности готовится доклад, форма которого и порядок подготовки устанавливаются Постановлением Правительства Российской Федерации

Реестр результатов деятельности поставщиков содержит данные о результатах выполнения поставщиком государственных контрактов и предназначен для учета результативности деятельности поставщиков при продлении контрактов и проведении новых конкурсных процедур.

Аудит государственного контракта предназначен для оценки результатов потребления заказанных товаров, работ и услуг. Процедуры аудита проводятся по истечению шести месяцев после подписания акта сдачи приемки результатов по

государственному (муниципальному) контракту. По результатам аудита готовится доклад, форма которого и порядок подготовки устанавливаются Постановлением Правительства Российской Федерации.

Законопроект устанавливает типы товаров, работ и услуг, по которым применяются процедуры закрытия государственного (муниципального) контракта, а также ценовые пороги, в рамках которых применяется процедуры закрытия контрактов.

Ключевыми параметрами, по которым проводится оценка эффективности исполнения контрактов, являются:

- соблюдение сроков исполнения контрактов (промежуточных и итоговых);
- выполнение контракта в пределах плановых бюджетных назначений;
- уровень качества промежуточных и итоговых результатов исполнения контракта и другие показатели.

- В процессе и по итогам исполнения контрактов законопроект должен предусматривать формирование рейтингов эффективности реализуемых контрактов. Оценка эффективности и построение рейтингов контрактов в перспективе должны стать одним из инструментов стимулирования заказчиков и исполнителей контрактов.

Список литературы.

1. Бюджетное послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.06.2011 "О бюджетной политике в 2012 - 2014 годах".

2. Анчишкина О. В., Кузнецова И. В. Федеральная контрактная система как один из инструментов обеспечения модернизации и технологического обновления экономики России. Журнал «Госзаказ», 2010, № 19, с. 12–17.

3. Головщинский К.И. Шамрин А.Т. КОНЦЕПЦИЯ ПРОЕКТА ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ФЕДЕРАЛЬНОЙ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ». Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. № 2

4. Бальсевич А. (НИУ ВШЭ), Подколзина Е. (НИУ ВШЭ), Пивоварова С. (НИУ ВШЭ) Результаты государственных закупок в регионах России: сравнительный анализ. XIII Апрельской Международной научной конференции «Модернизация экономики и общества» 3-5 апреля 2012г. <http://www.hse.ru>

5. Головщинский К. И., Шамрин А. Т. Концепция проекта федерального закона «О федеральной контрактной системе». Журнал «Госзаказ», 2011, № 2, с. 113–136.

6. Доклад ГОУ ВШЭ Система госзакупок: на пути к новому качеству. М. 2009. <http://www.hse.ru>

7. Концепция проекта федерального закона «О федеральной контрактной системе». Заседание экспертной группы № 13 по направлению «Повышение

эффективности государственных инвестиций и государственных закупок, создание федеральной контрактной системы». <http://www.hse.ru>

8. Доклад Ольги Анчишкиной «Принципы и основные задачи проекта федерального закона "О федеральной контрактной системе"». <http://www.hse.ru/>

9. Система госзакупок: на пути к новому качеству.

УДК 33.81

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗА EVALUATING THE PERFORMANCE OF HIGH SCHOOL INNOVATION

Куликова Ю.П. Аспирант кафедры управления ГБОУ ВПО «Королевский институт управления, экономики и социологии»

Kulikova J.P. Graduate student of Management Department The Korolev Institute of Management, Economics and Sociology

jp.kulikova@gmail.com

Сегодня в мире наглядно проявился комплекс закономерностей, связанных с формированием «новой» экономики, базирующейся на знаниях, одной из особенностей которой является самая тесная, масштабная и многосторонняя интеграция образовательной, научной деятельности и бизнеса, проявляющаяся как на национальном уровне, так и в процессе глобализации мирового хозяйства.

Today, the world clearly demonstrated complex patterns associated with the formation of "new" economy based on knowledge, one feature of which is the closest, large-scale and multi-integration of education, science and business, which is manifested both at the national level and in the process of globalization the world economy.

Ключевые слова: инновация, синергетический эффект, интеграция образования, научной деятельности и бизнеса.

Key words: innovation, synergy, integration of education, science and business.

Автор проанализировал реализацию инновационной политики в Гуманитарном институте, который позволил сделать заключение, что в этом Институте накоплен значительный опыт подготовки специалистов по аккредитованным специальностям высшего образования, а также различных специализаций и направлений по дополнительному образованию, в том числе опыт консультирования, повышения квалификации работников, а также управленческого персонала в сфере подготовки информационных технологий (далее ИТ) по программированию в автоматизированных системах бухгалтерского учета и управления предприятием, таких, как «1С» с привлечением высококвалифицированных ИТ-специалистов этих и других компаний.

Подготовка специалистов с одновременным повышением их квалификации, а также получением дополнительного профессионального образования (дополнительной квалификации) в сфере ИТ ведется по таким направлениям, как: «Разработчик профессионально ориентированных компьютерных технологий», «Технолог ИТ», «Web-дизайнер» и др. Такие дополнительные квалификации могут присуждаться лицам, имеющим высшее профессиональное образование по специальностям экономики и

управления, выпускаемых на протяжении 15 лет, что, по нашему мнению, является исключительно важным для повышения качества подготовки прикладных IT-специалистов в сфере экономики, бухгалтерского учёта и управления для малого и среднего бизнеса московского региона, создания предпосылок для более интенсивного его развития, повышения качества управления предприятиями и организациями малого и среднего бизнеса за счет использования современных информационных технологий в управлении.

В целом в настоящее время Гуманитарный институт сосредотачивает свои усилия в развитии дополнительного образования в сфере IT для малого бизнеса и образовательного процесса с применением дистанционных технологий образования по следующим направлениям:

- организация переподготовки профессорско-преподавательского состава кафедр высшего образовательного учреждения(ов) по дистанционному образованию;
- разработка, экспериментальная проверка и распространение учебных курсов (лекций, семинаров, практикумов) и методических пособий, в том числе через собственные Интернет-ресурсы);
- консалтинг в области новых информационных технологий для IT-индустрии, в первую очередь для СМСБ в сфере бухгалтерского учета и финансового менеджмента.

Гуманитарный институт в своей структуре имеет следующие подразделения, которые могут быть задействованы в реализации дополнительных образовательных программ в сфере IT для СМСБ, а также в продвижении информационных и web-технологий для развития СМСБ (в рамках финансирования, выделенного, например, Фондом поддержки малого предпринимательства):

- кафедра математики и информатики;
- отдел компьютерных технологий и программно-технического обеспечения;
- научно-производственный департамент;
- редакционно-издательский отдел;
- научно-методический отдел;
- лаборатория информационных (web-технологий) технологий в образовании;
- лаборатория инновационных технологий менеджмента образования.

Сегодня в области дополнительного образования имеется только предварительный перечень программ дополнительного образования по направлению IT, составленный Министерством образования и науки Российской Федерации, включающий следующие программы:

- «Специалист в области компьютерной графики и Web-дизайна (Web-дизайнер)»;
- «Системный инженер (специалист по эксплуатации аппаратно-программных комплексов персональных ЭВМ и сетей на их основе)»;
- «Разработчик профессионально ориентированных компьютерных технологий»;

– «Менеджер наукоемких технологий».

Количество направлений научных исследований за отчетный период с каждым учебным годом увеличивается (с 32 до 52). Такая тенденция сохранится до тех пор, пока количество ППС высшего образовательного учреждения не будет задействовано в научной работе почти полностью.

Как показывают результаты анализа, участие ППС Гуманитарного института в научных конференциях и семинарах, за последние пять лет участие ППС в научных конференциях и семинарах заметно увеличилось по всем видам мероприятий: международным, всероссийским, региональным и внутренним.

Анализ редакционно-издательской деятельности ППС Гуманитарного института также указывает на активизацию данного направления в последние два года, как по количеству выпуска монографий, так и по учебным пособиям и учебникам, а также по изданию научных статей и докладов.

Оценивая направления международного сотрудничества в Гуманитарном институте, можно заключить, что в 2009-2010 гг. оно активизировалось, прежде всего, за счет участия в зарубежных конференциях, семинарах, конкурсах, издания научных трудов за рубежом.

В качестве детализированного анализа деятельности инновационной политики высшего образовательного учреждения автором предлагается использование сбалансированной системы показателей и оценки результативности высшего образовательного учреждения по ключевым направлениям: образование, научная деятельность и участие в бизнес-процессах.

Проведем оценку результативности проведения инновационной политики в деятельности Гуманитарного института по ключевым показателям деятельности факультетов, среди которых: экономический, юридический и психологический.

Фрагмент сбалансированной системы показателей, составленной по предлагаемой методике на примере результатов самообследования образовательных услуг Гуманитарного института за 2010 год.

По итогам проведенного исследования анализа результативности инновационной политике в области образовательных услуг в Гуманитарном институте автором установлено, что показатель результативности образовательных услуг в рамках высшего профессионального образования (0,922) в несколько раз превышает аналогичный показатель по послевузовскому образованию (0,178).

Поскольку образовательный потенциал высшего образовательного учреждения во многом формируется путем интеграции научно-методической и редакционно-издательской деятельности, то целесообразно суммировать показатели этих видов деятельности в отдельном блоке.

В ходе анализа результативности услуг инновационной политики в научно-методической и редакционно-издательской деятельности, автором сформирован вывод о том, что по направлению редакционно-издательской деятельности Гуманитарный

институт показывает лучшие результаты как в качественном, так и количественном отношении (0,93:0,12).

Качество услуг профессионального образования в Гуманитарном институте обеспечивается деятельностью факультетов высшего профессионального образования. Методика оценки результативности этой деятельности может быть продемонстрирована.

По итогам оценки результативности деятельности факультетов Гуманитарного института, автором получен вывод о том, что юридический факультет имеет лучшую результативность деятельности (8,645) по ключевым направлениям работы высшего образовательного учреждения и занимает ключевую позицию в проведении инновационной политики высшего образовательного учреждения, уступая место экономическому факультету (ССП=7,64) и психологическому факультету (ССП=6,185).

Список литературы:

1. Карлофф Б. Деловая стратегия / Б. Карлофф. - М. : Экономика, 2007. - 239 с.
2. Карнаухов С.Б. Методы анализа и обработки данных для мониторинга регионального рынка образовательных услуг. М.: Изд-во Рос.экон. акад., 2007 – 236 с.

Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура: пер с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ. 2000

УДК 333

**ОБЗОР РОСТОВСКОГО РЫНКА ЛИЗИНГОВЫХ УСЛУГ.
ИТОГИ 2011 ГОДА
REVIEW OF ROSTOV MARKET OF LEASING SERVICES.
RESULTS OF 2011**

Серова В.О. Ростовский Государственный Экономический Университет (РИНХ).
Аспирант заочной формы обучения кафедры «Финансово-экономического инжиниринга».
Специалист по пред-контрактному сопровождению, ЗАО «Европлан».
Россия, г. Ростов-на-Дону.

Serova V.O. Rostov State Economic University. Part-time post-graduate student of the
finance and economics engineering department. Pre-contract support specialist, "Europlan".
Rostov-on-Don, Russia

vom@europlan.ru, vichka_m@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию о Ростовского рынка лизинговых услуг, анализу распределения спроса по сегментам в целом на российском рынке лизинга, географического распределению объема новых сделок в 2011 году, структуры лизингодателей по форме собственности.

Abstract. This article is devoted to the study of the Rostov leasing market, analyzing the distribution of demand by segment as a whole in the Russian leasing market, the geographic distribution of new deals in 2011, the structure of the lessors in the form of ownership.

Ключевые слова: Лизинг, рынок, Ростов-на-Дону, инвестиции, эффективность, перспективы.

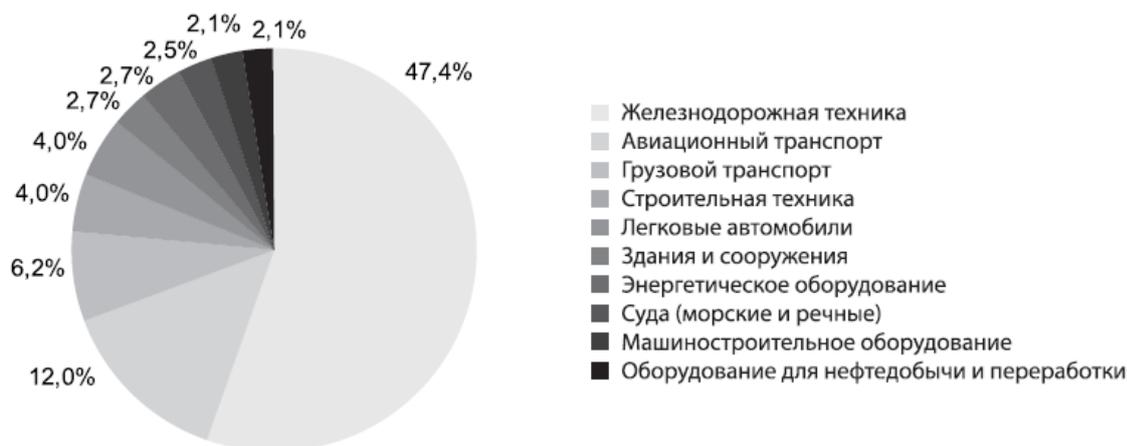
Key word: leasing, market, Rostov-on-Don, investment, performance, prospects.

Ростовский рынок лизинговых услуг растет более чем на 100% в год. Благоприятная инвестиционная обстановка, развитие строительной и сельскохозяйственной отраслей, модернизация сферы ЖКХ — все это обеспечивает лизингодателей достаточным количеством клиентов и способствует дальнейшему активному развитию рынка.

Одним из наиболее ярких событий, повлиявших на рынок лизинговых услуг, стал кризис ликвидности в США, разразившийся осенью 2007 года. Это событие заставило многих игроков рынка сменить свои оптимистичные взгляды на развитие рынка в России на более прагматичные: почти всем лизинговым компаниям пришлось поднять ставки в среднем на 1,5–3% из-за снижения банками объемов кредитования и сократить количество сделок с клиентами из-за ограниченности свободных денежных ресурсов на открытом рынке.

По оценкам экспертов, в общей массе российский рынок лизинга в 2011 году замедлился, но сумма новых сделок все же стала максимальной за всю историю. По итогам прошлого года лизингодатели заключили новых сделок на сумму 1,3 трлн рублей – на 79% больше, чем в 2010 году (прирост рынка в 2010 году составил 130%). С учетом только рыночных сегментов темпы прироста более скромные.

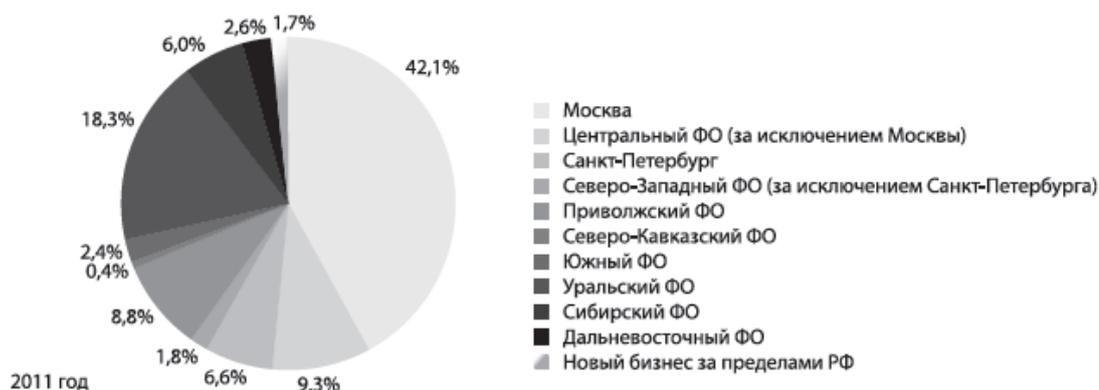
На данном этапе, распределение спроса по сегментам на российском рынке лизинговых услуг сложилось следующим образом:

Источник: «Эксперт РА» по результатам анкетирования ЛК

Спрос на услуги лизинговых компаний сегодня оправдывает все самые смелые ожидания. Уже второй год подряд объем лизингового бизнеса в Южном регионе удваивается. Очевидно, что это обусловлено динамичным развитием экономики региона, постоянной потребностью местных компаний в обновлении основных фондов, а также растущей инфляцией. В ближайшие 2–3 года весь рынок лизинга вполне может вырасти в 5–7 раз. При этом емкость рынка лизинга оценить невозможно, так как его «края» не видны даже при сегодняшней вполне сложившейся экономической конъюнктуре. Планы развития автомобильной промышленности, строительного сектора, малого бизнеса говорят о том, что спрос на лизинг будет увеличиваться вместе с ростом экономики. К примеру, будут разрастаться и обновляться корпоративные автопарки, где уже около 30% единиц техники взяты в лизинг, из них около 10–15% автомобилей приобретаются для руководства компаний. Не менее 40% роста рынка лизинга, на мой взгляд, в ближайшие 5 лет обеспечат более 8000 строительных организаций. Развитию рынка будет способствовать и внедрение нацпроектов.

Графическое распределение объема новых сделок в 2011 году

Источник: «Эксперт РА» по результатам анкетирования ЛК

В Ростове сейчас работает около 100 лизинговых компаний. За прошедший год их количество увеличилось незначительно — в основном, за счет дочерних компаний крупных федеральных банков, открывших в Ростове свои филиалы.

По данным «Эксперт РА», в настоящий момент структура ЛК по форме собственности сложилась следующим образом:

Структура рынка лизинга РФ в разрезе собственников

Среди них местных игроков, которые не являются явно «карманными», около 10 — это компании «Центр-Лизинг» и ЛК при банке «Центр-Инвест», «Адмирал-Лизинг», ГК «Лизинговое агентство», ООО «Лизинговая компания «Ростовская областная

АККОР», «Южная лизинговая компания» и др. Небольшое количество региональных ЛК обусловлено, прежде всего, ограниченным доступом к дешевым финансовым ресурсам.

Однако эксперты считают, что рынок еще не насыщен. Количество ЛК в городе пока недостаточное, чтобы говорить о высоком уровне конкуренции: рынок сейчас находится на стадии формирования конкурентной среды. Его емкость значительно выше сегодняшнего объема. Поэтому пока лидеры выражены слабо. Компании спокойно работают, не сталкиваясь друг с другом. Спрос на лизинговые услуги постоянно растет, а удовлетворен он всего на 20–30%. ЛК не испытывают недостатка в клиентах — напротив, многим желающим воспользоваться лизингом приходится отказывать — в большинстве случаев из-за недостаточного количества денежных ресурсов. ЛК проводят столько сделок, сколько могут профинансировать. Поэтому о конкуренции говорить еще рано.

Конкуренция между лизинговыми компаниями усилилась после прихода в донской регион двух крупных игроков — ЛК Внешторгбанка и ЛК Сбербанка.

Несмотря на то, что многие ЛК, работающие в регионе, позиционируются как «универсалы», эксперты отмечают тенденцию к специализации игроков. Если раньше работу в узкой нише могли себе позволить дочерние компании крупных банков или отраслевые ЛК при крупных производственных холдингах, то уже сейчас практически каждая компания выбрала для себя доминирующий в лизинговом портфеле сегмент. Специализируются компании по различным критериям. По целевой аудитории: одни предпочитают работать с крупным бизнесом, другие — со средним и малым, третьи разрабатывают схемы работы с частными предпринимателями. По предметам лизинга: помимо вышеупомянутых автолизинговых, есть ЛК, специализирующиеся на отраслевом производственном, полиграфическом оборудовании, строительной технике и т. д. Работая в узкой нише, ЛК укрепляют свои позиции

Однако на ростовском лизинговом рынке немало игроков, которые делают ставку на розничные продажи, считая их наиболее перспективными. Это такие компании, как ЛК Europlan, ALD Automotive Russia, «Carcade Лизинг» и т.д.: Несмотря на то, что сегмент автолизинга несколько снизил темпы роста, он все еще занимает большую часть рынка от общего объема всех лизинговых сделок в Ростове. В ближайшем будущем ситуация не изменится. По мнению экспертов, даже развитие автокредитования, конкурирующее с лизинговыми продуктами, не влияет на динамику темпов роста автолизинга в регионе.

А вот с реализацией оборудования, особенно какой-нибудь узкой специализации, могут возникнуть серьезные проблемы. Во-первых, продать его будет сложно из-за отсутствия спроса, а во-вторых, это оборудование нельзя изъять без решения суда, а суды могут длиться годами, по прошествии которых лизингополучатель в итоге отдаст металлолом.

Эксперты практически единодушно назвали наиболее перспективными сегменты спецтехники и строительного оборудования. У многих ростовских предприятий

изношенность основных фондов доходит до 80%. Это портовые хозяйства, коммунальные компании, различные заводы. Все они — потенциальные клиенты лизингодателей. Помимо этого, активно развивается малый и средний бизнес, у которого также стабильный спрос на спецтехнику и оборудование.

Спрос на лизинг строительного оборудования формируют ростовские застройщики и девелоперы, которые в ближайшие годы намерены возвести рекордное количество квадратных метров жилой и коммерческой недвижимости. В ближайшие несколько лет в Ростове будет популярна услуга оперативного лизинга автотранспорта с полным сервисным обслуживанием. Этот сегмент будет показывать большие темпы роста в регионе, т.к. автомобили не переходят в собственность клиента, что делает данный продукт доступным и позволяет регулярно обновлять парк автотранспорта. Преимуществом оперативного лизинга является неполная выплата стоимости автомобиля, т.е. клиент в лизинговых платежах погашает только часть суммы стоимости автомобиля, т.к. автомобиль остается в собственности ЛК. Другим преимуществом является полный спектр сервисного обслуживания автотранспорта и управление автопарком клиентов в едином фиксированном месячном платеже. У ЛК в ближайшем будущем доля оперативного лизинга в общем портфеле значительно увеличится.

**ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ
SCIENCE OF LAW**

УДК

**УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН: НЕОБХОДИМОСТЬ РАДИ СВОБОДЫ
CRIMINAL STATUTE: NECESSITY FOR THE SAKE OF FREEDOM**

Рецензия на монографию: Панченко П.Н. Свобода и уголовный закон. Монография. – Н.Новгород: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – 2012. 632 с.

Review of the monograph: Panchenko P.N. Freedom and criminal statute. Monograph. – N. Novgorod: National research university “High school of economics”. – 2012. 632 p.

8928933333@mail.ru

В.Н.Зырянов. Доктор юридических наук, профессор, директор Ростовского юридического института Российской правовой академии Минюста России.

V.N. Zyryanov. Doctor of law, professor, Rostov-on-Don, head of Rostov institute of law of Russian legal academy of the Russian Federation Ministry of Justice.

Аннотация: В статье обосновывается актуальность, научная новизна и творческий подход автора к пониманию соотношения свободы и уголовного закона.

Annotation : In the article the topicality, scientific novelty and author’s creativity about comprehension of ration of freedom and criminal statute are substantiated.

Ключевые слова: свобода, уголовный закон, ограничение свободы.

Key words: freedom, criminal statute, personal restraint.

Интерес к рецензируемой книге возникает уже при ознакомлении с ее названием. Ведь до сих пор тема свободы в нашей юридической литературе не ставилась в прямую связь с уголовным законом. Считалось, что уголовный закон больше ассоциируется с несвободой, чем со свободой. Тем более, что основной и наиболее часто применяемой была, есть и на долгие годы вперед будет оставаться такая уголовно-правовая мера наказания, как *лишение свободы* – от минимально возможного ее срока (два месяца) до практически бесконечного (пожизненного) ее срока.

Но логика автора – другая. Уголовный закон действительно *лишает* свободы, но кого именно? Конечно же, тех, кто совершает преступления. А это как раз и есть те люди, которые на свободу и посягают. Таким образом, уголовный закон, ограничивая свободу и лишая ее тех, кто на нее же и посягает, *раздвигает* пределы свободы, причем делает это *для всех*, в том числе для самых преступников. Трудно себе представить, что могло бы произойти, если бы уголовный закон неожиданно вдруг на неделю-другую «замолчал». Люди опасались бы даже выйти на улицу. Это все равно, что в жилищах, скажем, на неделю-другую вдруг погас бы свет – не приходится сомневаться в том, что тут же

подняли бы головы воры, грабители, разбойники, бандиты, убийцы. И подобные события, как известно, уже случались в мире. Да и в тех же самых исправительных колониях осужденные могли бы лишиться даже тех крохотных остатков свободы, которыми они располагают, будучи формально полностью лишенными свободы.

Автор подходит к существу темы как бы издалека. Вначале он обсуждает вопросы государственной власти и ее политики в области уголовного закона, затем ставит уголовный закон в связь с Конституцией и общепризнанными принципами и нормами международного права, рассматривает суть и значение презумпции знания законов для свободы, и только потом раскрывает основные вопросы свободы, прав человека и их обеспечения средствами уголовного закона, государственной власти, общественного контроля и юридического образования. Такая последовательность в подаче темы дает максимально возможный теоретический и практический результат.

По ходу работы автор «рисует» многочисленные картины реального состояния свободы в России, обосновывая ими (в том числе и ими) свои выводы относительно потенциала свободы, формируемого с использованием силы уголовного закона. Например, в книге справедливо обращается внимание на то, что остаются, к сожалению, без какого-либо правового реагирования факты очередей в отделениях Почты России, Сбербанки России, страховых и некоторых других наших «присутственных мест», в которых люди, не будучи в чем-либо виновными, теряют свою свободу, причем в общей сложности на довольно продолжительное время – ежегодно, по подсчетам автора, на неделю или даже больше. В пересчете на всех взрослых жителей России это – как минимум, семьсот миллионов человеко-дней, ежегодно.

Почему такое происходит, причем именно в наши дни, когда мы, казалось бы, только и говорим о демократии, свободе, правах человека? Да потому что, как считает автор, не работают (или если и работают, то не так, как надо, неэффективно) законы, которые призваны обеспечивать и демократию, и свободы, и права человека. Если говорить о тех же очередях в «присутственных местах», то здесь власть эксплуатирует естественное стремление людей погасить разного рода задолженности – по коммунальным и иным платежам. Иначе – штрафы. Обстановка стояния в таких очередях – крайне тяжелая. В тюрьме, как резонно замечает автор, люди хоть *сидят*, а здесь они обычно *стоят* – стоят, искренне сочувствуя друг другу, но и с примесью еще и такого чувства, что они как бы взаимно «мешают» друг другу – в этих мрачных интерьерах не тюремных, но в чем-то и тюремных «казематов».

Положение спасает лишь то, что это – сплошь и рядом пенсионеры и инвалиды, взявшие на себя в силу, как правило, умеренной занятости свои и своей работающей родни заботы. Тем самым люди воспринимают выпавшие на их долю тяготы несвободы как их неизбежную при данных обстоятельствах жертвенность – во имя свободы близких. И... никаких «бунтов», «смут», «переворотов», «революций» или других подобных

событий. Но долго ли это может так продолжаться? Пройти техосмотр – день или два, техобслуживание – еще день, поменять резину – полдня, поменять мебель в квартире – неделя или две и т.д.

П.Н.Панченко с математической аккуратностью подсчитывает потери времени россиян, включая их потери на общественном транспорте, в торговых учреждениях, ателье и т.д., и приходит к неутешительному, но в принципе правильному выводу – о том, что без уголовного закона «бедному россиянину век свободы не видать». Речь не идет о привлечении, скажем, того же Г.Грефа или еще кого из высокопоставленных должностных лиц, ведающих соответствующими «присутственными местами», именно к *уголовной* ответственности, но проблему-то надо все же как-то решать. И если всех других законов здесь мало, то надо, как полагает автор, хотя бы как-то намекнуть кое-кому из соответствующих должностных лиц о том, что уголовный закон в стране все же существует. И к тому же предусматривает достаточно строгую ответственность за незаконное лишение свободы кого бы то ни было (ст. 127 УК).

Ведь уголовный закон пока еще никем не отменен и в соответствии с ним всякое посягательство на свободу, в том числе такое, о котором здесь идет речь, должно получать, как минимум, адекватную юридическую оценку. Разумеется, одного уголовного закона здесь недостаточно, нужны и соответствующие меры политического, экономического, социального, организационного и иного характера. Только комплекс их может обеспечить ту свободу, которой мы сегодня достойны. И автор представляет свое заслуживающее внимания видение решения данной насущной проблемы.

П.Н.Панченко развивает идеи Д.А.Медведева относительно плана нового уголовного законодательства, в основе которого – смягчение ответственности за экономические преступления, декриминализация отдельных деяний небольшой опасности, расширение круга оснований освобождения от уголовной ответственности, возвращение к административной преюдиции, введение альтернативных лишению свободы наказаний, и, вместе с тем, усиление ответственности за преступления сексуального характера, совершаемые в отношении несовершеннолетних, за преступления, связанные с наркотиками, за преступления террористической и экстремистской направленности, возвращение в систему квалифицирующих признаков неоднократности совершения преступлений и рецидива преступлений (с. 24-42). Сформулированные в этой части выводы, конкретизирующие намеченную руководством страны уголовную политику, заслуживают, на наш взгляд, не только поддержки, но и реализации.

Углубляясь в различных местах своей работы в историю свободы в аспекте права, автор не без оснований отмечает, что чем больше власть насаждает обществу «свое» право, тем больше она и сама становится как бы заложником своих демократических инициатив. Желает она того или нет, но приходится ей постепенно становиться более

законной, правовой, легитимной, более отвечающей интересам общества и всех граждан. И, в то же время – менее репрессивной и, естественной, более раздвигающей рамки свободы. «Если бы власть не ограничивала себя в... строгости.., – справедливо подчеркивает П.Н.Панченко, – то она не только до сих пор продолжала бы применять смертную казнь, но и убивала бы, подобно библейскому царю Ироду, даже младенцев, причем, может быть, даже сразу же после появления их на свет – в том числе, например, по мотиву рождения их от «плохих родителей». Или в силу той «философии», что любая человеческая жизнь в условиях нынешней деструктивной действительности, когда десятки миллионов россиян фактически отданы «на откуп» мошенникам от рыночной экономики, настолько плотно наполнена криминогенными факторами, что устоять перед ними, не совершив ни одного какого-либо преступления, практически невозможно» (с. 69).

Понятно, что не все здесь на месте – «Ирод», «младенцы», «плохие родители», «мошенники», «криминогенные факторы» и т.д. А тем более, крик отчаяния – все мы, мол, одним миром мазаны, в том числе «миром» криминальным. Как говорится, «смешались в кучу кони, люди...», но главная мысль автора (о том, что чем больше в обществе права, тем больше в нем свободы) все же в принципе верна. Кстати, нельзя не отдать автору должное в формулировании им образных выражений, в том числе претендующих в отдельных случаях в чем-то даже на афоризмы (которые в ряде случаев выносятся даже в эпиграфы к главам – в соответствии с темами последних) – например, типа следующих: «раб свободы – хозяин необходимости», «быть свободным – быть благоразумным», «власть для свободы, а не свобода для власти», «закон есть мерасвободы», «знать закон – быть свободным», «есть свобода – есть права», «есть права – есть свобода», «государство для общества, а не общество для государства», «больше юристов – больше свободы».

Высшими формами самоограничения государственной власти и, следовательно, расширения в обществе свободы являются, как считает автор, Конституция и общепризнанные принципы и нормы международного права. Свобода – слишком важная общечеловеческая ценность, чтобы она, как считает автор, была отдана «на откуп» национальному праву. А поэтому ее берет под свою защиту и право международное. В данной связи в работе указывается на необходимость совершенствования не только наших отраслевых и конституционных законоположений, но и соответствующих положений международного права. Вносятся на этот счет конкретные предложения, в том числе касающиеся, например, таких неперемennых условий свободы, как экологическая, эстетическая, культурная и иная обустроенность «среды обитания» человека. Человек, как считает П.Н.Панченко, не может быть свободным, если нет элементарного порядка в должном оформлении его жилища, надлежащем убранстве жилых кварталов, в их эстетике, озеленении, рациональном размещении детских учреждений, учреждений образования, культуры, физкультуры, спорта, проведения досуга, здравоохранения и т.д.

Все эти аспекты рассматриваемого вопроса, по мнению автора, столь же важны, как и его сугубо поведенческие аспекты.

Весомую исследовательскую нагрузку в работе имеют ее главы 5 и 6 – соответственно «Свобода как высшая ценность, охраняемая уголовным законом» и «Права человека и уголовный закон». Здесь автор аргументирует вывод о том, что главная свобода человека в нынешних условиях – это свобода его от эксплуатации во всех ее видах и разновидностях. На первый взгляд, этот материал представляется слегка отдающим коммунистической идеологией – какая, мол, «эксплуатация», если «на дворе» XXI век. Но, по мере углубления в текст, становится отчетливо видно, что в рассматриваемых вопросах (впрочем, как и во всех других) автор стоит на вполне современных позициях. Эксплуатация, как с основанием отмечает автор, была, есть и еще долго будет оставаться реальной, если ей достаточно активно не противодействовать, в том числе с использованием силы уголовного закона.

П.Н.Панченко насчитывает, по меньшей мере, 26 видов эксплуатации, свойственных нынешней нашей российской действительности, и по каждому из них в работе предлагается свой «рецепт» необходимого им противодействия. Подробному разбору с позиций интересов уголовно-правового обеспечения свободы подвергаются такие виды эксплуатации, как эксплуатация политическая, экономическая, социальная, трудовая, служебная, корпоративная, контрольная, научная, учебная, воспитательная, религиозная, торговая, транспортная, медицинская, сценическая, спортивная, уголовно-юрисдикционная, продовольственно-фальсификационная, никотинная, алкогольная, наркоманная, бытовая, сексуальная, подневольная, коррупционная и общекриминальная.

По мнению П.Н.Панченко, вся история человечества – это, в сущности, есть история борьбы человека за свою свободы, за свои права. Права человека автор рассматривает как предмет исторического спора между прошлым и настоящим, настоящим и будущим, человеком и обществом, обществом и государством. И этот спор, по мнению автора, постепенно разрешается все же в пользу человека, хотя и требует постоянного наращивания соответствующих усилий.

Уместной в монографии представляется также глава седьмая, посвященная проблематике общественного контроля – в связи с вопросами уголовно-правового обеспечения свободы. Здесь автор показывает, что соотношение свободы и необходимости в стране во многом зависит от оптимального соотношения в ней государственного контроля над обществом и общественного контроля над государством.

В монографии обосновывается вывод о том, что без свободного человека нет гражданского общества, без гражданского общества нет правового государства, без правового государства нет свободного человечества, а без свободного человечества (как и без гражданского общества и правового государства) нет свободного человека. А поэтому борьба за свободу должна осуществляться по всему спектру названных зависимостей,

включая зависимость состояния свободы человека и общества от обеспечения оптимального баланса в соотношении контроля государства над обществом и контроля общества над государством. Миссия уголовного закона заключается здесь как раз в поддержании своими специфическими средствами отмеченного баланса.

Есть ли в книге недостатки? Конечно же, есть. Это и пристрастие автора к своему и только своему видению проблем свободы в связи с уголовным законом, и отсутствие развернутого анализа по этим проблемам уголовно-правовой практики, и заметный крен в сторону цитирования преимущественно публицистических материалов, и некоторая категоричность в суждениях и выводах, и не всегда оправданные отступления сугубо политического, экономического, социологического и морально-нравственного характера.

Но в целом творческий замысел автора, на наш взгляд, в книге осуществлен. В ней достаточно полно освещены основные аспекты избранной темы и она, смеем надеяться, заинтересует каждого, кому небезразличны судьбы свободы в нашей стране и в мире в целом, решаемые средствами права и правовой политики. Считаю, что данная работа займет свое достойное место на книжных полках библиотек.

УДК343

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСУЖДЕННОГО
СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ПЕРИОД ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ НЕ
СВЯЗАННОГО С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ**

**THE CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTIC CONDEMNED COMMITTED THE
CRIME IN SERVING OF PUNISHMENT NOT CONNECTED WITH IMPRISONMENT**

М.В. Бузина, г. Рязань, Академии ФСИН России.

Адъюнкт кафедры криминологии и организации профилактики правонарушений;

M.V.Buzina, Ryazan, Academies FSIN of Russia .

Post-graduate student of the department of criminology and organization of transgression prevention

buzinabmw@mail.ru

В статье дается криминологическая характеристика личности осужденных совершивших преступления в период отбывания наказаний не связанных с лишением свободы.

In article the criminological characteristic of the person condemned committed crimes in serving of punishments not connected with imprisonment is given.

Ключевые слова: испытательный срок, наказание не связанное с изоляцией от общества, условное осуждение.

Keywords: a trial period, punishment not connected with isolation from a society, conditional condemnation.

Личность осужденного – это, прежде всего человек, обладающий определенной совокупностью социальных свойств, пользующийся в соответствии со своими внутренними качествами определенными правами и свободами. Человек, совершивший преступление и отбывающий уголовное наказание, является участником самых различных общественных отношений и проявляет себя в них как личность. Не признавать в преступнике, отбывающем наказание, личность, значит свести человека как общественное существо к биологическому индивиду [1, с. 8]. Будучи существом социальным, осужденный наделен биологическими особенностями, которые делают его личность такой, какая она есть.

Теоретические основы изучения личности осужденного совершившего преступление в период отбывания наказания не связанного с лишением свободы, предполагает определение совокупности критериев, для ее адекватной оценки. Такое изучение не только обеспечивает своевременное выявление, устранение или нейтрализацию «механизмов» преступного поведения, причин и условий совершения

преступлений, но и способствует качественному изучению контингента осужденных, по составлению их криминологического портрета, выработке мер индивидуальной профилактики преступлений и повышению эффективности деятельности уголовно-исполнительных инспекций.

Несмотря на довольно продолжительную историю изучения личности осужденных и наличие большого количества исследований различных категорий осужденных: в зависимости от вида совершенного преступления; вида примененного наказания; а также вида наказания не связанного с лишением свободы, отмечается, что все указанные исследования, как правило, касались лиц, отбывающих только уголовные наказания, и практически не уделялось внимание лицам, которым были назначены иные меры уголовно-правового воздействия.

Учитывая, что наказания не связанные с лишением свободы применяется как с целью предупреждения осужденными совершения новых преступлений, так и с целью их исправления, характеристику осужденных совершивших преступления в период отбывания наказания предлагается рассматривать по трем основаниям:

- а) социально-демографическая;
- б) уголовно-правовая;
- в) уголовно-исполнительная характеристика.

Уголовно-правовая характеристика учитывается при назначении уголовного наказания и мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы, которая выражается в характере и степени общественной опасности совершенного им преступления, а социально-демографическая характеристика, может свидетельствовать о возможности и целесообразности применения к лицу наказания не связанного с лишением свободы.

При исполнении наказания не связанного с лишением свободы, учитывается уголовно-исполнительная характеристика осужденных, которая позволяет определить степень их исправления и своевременно отреагировать на негативные и/или позитивные изменения в поведении в период отбывания наказания.

Социально-демографическая характеристика осужденных, совершивших преступления в период отбывания наказания не связанного с лишением свободы

Данная характеристика дается на основе анализа таких данных, как пол, возраст, семейное положение, состояние здоровья, образование, социальное, материальное положение и место жительства осужденных.

Общая характеристика осужденных, в криминологическом аспекте может определяться как «благоприятная». Это подтверждается тем фактом, что из выбранной совокупности изученных личных дел осужденных лишь 17,5% характеризовались отрицательно. Остальные же характеризовались либо положительно – 37,8 %, либо удовлетворительно – 44,7 %.

Отмечается некоторое увеличение доли осужденных женщин отбывающих наказания не связанные с лишением свободы (8,4% из всей исследованной группы осужденных) в сравнении с 5,9% осужденных к лишению свободы. Доля осужденных женского пола среди лиц, совершивших повторные преступления в течение испытательного срока, составила – 6,1 %, а мужского пола – 93,9 %. Здесь можно отметить небольшую «конкуренцию» условного осуждения данной категории (ст.73 УК РФ), с отсрочкой отбывания наказания, предусмотренной ст. 82 УК РФ. В исследуемом массиве личных дел осужденных женщин отбывающих наказания не связанные с лишением свободы у 28,3% имелись малолетние дети или они были беременны, однако, учитывая данные обстоятельства, суд, тем не менее, назначал им условное осуждение, а в 8,4% случаев возложил на них исполнение определенных обязанностей.

Изучение распределения по возрасту осужденных отбывающих наказания не связанные с лишением свободы показало, что абсолютное большинство – 84,3% принадлежит к возрастным группам 18-40 лет, а почти половина от всего массива изученных осужденных приходится на возрастную группу 20-29 лет (49,2%).

Особый интерес вызывает, исполнения уголовных наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы в отношении несовершеннолетних. Анализ осуществления контроля за данной группой осужденных показывает, что они фактически находятся под «двойным» контролем – уголовно-исполнительных инспекций и подразделений по делам несовершеннолетних. В результате этого эффективность такого контроля значительно ослабляется, в следствие чего, как отмечают исследователи, повышается «рецидивоопасность данной категории осужденных к наказаниям, не связанных с лишением свободы» [2, с. 5]. Показательным здесь является условное осуждение, начиная с 1997 года и по настоящее время оно применялось в среднем к 70 % осужденных, не достигших возраста 18 лет. Вместе с тем условное осуждение несовершеннолетних дает стабильно высокий уровень повторной преступности (в среднем более 72 %) по сравнению с условно осужденными взрослыми (около 16 %).

Логичным на наш взгляд является предложения отдельных авторов, о необходимости переноса «основной тяжести» контроля за несовершеннолетними осужденными к наказаниям не связанным с лишением свободы на подразделения по делам несовершеннолетних ОМВД. Органы внутренних дел в лице ПДН и других служб имеют огромный опыт работы с несовершеннолетними правонарушителями и такой подход полностью согласуется с Федеральным Законом «Об основах государственной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [3, с. 14].

В криминологии сложилась устойчивое представление о том, что семья является действенным антикриминогенным фактором. Между тем, как показала перепись, 77,1%

осужденных не состояли в браке на момент осуждения. Специфика исследуемого института отражает некоторое увеличение процента осужденных к наказаниям не связанным с лишением свободы, состоявших на момент осуждения в браке (33, 2%) в сравнении с осужденными к лишению свободы. Среди выбранной группы осужденных к наказаниям не связанным с лишением свободы – 38,2 % имели на иждивении в момент осуждения несовершеннолетних или малолетних детей.

В большинстве приговоров вышеуказанных лиц (91,5%) при определении вида и размера наказания суды указывали на данное обстоятельство как смягчающее, и в некоторых случаях оно являлось в какой-то мере решающим при назначении наказания не связанного с лишением свободы.

Кроме того, при изучении социально-демографической характеристики данной группы осужденных было установлено, что 9,6 % осужденных признаны страдающими наркоманией различной стадии, а 14,9 % осужденных – алкоголизмом, 3,4 % осужденных были больны туберкулезом, 0,3 % осужденных оказались ВИЧ – инфицированными и 5,9 % осужденных имели психические расстройства, не исключающие вменяемости.

В связи с достаточно большим удельным весом осужденных, к наказаниям не связанным с лишением свободы страдающих наркоманией и алкоголизмом, актуальным является вопрос обсуждаемый законодателем о возобновлении применения принудительных мер медицинского характера. Ибо существующая на сегодняшний день судебная практика возложения на таких лиц обязанности пройти курс лечения от выявленных заболеваний, не дает положительного результата. Исполнение такой обязанности крайне затруднительно проследить контролирующему органу, а в отдельных случаях и выполнить самому осужденному (например, проживающих в сельской местности).

Образовательный уровень рассматриваемого контингента осужденных достаточно высок, что связано с повышением образовательного уровня населения в целом. В сравнении с общим массивом осужденных к лишению свободы в 1999г. среди условно осужденных наблюдается преобладание в 1,7 раз лиц со средним профессиональным образованием (25,4%, осужденные к лишению свободы – 14,9%), а также в 3,6 раз – лиц с высшим образованием (4,7% и 1,3%). В то же время очевидно отставание изучаемой категории осужденных от контрольной группы с полным средним (39,2% и 48,1%) и с неполным средним образованием (29,1% и 35,8%).

Занятыми трудовой или учебной деятельностью среди условно осужденных оказалось 60,8%, нигде не работали и не обучались 36,7% условно осужденных, пенсионеры – 2,5%.

Из числа занятого населения абсолютное большинство составляют работники государственных структур – 29,8%, велика доля учащихся – 17,2%, удельный вес

работников частных предприятий и организаций –11,6%, иной деятельностью занимались 2,1%.

Учитывая, что среди условно осужденных велика доля лиц без определенного занятия, последних необходимо привлекать к труду, обучению и назначать такую обязанность, как выполнение бесплатных общественных работ на местах и объектах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями.

Уголовно-правовая характеристика осужденных, совершивших преступления в период отбывания наказания не связанного с лишением свободы

Данная характеристика, как правило, осуществляется на основе анализа следующих критериев:

- 1) категория совершенного преступления;
- 2) роль осужденного в совершенном преступлении (если преступление совершено в группе);
- 3) наличие или отсутствие судимостей;
- 4) вид и срок (размер) назначенного основного и дополнительного наказаний;
- 5) продолжительность испытательного срока (если таковой предусмотрен законодательством).

Анализ преступлений, совершенных осужденными, к наказаниям не связанным с лишением свободы показал, что наибольшее количество осужденных совершили преступления средней тяжести – 39,7%. Почти такое же количество тяжких преступлений – 37%, доля преступлений небольшой тяжести составляет 20%. За совершение особо тяжких преступлений осуждены условно 3,2%. Последняя группа условно осужденных в 69,5% случаях либо не довели преступление до конца и были осуждены с применением ст. 30 УК РФ за приготовление или покушение на преступление, либо участвовали в совершении данного преступления в роли подстрекателя или пособника и осуждены по соответствующим статьям Особенной части УК РФ со ссылкой на ст. 33 УК РФ. Почти треть преступлений были совершены осужденными в группе 38,8% (контрольная группа – 47,1%).

Изучение выполняемой роли осужденных к наказаниям не связанным с лишением свободы в совершенных преступлениях свидетельствует о том, что в 98,4% случаев они являлись исполнителями преступлений, 1,1% – пособниками и 0,5 % – подстрекателями совершенных преступлений.

Проведенный сравнительный анализ уголовно-правовых характеристик осужденных к наказаниям не связанным с лишением свободы и осужденных к лишению свободы позволил констатировать их схожесть, что свидетельствует о некотором размывании границ между реальным наказанием и иными наказаниями. Отдельные исследователи видят негативную сторону так называемой гуманизации процесса

исполнения наказаний, при которой условия в местах лишения свободы зачастую легче, чем при отбывании наказаний без лишения свободы.

К ранее судимым данная уголовно правовая мера применялась в 6,5% случаях (контрольная группа – 52,9%). Причем у 1,1% имелось по две и более судимостей, а 3,7% ранее отбывали наказание в местах лишения свободы, но к моменту осуждения судимость была снята или погашена.

В этой связи нельзя исключать возможность применения наказания без лишения свободы к лицам, ранее отбывавшим наказание в виде лишения свободы и имеющим не снятую и непогашенную судимость.

При анализе назначенного условно осужденным основного наказания стало очевидным абсолютное преобладание назначенного условно лишения свободы – 93%, в то время как условно к исправительным работам были осуждены лишь 7% из всего выбранного массива.

Анализ назначенного условно осужденным срока лишения свободы свидетельствует о том, что 82,9% лиц суды назначали наказание в виде лишения свободы на срок от 6 месяцев года до 3 лет. На долю тех, кому назначено лишение свободы на срок более 3 лет, приходится 17,1%, из них более 4 лет – чуть более 5%. Срок лишения свободы, назначаемый условно и превышающий 5 лет, составляет всего 2,1%. Средний срок лишения свободы при применении наказаний не связанных с лишением свободы, составил – 1,7 года.

При условном осуждении к исправительным работам их срок в большинстве случаев в 86,7% не превышает 1 года. Средний срок данного наказания – 8 месяцев.

В ходе проведенного анализа испытательного срока, установленного условно осужденным, стало очевидным, что в большинстве (95,6%) данный срок назначается от 6 месяцев до 3 лет. Почти в половине случаев назначенные условно осужденным испытательные сроки не превышали 1 года (48,2%) и в 35,2% составляли от 1 года до 2 лет.

Относительно определения продолжительности испытательного срока можно присоединяется к мнению ученых, предлагающих сократить максимальный испытательный срок до 3 лет и не назначать его свыше размера наказания, назначенного условно, так как при превышении этих пределов он теряет свое карательно-исправительное воздействие [4, с. 32].

Уголовно-исполнительная характеристика осужденных, совершивших преступления в период отбывания наказания не связанного с лишением свободы

Предметом уголовно-исполнительной характеристики данной категории осужденных, является их отношение к назначенным наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с лишением свободы, а также средствам их

исправления. Здесь необходимо отметить, что исправление осужденных к наказаниям не связанным с лишением свободы, реализуется через:

а) оценку степени исправления осужденных в период отбывания наказания – выполнение (невыполнение) возложенных судом обязанностей (их полная или частичная отмена или дополнение);

б) продление испытательного срока или отмена условного осуждения и снятие судимости (наличие и количество предупреждений и поощрений) [5, с. 8].

При рассмотрении вопроса об осведомленности контролирующего органа о личности осужденного прийти к выводу, что уголовно-исполнительные инспекции практически «с нуля» осуществляют изучение личности условно осужденного, несмотря на то, что в отношении каждого из них возбуждалось уголовное дело, проводилось предварительное расследование, а 21,1% осужденных до применения к ним наказания содержались в местах предварительного заключения, средний срок которого составил 5 суток. Изучение личных дел осужденных к наказаниям не связанным с лишением свободы показало, что характеризующий их материал не поступает в УИИ не только из следственного изолятора, но в материалах, собранных следователем в процессе расследования (сконцентрированного в уголовном деле).

При рассмотрении судебной практики о возложении на условно осужденных «срочных» обязанностей (явка на регистрацию, трудоустройство, прохождение курса лечения, возмещение ущерба и т.п.) необходимо отметить, что судом должен устанавливаться конкретный срок или дата, до которой необходимо выполнить данную обязанность, что позволит уголовно-исполнительным инспекциям, вносить обоснованные и мотивированные представления репрессивного характера в суд в отношении условно осужденных, не исполнивших в указанный срок возложенные судом обязанности, а также окажет предупредительное воздействие на самого осужденного.

При изучении порядка исполнения наказаний не связанных с лишением свободы выяснилось, что ни к одному из осужденных не применялась такая льгота, как полная или частичная отмена ранее установленных обязанностей. Дополнительные обязанности были установлены в отношении 9,1% осужденных.

Анализ полученных осужденными в период испытательного срока взысканий показал, что в изученной группе предупреждения имели 21,6% условно осужденных, из них по одному предупреждению – 13,9%, по два предупреждения – 4,6%, по три предупреждения – 2,1% осужденных. Таким образом, пятая часть условно осужденных, несмотря на положительные характеристики, не безукоризненно проходят испытание.

Изучив практику и возникающие проблемы при вынесении контролирующим органом предупреждений (с последующим их рассмотрением в суде), можно констатировать, что предупреждения условно осужденным должны выноситься по усмотрению сотрудников УИИ лишь при уклонении от исполнения обязанностей,

возложенных на них судом, либо при нарушении общественного порядка, за которое было наложено административное наказание. Причем за каждое такое нарушение должно выноситься отдельное предупреждение, а при систематическом уклонении от исполнения данных обязанностей УИИ обязаны направлять в суд представление об отмене условного осуждения, а не о продлении испытательного срока или возложении дополнительных обязанностей.

Необходимо отметить неэффективность продления испытательного срока условно осужденным, оно применяется всего лишь к 1,7%.

Завершая рассмотрение криминологической характеристики личности осужденных совершивших преступления в период отбывания наказания не связанного с лишением свободы, необходимо отметить, что в системе «личность преступника» можно выделить два компонента:

- негативную направленность, которая проявляется в противоправных поступках осужденного и определяет его общественную опасность;
- позитивную направленность, реализуемую в материальной и духовной деятельности осужденного в период отбывания наказания.

Литература

1. *Лейкина Н. С.* Личность преступника и уголовная ответственность. – Л., 1968.
2. *Кара И. С.* Криминологическая характеристика и профилактика преступлений, совершаемых условно осужденными несовершеннолетними: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2009.
3. *Кондалов А. Н.* Условное осуждение и механизмы его обеспечения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2000.
4. *Кашуба Ю. А., Скиба А. П., Суховеев А. С.* Условное осуждение в России и зарубежных государствах: монография / Под общ.ред. А. Я. Гришко. – Рязань, 2010.
5. *Антонян Е. А.* Наказания, не связанные с лишением свободы: Правовая природа, назначение и исполнение. – Рязань, 2005.
6. *Уваров И.А.* Введение в пенитенциарную криминологию (опыт структурного построения): Монография. – М., 2007.
7. *Прысь Е.В., Уваров И.А.* Предупреждение общеуголовной пенитенциарной преступности: монография. – Рязань, 2010.

УДК 321(091); 34(091)

**ИНСТИТУТ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ ПРИГОВОРОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
РСФСР
(1918-1929 ГГ.)**

**INDETERMINATE SENTENCE SYSTEM IN THE LEGISLATION OF THE RSFSR
(1918-1929)**

Гаранжа С.А., г. Сыктывкар, федеральное казенное учреждение «Управление по конвоированию Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний по Республике Коми». Аспирант кафедры истории государства права МГУ им. М.В. Ломоносова.

Garanzha S.A., Syktyvkar, federal government institution "Direction of escorting of Senior management of Federal service of punishment execution of R.Comi".

Postgraduate student of the History of State and Law Department of the Lomonosov MSU.

stas-ryazan@rambler.ru

Автор рассматривает проекты дополнения законодательства РСФСР институтом неопределенных приговоров, полемику вокруг них, причины их отклонения.

The author considers projects of indeterminate sentence system in the RSFSR, the polemics around them, the reasons for their rejection.

Ключевые слова: уголовный кодекс, исправительно-трудовой кодекс, неопределенные приговоры

Key words: Criminal Code, Corrective Labor Code, indeterminate sentences

История развития советского уголовного и исправительно-трудового законодательства довоенного времени отличается большим количеством интереснейших вопросов, требующих детального исследования. Одним из них, по нашему мнению, выступает вопрос о неопределенных приговорах.

Ведущий принцип системы неопределенных приговоров замечательно выразил А.И. Люблинский: «Никто не должен быть удерживаем в тюрьме после того как доказано, что он исправился и перестал представлять опасность для общества, и никто не должен быть выпускаем из тюрьмы до тех пор, пока он не исправился и представляет опасность для общества; решить же вопрос об исправлении и об опасности или своевременности выпуска может только тюремная администрация» [1].

Одним из первых нормативных документов, предусматривавших неопределенные приговоры как средство исправления преступников, было Прусское земское уложение 1794 г. Согласно нему повторное совершение кражи влекло лишение свободы в рабочем доме до исправления и до удостоверения, что преступник может обеспечить себе питание. Однако, практического успеха этот опыт не имел [2].

Новый виток теоретического и практического интереса к неопределенным приговорам приходится на 60-70-е гг. XIX в. В 1867 году Нью-Йоркской тюремной ассоциацией в местные законодательные органы был внесен доклад о необходимости прекращения практики «срочных приговоров» и введения т.н. «реформирующих приговоров». Горячим сторонником системы неопределенных приговоров выступил начальник исправительного дома в Детройте Броквей. В 1876 году Броквей возглавил вновь образованное пенитенциарное учреждение – реформаторий в Эльмире (штат Нью-Йорк). В апреле 1877 года он добился принятия закона, передававшего право определения срока заключения от суда руководителю реформатория. В дальнейшем система неопределенных приговоров стала повсеместно применяться в реформаториях других штатов, а также распространяться на пенитенциарные учреждения иных типов [3].

На европейском континенте, несмотря на наличие целого ряда апологетов, концепцию неопределенных приговоров не спешили претворять в жизнь.

Неопределенные приговоры стали предметом обсуждения целого ряда тюремных конгрессов. Так, Вашингтонский конгресс 1910 года одобрил «научный принцип приговоров на неопределенный срок». Данные приговоры должны были применяться к лицам, имеющим «моральные или умственные дефекты». Решение вопроса об освобождении заключенного рекомендовалось поручать совету, включавшему представителя тюремной администрации, судебного работника, представителя «врачебной науки». Законодательное установление максимального срока лишения свободы конгресс считал необходимым лишь в случае «новизны и недостатка в опыте» при введении системы неопределенных приговоров [4].

Зачатки института неопределенных приговоров в Советской России появились уже в постановлении Народного комиссариата юстиции (НКЮ) РСФСР от 23 июля 1918 г. «О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового (временная инструкция)» [5]. Согласно инструкции распределительная комиссия при губернском карательном отделе имела права выйти с ходатайством в революционный трибунал о продлении срока лишения свободы осужденным, признанным хулиганами, погромщиками или упорными рецидивистами.

Совсем скоро, однако, подобное полномочие распределительных комиссий было исключено. Сменившее временную инструкцию Положение об общих местах заключения РСФСР 1920 г. ничего не говорило о возможности продления срока лишения свободы.

Очередная попытка внедрения системы неопределенных приговоров была предпринята при разработке первого уголовного кодекса РСФСР. «Не предрешая всех оттенков, которые может принять наказание в руках судьи, законодатель должен только наметить главные типы этих мер, предоставляя судье полную свободу в комбинировании и варьировании их», - говорилось в пояснительной записке к проекту уголовного кодекса, разработанному комиссией общеконсультационного отдела НКЮ РСФСР [6]. Однако советское уголовное законодательство так и не восприняло этот институт.

Вновь к вопросу о неопределенных приговорах вернулись при обсуждении путей реформирования исправительно-трудовой системы, инициированного НКВД РСФСР в

конце 1926 года. На совещании при заместителе председателя СНК РСФСР Т.Р. Рыскулове 10-11 февраля 1927 г. было признано «принципиально приемлемым» введение неопределенных приговоров для определенных категорий преступников (под ними подразумевались, прежде всего, злостные нарушители режима). Также было предписано установить точный порядок продления срока лишения свободы распределительными комиссиями [7].

24 февраля 1927 г. Е.Г. Ширвиндт при отношении № 59.062.20/с представил в СНК РСФСР развернутые предложения по рассмотренным на совещании проблемам карательной политики, в том числе по вопросу неопределенных приговоров [8].

По мнению Ширвиндта к категориям осужденных, в отношении которых допускалось продления срока лишения свободы «до приспособления к условиям трудового общежития», относились осужденные более двух раз по следующим статьям Уголовного кодекса РСФСР: 49⁴ (бандитизм), 59⁸ (фальшивомонетничество), 136 (умышленное убийство), 142 (тяжкие телесные повреждения), 151 (растление), 153 (изнасилование), 162, пп. в, г, д (квалифицированная кража), 165 (грабеж), 166 (конокрадство), 167 (разбой).

Данным правом предлагалось наделить Центральную распределительную комиссию, которая бы руководствовалась ходатайствами региональных распределительных комиссий.

Необходимость законодательного оформления неопределенных приговоров была подтверждена в резолюции объединенного заседания президиума ВЦИК и СНК РСФСР 19 июля 1927 г. [9] и в практически идентичном постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 28 марта 1928 г. «О карательной политике и состоянии мест заключения» [10]. В данных документах НКВД РСФСР и НКЮ РСФСР поручалось внести в СНК РСФСР «проект закона, вводящего в Исправительно-трудовой кодекс право соответствующих органов ставить вопрос о необходимости продления сроков или принятия новых мер социальной защиты в отношении лиц, не поддающихся исправлению».

Свой вариант законопроекта НКЮ РСФСР представил к осени 1928 года. 11 октября 1928 г. наркомат письмом № 42п7 направил в Совет народных комиссаров РСФСР проект постановлений ВЦИК и СНК о дополнении Уголовного кодекса РСФСР статьями 49¹ и 49², а также об изменении статей 16 и 20 Исправительно-трудового кодекса РСФСР [11].

Согласно первому законопроекту предлагалось не сразу, а постепенно (по отдельным составам преступлений) перейти к назначению относительно неопределенных приговоров.

К отдельным составам преступлений были отнесены:

- 1) контрреволюционные преступления (ст.ст. 58²-58¹⁴ УК РСФСР);
- 2) некоторые особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления: массовые беспорядки (в отношении организаторов и руководителей – п. «а» ч. 1 ст. 59²); бандитизм (ст. 59³), фальшивомонетничество (ч. 1 ст. 59⁸), квалифицированная контрабанда (ст. 59⁹), нарушение монополии внешней торговли (59¹¹), нарушение правил валютных операций (ст. 59¹²);

3) растрата (ч. 2 ст. 116), взятка (ч. 2 ст. 117), расхищение государственного или общественного имущества (ст. 129), групповое изнасилование (ч. 2 ст. 153), конокрадство (ст. 166), разбой (ст. 167), мошенничество (ч. 2 ст. 169), умышленное истребление чужого имущества общеопасным способом (ч. 3 ст. 175).

В приговоре суд указывал минимум и максимум лишения свободы в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса. Осужденный был обязан в любом случае отбыть установленный минимум. Далее распределительной комиссии при инспекции мест заключения предоставлялось право в любое время освободить осужденного, если он будет признан не социально-опасным. Если же осужденный не был признан таковым по отбытии максимума лишения свободы, то по дополнительному приговору суда срок лишения свободы мог быть продлен до предельного, установленного соответствующей статьей. Другим вариантом было применение дополнительной меры социальной защиты – ссылки или высылки [12].

По второму законопроекту на наблюдательные комиссии в местах заключения возлагалось «предварительное обсуждение и представление в распределительную комиссию, по данным о личности заключенного, вопроса о досрочном освобождении заключенного или о продлении ему срока заключения, сверх установленного приговором».

Соответственно распределительные комиссии наделялись правом ходатайства перед судом о продлении срока заключения или применении дополнительной меры социальной защиты к не обнаружившим «достаточного исправления». Кроме того, они наделялись правом досрочного освобождения заключенных по отбытии ими установленного судебным приговором минимального срока [13].

НКВД РСФСР отношением от 23 октября 1928 г. поддержал оба законопроекта [14]. СНК РСФСР в заседании 14 ноября 1928 г. (протокол № 9, пункт 2) утвердил их и внес в Президиум ВЦИК РСФСР [15].

Несмотря на внесение законопроекта в правительство, дискуссия по рассматриваемому вопросу не прекратилась. Это было вполне естественно, т.к. всюду разгорались дебаты вокруг проекта нового уголовного кодекса РСФСР, неотъемлемой частью которого выступал, в том числе, и институт неопределенных приговоров.

Инициатором данных дебатов выступил заместитель наркома юстиции Н.В. Крыленко, выступивший 24 мая 1928 г. на заседании коллегии ведомства с докладом «Принципы переработки Уголовного Кодекса РСФСР» [16].

Рассуждая о применении в качестве наказания лишения свободы, Крыленко выдвинул целый ряд принципиальных тезисов. Первый из них означал отказ от указания в приговоре суда фиксированного срока лишения свободы: «По сути дела, мы уже пришли к необходимости установления института неопределенных приговоров...» [17]. «Лишение свободы с различного рода вариациями, но без определения срока, а *впредь до исправления, и даже без срока*, должно быть поставлено как определенный руководящий принцип при решении вопроса о мере репрессии...» [18] (курсив мой – С.Г.), - говорил Н.В. Крыленко в другом месте своего доклада.

Осенью 1928 года в «Еженедельнике советской юстиции» публикуются тезисы к докладу Н.В. Крыленко на VI съезде прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР, где он снова рассуждает об основных принципах пересмотра Уголовного кодекса [19].

На этот раз докладчик детально описал свой вариант неопределенных приговоров. Неопределенность приговора означала установление обязательного минимального срока лишения свободы (ориентировочно в два года), с предоставлением суду права продлевать его до максимального, предусмотренного уголовным законодательством (десять лет).

Для более тяжких преступлений было предложено установить обязательный минимальный срок не два года, а пять лет. Кроме того, для таких лиц устанавливалось обязательное поселение после освобождения в определенных местностях на пятилетний срок.

«В целях наибольшей гибкости судебной практики» предлагалось дать судам право повышать обязательный минимум лишения свободы.

В НКВД РСФСР также готовили свои предложения по реформированию уголовного законодательства.

О необходимости применения неопределенных приговоров по отношению к профессиональным преступникам и рецидивистам высказалось 1-ое Всесоюзное совещание пенитенциарных деятелей (15-21 октября 1928 г.) [20].

19 ноября 1928 г. начальник Главного управления местами заключения РСФСР Е.Г. Ширвиндт выступил на заседании Государственного Института по изучению преступности и преступника с докладом на тему «Об основных принципах для разработки Государственным Институт по изучению преступности и преступника проекта Уголовного Кодекса». Докладчик предложил следующую систему неопределенных приговоров:

а) для случайных преступников – приговор с указанием только максимального срока лишения свободы («на срок не более...»);

б) для преступников, принадлежащих к классу трудящихся, но признанных особо опасными для государства – приговор с минимальным и максимальным сроком («на срок от ... до ...»);

в) для преступников-профессионалов, рецидивистов, преступников, не принадлежащих к классу трудящихся и совершивших преступления в силу классовых привычек, взглядов или интересов – приговор с указанием только минимального срока лишения свободы («на срок не менее...») [21].

11 января 1929 г. на базе Государственного Института было проведено пленарное заседание с целью дальнейшего обсуждения реформы уголовного законодательства. На заседании Е.Г. Ширвиндт представил обновленный вариант своих тезисов. На этот раз он предлагал упрощенный вариант неопределенных приговоров – назначать лишение свободы «на срок от одного года», с тем, чтобы соответствующие органы могли принять решение об освобождении осужденного в пределах максимального (десятилетнего) срока лишения свободы.

В ходе дискуссии рядом участников были высказаны возражения относительно необходимости введения института неопределенных приговоров. По мнению А.А. Сольца данный институт породит «величайшее количество злоупотреблений, потому что заключенный будет думать только о том, как бы ему понравиться начальнику или прокурору...» [22]. По мнению С. Файнблитта «неопределенные приговоры это есть увеличение мучительства», кроме того «неопределенные приговоры – это копия буржуазной юстиции» [23]. По мнению еще одного участника дискуссии Рубинштейна, неопределенные приговоры «приведут к уничтожению вообще судов и к передаче назначения репрессий в исправительно-трудовые учреждения» [24].

18 февраля 1929 г. в Государственном Институте состоялось заседание по вопросу организации разработки нового уголовного кодекса. На заседании была создана комиссия, которая проведя 23 заседания, разработала к середине 1929 года проект Общей части кодекса.

Согласно статье 35 проекта предусматривалось, что суд может вынести приговор о лишении свободы в трех видах: 1) от 1 года до 3 лет; 2) от 3 до 5 лет; 3) от 5 до 10 лет. В пределах этих сроков осужденный в любой момент мог быть освобожден от отбывания наказания по постановлению наблюдательной комиссии.

Интерес представляет и статья 42 проекта. Лицо, признанное определением суда профессиональным преступником-рецидивистом, осуждалось к лишению свободы либо на срок от 3 до 5 лет, либо от 5 до 10 лет. При этом к нему могло быть применено дополнительное наказание в виде ссылки без принудительных работ или высылки [25].

Заметки о прохождении законопроектов НКЮ РСФСР о внесении изменений в уголовный и исправительно-трудовой кодексы были опубликованы в центральных газетах – «Известиях» и «Правде». Из этих источников о готовящихся изменениях в законодательстве узнал прокурор Верховного Суда СССР П.А. Красиков, обратившийся в ноябре 1928 года с двумя аналогичными протестами в Президиум ЦИК СССР и Президиум ВЦИК РСФСР «о неконституционности проведения в РСФСР законопроекта о неопределенных приговорах» [26].

Однако, это не помешало Президиуму ВЦИК РСФСР после двух заседаний (10 декабря 1928 г. и 28 января 1929 г.) утвердить оба законопроекта, но не опубликовывать их до окончательного решения вопроса с новыми статьями уголовного кодекса на общесоюзном уровне [27]. В этой связи ошибочным является утверждение о том, что проект о неопределенных приговорах поддержки во ВЦИК не получил [28]. 8 февраля этого же года Президиум ВЦИК РСФСР обратился в Президиум ЦИК СССР с письмом № РЛ97/15: «Считая, что принятые новые статьи Уголовного Кодекса РСФСР находятся в некотором противоречии с основными началами уголовного законодательства Союза ССР, Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета просит Президиум ЦИК Союза ССР, в изъятие из основных начал, разрешить ввести в действие указанные статьи Уголовного Кодекса РСФСР» [29].

Президиум ЦИК СССР передал данный законопроект на предварительное рассмотрение в СНК СССР [30]. В заседании 22 апреля 1929 г. Подготовительная комиссия при СНК СССР (протокол № 31/273, пункт 3) приняла следующее решение:

а) признать, что введение в советское уголовное законодательство института относительно неопределенных приговоров не может быть произведено в форме установления изъятия из общесоюзных основ уголовного законодательства для отдельной республики;

б) поставить вопрос в плоскости дополнения соответствующими нормами указанных в п. «а» основ;

в) весь материал по настоящему вопросу направить на заключения правительств союзных республик в месячный срок [31].

Союзные республики не пришли к однозначному мнению по данному вопросу. Так, УзССР полностью поддержал законопроект; ТССР, наоборот, выступил против; БССР поддержал законопроект, но только в форме эксперимента на территории РСФСР.

Решительными противниками законопроекта выступили председатель Верховного суда СССР А.Н. Винокуров и прокурор суда П.А. Красиков. Винокуров назвал законопроект не иначе, как «ударом по революционной законности». По мнению П.А. Красикова законопроект обладал следующими недостатками [32]:

администрация мест лишения свободы не подготовлена к такой реформе;

значительно снижается роль судебных органов;

порождение произвола в реализации возможности освобождения сразу после отбытия минимального срока лишения свободы, установленного приговором;

широкий произвол со стороны администрации мест заключения порождала формулировка «не обнаружившие признаков исправления»;

поведение осужденного в стенах места лишения свободы не может служить мериллом оценки его поведения вне этих стен;

«исправившимися» окажутся наиболее хитрые, опытные и приспособляющиеся преступники;

отсутствуют работники, могущие оценить степень исправления осужденного, а также соответствующая научная база;

законопроект был внесен сугубо ведомственным порядком и не прошел общественного обсуждения на VI Съезде работников юстиции.

В заседании СНК СССР 6 ноября 1929 г. (протокол № 35/322, пункт 4) было решено создать специальную комиссию по пересмотру Основных начал уголовного законодательства. В ходе работы этой комиссии и должен был быть, наконец, разрешен вопрос об относительно неопределенных приговорах [33]. Президиум ЦИК СССР согласился с этим постановлением (заседание от 6 ноября 1929 г., протокол № 20, пункт 14) [34].

В конце ноября 1929 г. СНК РСФСР во исполнение постановления общесоюзного правительства утверждает состав специальной комиссии по пересмотру Основных начал уголовного законодательства, куда вошли все заинтересованные стороны [35]. Комиссии отводился двухмесячный срок для работы.

Фактически ноябрьскими постановлениями ЦИК и СНК СССР вопрос о неопределенных приговорах в какой-либо форме был снят с повестки дня законодательных органов, так и не получив своего положительного разрешения.

Стоит отметить, что даже при условии принятия законопроекта, институт неопределенных приговоров не имел перспектив для успешной адаптации в отечественной правоприменительной практике. Причина – отсутствие целого ряда соответствующих предпосылок. Например, Вашингтонский конгресс 1910 г. указывал на необходимость обеспечения максимальной индивидуализации наказания. Отечественные места лишения свободы конца 20-х годов лишь формально соответствовали этому критерию (Исправительно-трудовой кодекс 1924 г. основывался на прогрессивной системе отбывания наказания). На деле же в условиях архаичной тюремной архитектуры (т.н. «система общих камер») и колоссальной переполненности общие места заключения РСФСР не могли в принципе обеспечить индивидуализацию наказания.

Кроме того, уже в середине 1930 года прогрессивная система отбывания наказания была исключена из исправительно-трудового законодательства.

Широко развивавшиеся с начала 30-х годов исправительно-трудовые колонии и лагеря также мало отвечали принципам индивидуализации наказания. Здесь уместно привести замечательные слова П.И. Люблинского: «Неопределенные приговоры, приуроченные к карательной тюрьме казарменного типа, способны превратиться лишь в меру деспотизма тюремной администрации» [36].

Литература

1. Люблинский А.И. Неопределенные приговоры // Журнал Министерства юстиции. – 1904. – № 2. – С. 88.
2. Шавров К.В. Судейское усмотрение и неопределенные приговоры // Журнал Министерства юстиции. – 1903. – № 9. – С. 66.
3. Люблинский П.И. Условное освобождение и неопределенные приговоры в Сев. Америке // Журнал уголовного права и процесса. – 1913. – № 2. – С. 12-13, 15-16, 24.
4. Б.У. Резолюции трех международных тюремных конгрессов // Административный вестник. – 1928. – № 10. – С. 55.
5. Из истории исправительно-трудовых учреждений РСФСР (октябрь 1917 -1920 годы) / Под ред. проф. А.К. Стальгевича. М., 1960. С. 31-40.
6. Проект Уголовного Кодекса РСФСР // Пролетарская революция и право. – 1920. – № 1(15). – С. 43.
7. ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 16. Д. 35. Л. 10об.
8. ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 16. Д. 24. Л. 271-271об.
9. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах / Т. 2. Карательная система: структура и кадры. – М., 2004. – С. 612.
10. Еженедельник советской юстиции. – 1928. – № 14. – С. 417-419.

11. ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 73. Д. 608. Л. 41-41об.
12. Бранденбургский Я. Первый шаг к пересмотру нашей карательной политики // Еженедельник советской юстиции. – 1928. – № 38/39. – С. 1013-1014.
13. ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 73. Д. 608. Л. 25.
14. Там же. Л. 40.
15. Там же. Л. 46.
16. Еженедельник советской юстиции. – 1928. – № 22. – С. 641-643; Еженедельник советской юстиции. – 1928. – № 23. – С. 661-664.
17. Там же. С. 643.
18. Там же. С. 663.
19. Еженедельник советской юстиции. – 1928. – № 46-47. – С. 1176-1180.
20. Утевский Б.С. Вопрос о рецидивистах-профессионалах на Всесоюзном совещании пенитенциарных работников // Административный вестник. – 1929. – № 1. – С. 33.
21. Деятельность Государственного Института по изучению преступности и преступника (составление проекта Уголовного кодекса) // Проблемы преступности. – Вып. 4. – 1929. – С. 108.
22. Там же. С. 116.
23. Там же. С. 119.
24. Там же. С. 119.
25. Проект Общей части Уголовного кодекса РСФСР, разработанный Государственным Институтом по изучению преступности и преступника // Проблемы преступности. – Вып. 4. – 1929. – С. 132-134.
26. ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 6. Д. 13. Л. 1-2; ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 73. Д. 608. Л. 42-43.
27. ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 73. Д. 608. Л. 23, 44.
28. Завершение первой кодификации и развитие исправительно-трудового права до принятия Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик. – М., 1987. – С. 78.
29. ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 6. Д. 13. Л. 4.
30. ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 73. Д. 608. Л. 21.
31. ГА РФ. Ф. Р-6071. Оп. 2. Д. 26. Л. 350.
32. ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 6. Д. 13. Л. 22.
33. ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 73. Д. 608. Л. 5.
34. ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 22. Д. 201. Л. 9.
35. ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 73. Д. 608. Л. 4.
36. Люблинский П.И. Указ. раб. С. 47.

УДК 342

**СООТНОШЕНИЕ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ ГРАЖДАНИНА
ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ
THE RATIO OF THE RIGHTS AND RESPONSIBILITIES OF CITIZENSHIP IN THE
IMPLEMENTATION OF CONSTITUTIONAL RIGHT TO HEALTH**

И.А. Итяшева. Сургутский государственный университет - Ханты - Мансийского Автономного округа Югры.

г. Сургут

I.A. Ityasheva, Surgut, Surgut state university
iia07@rambler.ru

В статье рассматривается конституционное право граждан на охрану здоровья с точки зрения общественной значимости здоровья отдельного гражданина и его обязанностей по его сохранению.

The article covers issues on the constitutional right of all citizens for health care, as health of each person is important from the social point of view, and the responsibility of each person to preserve his/her health.

Ключевые слова: конституционные права, охрана здоровья, ценность, благо, государственное социальное страхование.

Key words: constitutional law, health care, value, benefit, state social insurance.

Благополучное состояние здоровья населения, несомненно, является фактором устойчивого развития общества и государства, что подчеркивает особую общественную, конституционную значимость здоровья. Несмотря на то, что в Конституции РФ право на охрану здоровья сформулировано исключительно в плоскости личных интересов граждан: «каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь» (ст. 41), отечественные исследователи отмечают, что данное право реализует не только интересы конкретной личности, но и интересы общества в целом. Этот подход нашел отражение в практике российского конституционного правосудия. Конституционный Суд РФ признает с одной стороны значимость интересов отдельной личности при реализации права на охрану здоровья, а с другой стороны важность интересов всего общества (в лице других сограждан) при осуществлении указанного права.

Так, при рассмотрении одного из наиболее этически сложных вопросов - вопроса трансплантации органов (тканей), Конституционный Суд РФ подчеркнул важность интересов общества в лице тех его членов, для которых изъятие органов (тканей) у трупа с целью трансплантации применяется как исключительная мера, если другие медицинские средства не могут гарантировать сохранение их жизни, либо восстановление их здоровья.

Конституционный Суд РФ в определении от 4 декабря 2003 г. № 459-О отметил, что в случае смерти лица изъятие его органов с целью трансплантации невозможно, только если при жизни это лицо или его близкие родственники, законный представитель выразили запрет на подобные действия. «Таким образом, законодатель в данном случае избрал модель презумпции согласия на изъятие органов человека после его смерти («неиспрошенное согласие» или «предполагаемое согласие»), трактующую невыражение самим лицом, его близкими родственниками или законными представителями своей воли либо отсутствие соответствующих документов, фиксирующих ту или иную волю, как наличие положительного волеизъявления на осуществление такого изъятия». По мнению Суда, данная презумпция основывается «на предположении, обоснованном фактическим состоянием медицины в стране, что на современном этапе развития трансплантологии невозможно обеспечить выяснение воли указанных лиц после кончины человека в сроки, обеспечивающие сохранность трансплантата»[4].

Как видим, Конституционный Суд РФ, не используя прямо при формулировке своих выводов тезиса о здоровье как общественном благе, все же основывается на данном положении как общепризнанном факте. В то же время, авторы, исследуя право на охрану здоровья, достаточно четко разделяют здоровье как личное благо и как общественное достояние.

В теории конституционного права, равно как и в интерпретационной практике Конституционного Суда, признано положение, согласно которому с точки зрения интересов личности здоровье - одно из высших благ человека, без которого могут утратить значение многие другие блага, возможность пользоваться другими правами [10]. Вместе с тем право на охрану здоровья имеет важное общественное значение. Большинство авторов обращают внимание на безусловную связь состояния здоровья нации и демографические проблемы. Достаточный уровень обеспечения права на охрану здоровья, кроме того, имеет первостепенное значение, поскольку здоровье расценивается исследователями как важнейший ресурс, необходимый для производства материальных благ [9, С. 3], одна из основ национальной безопасности страны [16, С. 3] и в целом как основа устойчивого развития государства и общества [12, С. 3].

Исходя из общественной ценности здоровья, среди исследователей в отношении понимания права гражданина на охрану здоровья представлен подход отличный от обычной трактовки социальных прав.

В традиционном понимании социальное право, в частности и право на охрану здоровья, предстает как правовое притязание личности к государству. Так, А.И. Сергеев определяет данное право как неотчуждаемое право каждого человека и гражданина в РФ на получение требуемой ему, адекватной защиты его здоровья и оказания ему медицинской помощи, в формах, установленных и гарантированных Конституцией РФ и текущим законодательством [14, С.10]. Следовательно, при традиционном подходе к

праву на охрану здоровья оно выступает как комплекс правомочий гражданина, включающий в себя: 1) права граждан в сфере охраны здоровья; 2) обязанность государства по защите указанных прав; 3) установленную законом ответственность государства, юридических и физических лиц за нарушение прав граждан и несоблюдение обязанности по охране здоровья [13, С. 41].

В то же время, признание здоровья общественной ценностью, дает исследователям основание говорить не только о наделении гражданина указанными правами, но и о возложении на него обязанностей и ответственности в сфере реализации своего права на здоровье. В литературе подчеркивается, что проведение мер по укреплению и сохранению здоровья должно гарантироваться не только силой государства, но и ресурсами самого общества. Именно поэтому в работах социологов и правоведов, изучающих состояние здоровья населения и реализацию права на охрану здоровья, акцентируется внимание на обязанности самих граждан сохранять свое здоровье. В условиях российской действительности, отмечают исследователи-социологи, у большинства жителей страны отсутствует ответственность за поддержание собственного здоровья, не сформирована мотивация к здоровому образу жизни. Между тем, индивидуальная ответственность за свое здоровье, высокий уровень заботы о здоровом образе жизни есть важнейший показатель самосохранения человека и населения страны в целом [6, С.75 - 88; 17, С. 102-109].

В этой связи убедительны рассуждения А.В. Белякова. По его мнению, для осуществления права на здоровье помимо реализации государством его обязанности обеспечить здравоохранение для своего населения, необходимо также соблюдение гражданами здорового образа жизни, являющегося наряду с правом на медицинское обслуживание и правом на здоровые условия существования обязательным компонентом права на здоровье. Здоровый образ жизни представляет собой не только право, но и соответствующую ему обязанность того же индивида этот здоровый образ жизни поддерживать [5, С. 7-8]. А.В. Серебренников, формулируя принципы функционирования органов государственного управления в области здравоохранения, выделяет в качестве такого принципответственности каждого гражданина за состояние собственного здоровья и здоровья окружающих [15, С. 5]. Е.А. Отставнова констатирует, что защита права на охрану здоровья требует принятия адекватных мер не только со стороны соответствующих государственных органов, но и со стороны гражданского общества, самих граждан. [12, С. 9].

Как видим, в настоящее время, исследователи реализуют возможность естественно вывести обязанности граждан из определений, сформулированных в духе «классических» социальных прав.

Подход ответственного отношения граждан к своему праву на охрану здоровья базируется на практике зарубежного конституционного регулирования указанного права.

В частности, Германия, Франция, США, Мексика и др. страны определяют право человека на охрану здоровья через принцип личной ответственности индивида в отношении своего здоровья. Являясь сторонницей данного подхода, И.А.Колоцей полагает необходимым, исходя из конституционного принципа единства прав и обязанностей, закрепление в Основах законодательства РФ об охране здоровья граждан, как одного из основных принципов охраны здоровья, положения о бережном отношении каждого к своему здоровью и здоровью других членов общества, положений, устанавливающих обязанности граждан по соблюдению законодательства об охране здоровья и медицинских предписаний, по заботе о здоровье своих детей [9, С. 8].

Концепция ответственности граждан за свое здоровье нашла отражение в Федеральном законе от 21.11.2011 N 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" [2]. Впервые на федеральном уровне на граждан в сфере охраны здоровья возложены следующие обязанности (ст. 27):

1. Граждане обязаны заботиться о сохранении своего здоровья.
2. Граждане в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, обязаны проходить медицинские осмотры, а граждане, страдающие заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, обязаны проходить медицинское обследование и лечение, а также заниматься профилактикой этих заболеваний.
3. Граждане, находящиеся на лечении, обязаны соблюдать режим лечения, в том числе определенный на период их временной нетрудоспособности, и правила поведения пациента в медицинских организациях.

Считаем, что формируемая в исследовательской среде позиция в отношении права на охрану здоровья как обязанности заслуживает одобрения и поддержки. В то же время она не в полной мере освещает круг тех обязанностей, которые лежат на гражданах как субъектах реализации такого социального права как права на охрану здоровья.

В соответствии с законодательством, гражданам РФ гарантируются предоставление медицинской помощи и ее оплата через систему обязательного медицинского страхования в объеме и на условиях программы обязательного медицинского страхования. Система обязательного медицинского страхования строится на принципе общественной солидарности, когда богатый платит за бедного, здоровый – за больного, она основана на стабильном источнике финансирования здравоохранения посредством целевого взноса [12, С. 37]. Имущественной базой для функционирования данной системы являются страховые взносы, уплачиваемые лицами, которые впоследствии и получают право пользования медицинской помощью.

Исходя из того, что социальное медицинское страхование - это способ организации принудительного финансового участия в защите от страховых рисков и покрытия потребностей населения в медицинской помощи, верен вывод о том, что

медицинская помощь для граждан, оказываемая за счет средств страховых взносов является по своей сути платной.

Медицинское страхование представляет собой форму социальной защиты интересов населения в сфере охраны здоровья, его основная цель – гарантировать гражданам при возникновении страхового случая получение медицинской помощи за счет накопленных средств и финансировать профилактические мероприятия [7, С. 21]. Поэтому, чрезвычайно дальновидной является позиция Конституционного Суда РФ согласно которой, важнейшей социальной гарантией реализации права человека на охрану здоровья является институт медицинского страхования [3].

Учитывая важность роли страхования в обеспечении права граждан на охрану здоровья, возможен вывод о том, что именно личное участие гражданина посредством внесения страховых взносов позволяет в полной мере реализовать право всех членов общества на охрану здоровья. Таким образом, бремя ответственности в виде обязанности по денежному наполнению специальных фондов для покрытия социальных рисков в сфере охраны здоровья возлагается на самих сограждан. Заметим, что Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 23 декабря 1999 г. № 18-П ясно указывает, что уплата страховых взносов является конституционной обязанностью. Каждый гражданин Российской Федерации обладает равными правами и несет равные обязанности применительно к медицинскому страхованию, что означает не только равные права на получение бесплатной медицинской помощи, но и равные обязанности в несении бремени по образованию фондов обязательного медицинского страхования [3].

Вышеизложенное позволяет сделать следующий вывод применительно к конституционному праву гражданина на охрану здоровья. Воплощение указанного права, несомненно, предполагает обязанности государства по его реализации и защите в ответ на социально-правовые притязания граждан. Вместе с тем, указанное право транслирует ряд обязанностей и в отношении самих граждан, способствующих при надлежащем их исполнении обеспечению интересов всего общества. Данные обязанности включают, во-первых, формирование источников финансирования для реализации соответствующего права, во-вторых, поддержание каждым своего здоровья и ответственного отношения к состоянию собственного здоровья, в случае выявления заболеваний.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Российская газета. - 1993. - 25 дек.

2. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» //Собрание законодательства РФ. - 2011.- № 48.- ст. 6724.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 декабря 1999 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 1, 2, 4 и 6 Федерального закона от 4 января 1999 года «О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 1999 год» и статьи 1 Федерального закона от 30 марта 1999 года «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 1998 год» в связи с жалобами граждан, общественных организаций инвалидов и запросами судов» // Вестник Конституционного Суда РФ. - 2000. - № 1.

4. Определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 г. № 459-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Беляков А.В. Международно-правовые проблемы обеспечения здравоохранения: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2009. - 29 с.

6. Варламова С.Н., Седова Н.Н. Здоровый образ жизни – шаг вперед, два назад // Социологические исследования. - 2010. - № 4. - С. 75 - 88.

7. Еникеев О.А. Конституционное право на медицинскую помощь: состояние и перспективы развития // Российский судья. - 2007. - № 11. - С. 21.

8. Каменская Н.А. Конституционное право на охрану здоровья и медицинскую помощь: современные гарантии обеспечения. Принципы реализации и механизмы защиты: Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук - Владикавказ, 2011. - 23 с.

9. Колоцей И.А. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь как конституционная ценность: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2010. - 22 с.

10. Комментарий к Конституции Российской Федерации (под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева). - М.: Эксмо, 2010.- 816 с.

11. Колоколов Г.Р., Махонько Н.И. Медицинское право. Учебное пособие. - М.: Дашков и К, 2009. 452 с.

12. Отставнова Е.А. Конституционные основы защиты права человека и

гражданина на охрану здоровья и медицинскую помощь в современной России: Автореферат дис. ...канд. юрид. наук. - Саратов, 2011. - 24 с.

13. Савостьянова Н.В. Конституционное право на охрану здоровья: понятие и структура // Конституционное и муниципальное право. - 2005. - № 3. - С. 37 - 41.

14. Сергеев А.И. Реализация конституционного права каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь в Российской Федерации: Автореферат дис. ...канд. юрид. наук. - М., 2007. - 23 с.

15. Серебренников А. В. Государственное управление в области здравоохранения: Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук - М., 2008. - 24 с.

16. Холодова Т.Ю. Конституционно-правовое обеспечение прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь в Российской Федерации: Автореферат дис. ...канд. юрид. наук. - М., 2006.- 23 с.

17. Шилова Л.С. О стратегии поведения людей в условиях реформы здравоохранения // Социологические исследования.-2007.- № 9.- С.102-109.

УДК 34

**ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
ДОЛЖНОСТНОГО И СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ
ABOUT RESPONSIBILITY FOR CRIMINAL USE OF OFFICIAL
AND OFFICIAL POSITION**

Ю.С. Караваева. Аспирант кафедры уголовного права и криминологии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, г. Омск

U.S.Karavayeva. The graduate student of chair of criminal law and OMGU criminology of F.M.Dostoevsky, Omsk

PalSysoich@yandex.ru

Исходя из тезиса о повышенной общественной опасности лиц со специальным статусом и данных статистики, автор статьи приходит к выводу о необходимости ужесточения ответственности за должностные и служебные преступления.

Proceeding from the thesis about the increased public danger of persons with the special status and datas of statistics, the author of article comes to a conclusion about need of toughening of responsibility for official and office crimes.

Ключевые слова: повышенная общественная опасность, должностной преступник, служебный преступник, конфискация имущества.

Key words: the increased public danger, the official criminal, the office criminal, property confiscation.

Современное общество в погоне за идеалами гуманистическо-либеральной мысли напрочь забывает о порочной человеческой природе и принципах справедливости и законности как основе функционирования социальной системы.

В то же время, в стране, где высшее руководство открыто говорит о коррупции как национальной угрозе, непозволительно пренебрегать уголовно-правовыми средствами охраны важнейших благ и социальных институтов в пользу иллюзорных идеалов гуманизма. Мы полагаем, что нейтрализация угрозы возможна только при условии дальнейшей реализации уголовно-правового потенциала, в частности, положений об уголовной ответственности лиц, использующих свое должностное или служебное положение в корыстных или иных личных целях вопреки интересам службы.

Санкции указанных норм включают все виды наказаний, предусмотренных ст. 44 УК РФ, кроме связанных с военной службой, пожизненного лишения свободы и смертной казни. При этом, наказание в виде штрафа назначается в принципе редко, что связано с несовершенством механизма его исполнения – согласно данным, «в 2005 г. штраф был назначен 10,3 % всех осужденных, а в 2006 г. – 10,8 %»[1].

На учете в уголовно-исполнительных инспекциях за 2011 год состоит 22 260 осужденных к наказанию в виде лишения права на занятие определенной должности[2], при том, что только должностных преступлений за этот период выявлено 34 783 преступлений, а против интересов службы в коммерческих и иных организациях – 2848[3].

Исследование состава осужденных к лишению свободы по характеру совершенных преступлений показывает, что «среди осужденных почти нет судимых за должностные преступления и за преступления в сфере экономической деятельности»[4].

Результаты изучения практики назначения наказания за взяточничество показывают, что «как правило, не более 20% выявленных лиц реально осуждается к одной из мер уголовного наказания»[5].

Таким образом, общая тенденция либерализации уголовного закона отразилась и на практике привлечения к ответственности за должностные и служебные преступления, при том, что продолжается политика борьбы с коррупцией.

Движение от связки «преступление-наказание» к утверждению о неэффективности уголовного наказания в деле борьбы с преступностью, по нашему мнению, неверно. Мы считаем, что только ужесточение ответственности за коррупционные преступления может привести к положительным сдвигам в деле их предупреждения и пресечения.

При этом под ужесточением ответственности следует понимать не только реальное осуждение субъектов и назначение суровых видов наказания, сколько более широкое применение иных мер уголовно-правового характера в отношении виновных лиц, в частности – конфискации имущества. Ее эффективность связана с корыстной мотивацией, лежащей в основе совершения большинства коррупционных преступлений. Согласно данным опроса в 1982 г. сотрудников правоохранительных органов цели специальной превенции в наибольшей степени соответствуют лишение свободы (32,7% опрошенных) и конфискация имущества (31,8% опрошенных), а цели общей превенции – конфискация имущества (49% опрошенных) и смертная казнь (45% опрошенных)[6].

Ныне конфискация имущества может быть применена в качестве иной меры уголовно-правового характера в отношении имущества, полученного в результате совершения преступления, в том числе, с использованием служебного положения – в 14 случаях, с использованием должностного положения – в 2 случаях. Это при том, что УК РФ предусматривает 38 составов с признаком использования служебного положения и 18 составов должностных преступлений. Очевидно, что противоправные способы получения субъектом преступной выгоды, вытекающие из возможностей его особого правового статуса, не исчерпываются перечнем ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, в связи с чем его необходимо расширить, в частности, за счет включения квалифицированных составов мошенничества, присвоения и растраты, легализации – относительно имущества, приобретенного и другими лицами, и самим субъектом в результате совершения преступления и некоторых

других. Кроме того, в свете актуализации проблем госрейдерства и «госкрыш» конфискация имущества может стать одним из эффективных элементов механизма уголовно-правового противодействия преступной деятельности чиновников и представителей правоохраны.

Ввиду несовершенства законодательного механизма применения главы 15.1 УК РФ, «в 2010 году имущества лишились менее 1% осужденных по «профильным» статьям»[7].

Мы считаем, что в основе законодательного и правоприменительного подхода к уголовно-правовой ответственности за преступное использование возможностей служебного и должностного положения должны лежать следующие факты:

во-первых, высокий уровень коррупционной преступности: в 2005 г. ее объем составил 106 700 преступлений[8]; согласно официальной статистике, только за январь-март 2012 г. – 17059 преступлений[9].

во-вторых, повышенная степень общественной опасности должностных преступлений, вытекающая, в частности, из специфики объекта посягательств – государственная власть, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

в-третьих, повышенная степень общественной опасности личности должностного и служебного преступников. Мы рассматриваем указанные разновидности специальных преступников как самостоятельные и не совпадающие в силу специфики связи между характером полномочий и совершенным деянием. В должностных преступлениях такая связь свидетельствует об определяющем значении правового статуса субъекта для совершения преступления, тогда как в служебных - правовой статус лишь облегчает достижение преступной цели. Повышение общественной опасности, общее для личностей служебного и должностного преступников, обусловлено наличием привилегий, прав и обязанностей, делегированных им обществом и государством, предоставляющих определенные преимущества в преступной деятельности – свободный доступ к ограниченным ресурсам, служебные связи и авторитет. Кроме того, в контексте теории социальных ролей степень общественной опасности повышается за счет соответствующих ожиданий общества и конкретных потерпевших, в частности.

в-четвертых, представляется справедливым компенсировать особую правовую защиту, обеспеченную законом в отношении субъектов со специальным правовым статусом, более строгими мерами ответственности. Так, кассационной инстанцией, отменившей приговор по делу Валянова, умышленно применившего опасное для жизни и здоровья насилие в отношении представителя власти, указано, что суд первой инстанции не «оценил повышенную степень общественной опасности содеянного», в связи с чем назначенное наказание не соответствует тяжести преступления[10]. Правовой статус потерпевшего в данном случае свидетельствует об особом характере преступных

действий виновного – таким же образом он должен учитываться при назначении наказания за преступление, совершенное с противоправным его использованием.

Реализация принципа справедливости при решении вопроса об ответственности за преступное использование служебных и должностных полномочий требует особенного внимания к правовому статусу субъекта преступления, отражающегося на общественной опасности его личности и совершенного деяния, как правило, имеющего коррупционную природу.

Литература:

1. Келина С.Г. Современные проблемы теории и практики наказания. В кн. «Уголовное право: Актуальные проблемы теории и практики: сб. очерков» / под ред. В.В. Лунеева. – М.: Издательство Юрайт, 2010. С. 346.
2. Характеристика лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях // <http://фсин.пф/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20YII/>.
3. Общие сведения о состоянии преступности за январь-декабрь 2011 года // http://www.mvd.ru/userfiles/sb_12_11.pdf.
4. Пелюшенко В. Н. Классификация осужденных к лишению свободы и распределение их по исправительным учреждениям: Автореф. Канд. юрид. наук. Краснодар, 1998. С. 8.
5. Максимов С.В. Уголовно-правовая борьба с коррупцией в России и в мире В кн. «Уголовное право: Актуальные проблемы теории и практики: сб. очерков» / под ред. В.В. Лунеева. – М.: Издательство Юрайт, 2010. С. 705.
6. Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие. Теория и практика / В.К. Дуюнов. – М.: Научная книга, 2003. С. 90.
7. Петров И. МВД хочет конфисковывать все незаконное имущество коррупционеров // <http://www.rbcdaily.ru/2011/12/12/focus/562949982268221>.
8. Максимов В.К. Коррупция (социально-экономические и криминологические аспекты) / В.К. Максимов, Ю.Г. Наумов. – М.: Академия управления МВД России, 2006. С. 87.
9. Общие сведения о состоянии преступности за январь-март 2012 года // http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_104186/.
10. Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ по уголовным делам от 18 октября 2001 г. по делу Валянова // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2002. № 4. С. 8.

УДК 340

**ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОЙ МЕДАЛИ, ИЛИ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК
ИНСТРУМЕНТ ПОЛИЦЕЙСКОГО ВЛИЯНИЯ НА МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ В
ГОСУДАРСТВАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА.
POLICE INFLUENCE ON PUBLIC CONSCIOUSNESS IN THE COUNTRIES OF THE
EUROPEAN UNION.**

Киселёв Анатолий Кириллович. Доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и государственного права Северо-Кавказского социального института, г.Ставрополь. НОУ ВПО СКСИ.

Сайт ВУЗа: <http://www.sksi.ru>

Электронная почта: rektorat@sksi.ru, rektorat-sksi@yandex.ru

Личная электронная почта: akiselev2@yandex.ru

Data on the author: Kiselev Anatoly Kirillovich. The doctor of historical sciences, Managing faculty of a history and state law Northern Caucuses social institute, Stavropol; <http://www.sksi.ru>

E-mail: rektorat@sksi.ru, rektorat-sksi@yandex.ru

Personal e-mail: akiselev2@yandex.ru

Аннотация. Проанализированы результаты социологических опросов граждан и сотрудников полиции ряда стран ЕС относительно угроз внутренней безопасности в странах Сообщества. Приводятся положительные примеры опыта работы европейских полицейских в социальных Интернет-сетях и методы использования этих каналов в целях укрепления общественного правопорядка.

The summary. Author given of results of sociological interrogations of citizens and employees of police of some the countries of EU concerning threats of internal safety in the countries of Community. Positive examples of an operational experience of the European policemen in social Internet - networks and methods of use of these channels with a view of strengthening the public law and order are resulted.

*Police influence on public consciousness in the countries of the European Union.
Kiselev A.K.*

Ключевые слова: полиция, безопасность, социологический опрос, общественное мнение, социальные сети, сотрудничество с общественностью.

Key words: police, safety, sociological interrogation, a public opinion, social networks, cooperation with the public.

Одна из основных целей полиции стран Европейского Союза - защитить граждан от преступлений. Причём защита эта должна быть основанной на уважении к правам

человека и к правлению закона и направлена более на превенцию преступности[1]. В дополнение к этому требование Статьи 29 Амстердамского Соглашения равно как Статьи 61 (3) TFEU (Лиссабонского Соглашения) заключается в том, «чтобы обеспечить граждан высоким уровнем безопасности в пределах области свободы, безопасности и правосудия» [2].

Один из современных европейских социологов, Зигмунд Бауман, различает три аспекта безопасности:

- безопасность, которая имеет отношение к *личной безопасности*;
- безопасность, которая связана с *экономическими и социальными аспектами*,
- и *уверенность в безопасности*, которая имеет отношение к морали и этике.

Отталкиваясь от этой классификации, Бауман предлагает применять всесторонний подход для того, чтобы обеспечить полную безопасность, как личности, так и общества в целом [3].

ПЕРВАЯ, ВИДИМАЯ СТОРОНА.

Когда люди хотят чувствовать себя в безопасности, они обращаются ко всем видам средств и ко всем способам её обеспечения. Если эти обращения не находят своего результата, то возникают опасения, которые затрагивают всё наше общество, и которые иногда ведут к необоснованному паникерству или, даже хуже, к постоянному поиску врага, как внешнего, так и особенно внутреннего.

Наше время характеризуется тем, что некоторые социологи описывают как «парадокс современного общества»: спрос на безопасность продолжает расти, хотя, как представляется, ныне - самые безопасные времена за последние 60 лет. В соответствии с этим увеличивающимся спросом, типы требуемых и обеспеченных услуг безопасности изменились на основе изменившихся потребностей сообщества. Потребность в безопасности типична для современных обществ. Каковы же тренды, характеризующие сегодняшние страхи? Это, как представляется:

- паникерство, которое распространяется в больших и маленьких городах в процессе разрушения или реконструкции «общества безопасности»; преступления, которые подвергают опасности личную безопасность и собственность;
- неустойчивость глобального рынка и повышающийся уровень безработицы;
- неприятности, связанные с общественными модификациями, воздействующими на традиционную семью, образование и системы социальной защиты.

Опрос более 2000 европейских граждан из 12 стран Евросоюза, среди которых примерно половину респондентов представляли сотрудники национальных полицейских сил, показывает, что они признают, что не только уголовная преступность, но также и бездействия городских властей, вандализм и антиобщественное поведение находятся среди главных причин ощущения населением относительного отсутствия общественной безопасности.

Полицейские же указывают на уголовную преступность как на главную проблему (96,7%), наряду с которой стоят проблемы незаконной иммиграции (96,7%) и наркоторговли (91,3%). Такие виды преступлений шире распространены в больших городах и совершаются главным образом молодыми людьми, увеличивая тем самым социальную тревогу. С этим согласно и большинство опрошенных гражданских лиц [4]. Социологический опрос подтверждает, что ощущение ненадежности не связано исключительно с преступностью, но также и с проявлениями вандализма, антиобщественным поведением или безволием и нерешительностью властей. Иные причины отсутствия ощущения безопасности таковы:

- организованная преступность (75.3%),
- международный терроризм (61%),
- проституция (57.5%)
- экономический кризис (67.25)
- и потеря традиционных ценностей (66.5%).

При этом анализ показывает, что для полицейских социальная ненадежность более тревожна, чем международный терроризм или проституция.

Казалось бы, терроризм, проституция и насилие в средствах информации всего через десять лет после 11 сентября 2001 и атак в Мадриде и Лондоне не должны бы были быть выдвинуты на первый план, но приведённый опрос показал, что полицейские больше не рассматривают международный терроризм как первоочередную угрозу, а скорее как часть обычной полицейской работы. Но это ни в коей мере не должно быть понято так, что угроза терроризма ими недооценивается. А скорее так, что терроризм не рассматривается как суперпервоочередная проблема именно полиции, а более как проблема иных специальных правоохранительных служб, и борьбой с ним следует заниматься профессионально, ежедневно и систематически.

Примечателен низкий процент внимания офицеров полиции к проституции (58%), которая, по их мнению, обычно является заботой муниципальных властей. Результаты опросов полицейских при этом не находятся в противоречии с ответами граждан, согласно которым проституция никогда не рассматривается главной причиной общественного беспокойства. При этом полицейские считают, что насилие в средствах массовой информации (71.7%) очень тесно связано с дестабилизацией общественных нравов. К этому же относятся и ломка семейных устоев (46.8%), политические кризисы (46.8%) и угрозы загрязнения окружающей среды (36.5%). Но такое мнение правоохранителей противоречит опросам общественного мнения – общество не испытывает особо острой тревоги по этим поводам.

Результаты приведённого опроса показывают, что если полицейские фокусируют своё внимание на традиционных для них угрозах и проблемах, то для широкой публики круг таких вопросов гораздо шире и значительнее.

Таким образом, без учёта мнения общественности, всего населения обеспечить высокую степень безопасности нации и государства в целом – невозможно.

ДРУГАЯ, «НЕВИДИМАЯ» СТОРОНА ПРОБЛЕМЫ.

Посмотрим на другую, малоисследованную сторону работы современной полиции в странах Европы – на работу полицейских структур в социальных сетях Интернет. Или, иными словами – на обратную сторону медали, имея в виду незаметную инновационную работу полиции XXI века.

Сегодня наблюдается резкое и драматичное повышение роли социальных сетей в Интернете. В настоящее время и европейские полицейские силы используют социальные средства информации - Facebook, Twitter, Youtube - в качестве инструментов связи. Мы живём в меняющемся технологическом мире. Люди создают и отправляют по Интернету и Скайпу текстовые, фото и видео сообщения. Они болтают с друзьями, посылают день рождения пожелания, узнают новых людей, устраивают обеды или просят о помощи. И они делают это во всё увеличивающемся масштабе. Например, в течение того времени, пока Вы прочитали эту часть статьи, люди только в Европе написали приблизительно 11000 tweets-сообщений и прокомментировали 170 раз свои надписи на стене Facebook[5].

Социальные системы информации стали тесно перемешанными с повседневной жизнью, будь это бизнес или частное дело. Такое социальное развитие не может быть проигнорировано полицейскими силами, которые теперь обязаны следовать за публикой в Интернет-сетях.

Люди принимают технологию как необходимость, размышляя, как использовать новшества в своей работе. Некоторые полицейские силы находятся в курсе подобных событий: При этом офицеры полиции могут использовать, например, Twitter или Facebook без ограничений и в значительной степени на пользу полиции. Этот подход обеспечивает офицеров высокой степенью свободы. Это также позволяет им держать контроль над теми, кто использует социальные сети и предупреждать полицию о потенциальных угрозах и об их источниках.

Офицеры полиции имеют дело с разнообразием социальных средств информации, и при этом используют для их отбора модульный подход, который позволяет постоянно быть в курсе изменений, когда некоторые сети, не являющиеся популярными сегодня, завтра могут приобрести чрезвычайную популярность среди широких слоёв пользователей Интернета.

Некоторые национальные полицейские силы привлекают средства социальной информации централизованно. В этом случае используется собственный полицейский вебсайт как центр сбора и одновременно как архив для всей важной информации, поступающей из социальных сетей. Это удобно, поскольку содержание информации остаётся под полным контролем и им можно управлять в интересах полиции. Но и в таком случае пользователи, являющиеся одновременно источниками важной информации,

пользуются доверием полицейских сил. Наиболее общая цель социальных сетей - распространение информации. Эта цель полностью соответствует интересам полиции, поскольку помогает ускорять и расширять традиционные возможности полицейского информационного оповещения. Например, полиция может сообщать гражданам в режиме реального времени о недавних преступлениях, дорожных происшествиях, пропаже людей, краже транспортных средств, о подозреваемых или арестованных лицах. К тому же, надо помнить, что эти сообщения связаны с просьбами о помощи, исходящими от самого населения. И, как показывает небогатый пока опыт таких европейских стран, как Бельгия, Голландия, Германия, Венгрия, часто такие сообщения в социальных сетях, производимые самой полицией, дают положительные результаты [6]. Как видим, информационное использование социальных сетей даёт такие плюсы, как возможность прямого участия общества в охране правопорядка и наличие обратной связи между обществом и полицией. Обеспечение концепции правоохраны сообщества с использованием социальных Интернет-сетей позволяет силам полиции взаимодействовать с населением на всё более на локальном (местном) и личностном уровне. Например, британские и голландские сотрудники полиции используют Twitter для реагирования на индивидуальные запросы граждан и для непрерывного информационного обслуживания населения в лице пользователей Интернет. В ряде других стран офицеры полиции открывают свои «офисы» в виртуальном пространстве; и таким образом становятся личными контактёрами для юзеров, как в реальном, так и в виртуальном мире.

Twitter или Facebook ясно демонстрируют, что если полиция оставляет где-то свободное место, его заполняют другие. Также понятно, что общественное использование социальных средств информации будет только расти. И если действительно полицейские силы хотят иметь дело с этим явлением, то их роль и власть в социальных событиях и сильный голос в популярных общественных обсуждениях в социальных сетях не должны быть недооценены.

Полицейские стран Евросоюза справедливо считают, что использование Интернет-пространства увеличивает прозрачность правоохранительной деятельности и положительно влияет на её общественное восприятие, что в совокупности улучшают отношения полиции с населением [7].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Российская полиция имеет примерно такой же опыт работы с преступностью, как и полиция стран ЕС. Однако до сих пор малоизвестной массе отечественных полицейских остаётся работа в сетях Интернет. Скорее всего, она ведётся, но ведётся так скрытно и незаметно, что эту работу не видят не только простые россияне, но и сами правоохранители. Дело за малым: нужна властная воля и желание администраторов от полиции использовать опыт Евросоюза по привлечению возможностей социальных сетей для достижения конкретных полицейских целей.

Литература

1. Сайт Совета Европы: http://www.coe.int/t/e/legal_affairs/legal_co. Июль 2010.
2. Амстердамское Соглашение// Официальный Журнал. 10 ноября 1997. С. 340.
Лиссабонское Соглашение// Официальный Журнал. 17 декабря 2007. Том50. С 306.
3. См.: Bauman Zygmunt. Collateral Damage: Social Inequalities in a Global Age. Cambridge: Polity. 2011.
4. Fabio David. The other side of the coin. / CEPOL European Police Science and Research Bulletin. Issue 6– Winter 2011/2012, P.15, 17-18.
5. Deneff Sebastian, Saskia Bayerl Petra. Cross-European approaches to social media as a tool for police communication. / CEPOL European Police Science and Research Bulletin. Issue 6– Winter 2011/2012, P.11.
6. Fehervary Janos. Editorial: Research and Science in CEPOL - A Personal Retrospect. //European Police Science and Research Bulletin. Issue 5. Summer 2011.
7. EUCPN, <http://www.eucpn.org/work>

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL SCIENCE

УДК 1(091): 316(7)

**О ПОЛИЛОГИЧНОСТИ ДИАЛОГА
В СВЕТЕ ЕГО ФИЛОСОФСКОГО ТОЛКОВАНИЯ В XX ВЕКЕ
ON DIALOGUE MULTIPLE CONSTITUENTS CONCEPT
INSPIRED BY FOR XX CENTURY PHILOSOPHERS**

Богатырёв А.А., доктор филологических наук, профессор кафедры теологии
Тверского государственного университета.

(Тверь, ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет»)

bogatyria@land.ru

bogatyria1967@gmail.com

Bogatyrev A.A., Doctor of philology, professor of the theology department of Tver state
university

*Диалог как философское понятие рассматривается в контрастных контекстах
понятийного толкования, выступающих в качестве основания для типологии;
обосновывается полилогическая модель диалога.*

*Dialogue has been reassessed from philosophical point of view as a term marked by
numerous distinct meanings, concepts and interpretative sets. On the other hand the problem of
significant dialogue constituents is given consideration.*

Ключевые слова: диалог, другой, полилогичность диалога

Key words: l'autre, otherness, dialogue concept and its constituents

Настоящая статья посвящена освещению вопроса о соотношении понятий *диалог*, *полилог* и *другой* в межличностном общении. В статье рассматриваются нетождественные определения диалога в академической литературе; предпринимается попытка исчисления основных актантов диалогического общения в *философском* освещении. В заключении предлагается типология подходов к определению понятия диалога в академическом философском дискурсе.

Прежде чем перейти к изложению тезисов подчеркнем, что настоящая статья не претендует на участие в клубных дискуссиях обществ Бахтиноведения и Сократологии. В фокусе внимания статьи находится понятие диалога во всей простоте наивного вопрошания о терминах, не связанной каким-либо специальным интересом или

подтекстом. В частности, в задачу статьи не входит собрать воедино *все* высказывания того или иного автора о диалоге. Понятие диалога в статье рассматривается нами сначала в свете положительных определений, затем в свете отрицательных определений, далее в свете конкретизации и в конечном итоге – в свете типологии конкретизаций. На этапе конкретизации мы обращаемся к языку философии XX века в целях прояснения конечных целей диалога и межличностного разговора. Используется прием диалогизации философских концепций и интерпретационных установок М.М. Бахтина, М. Бубера, Э. Левинаса, Г.Г. Гадамера. Предлагаемый в статье подход к трактовке понятия диалога, хотя и рассматривается как *срединный*, тем не менее, представляется автору *одним из многих* возможных и приемлемых.

1.1. Положительное определение диалога

Понятие диалога изначально широкозначно, диафорично. Именно этим обстоятельством объясняется способность данного понятия к расширению, растягиванию, к *самоиронии*, несовпадению с самим собой, а также элемент отчужденности понятия диалога по отношению к понятиям-дериватам – диалектика, диалогичность, диалогизм, диалогические связи. Например, под последними в общем случае имеется в виду едва ли не любые интерпретационные возможности / перспективы, а под первой из ряда нечто прямо противоположное диалогу [1: 731-732].

В самом широком приближении понятие диалога соразмерно понятиям семиозиса, общения, смыслового обмена, языка, культурного пространства и т.д. Мы в данном случае рассматриваем понятие диалога как *видовое* по отношению к понятию человеческого общения. Человек *выбирает* диалогическое общение. Мы исходим из того допущения, что хотя природа человеческого общения в широком приближении *диалогична*, *стиль* актуального общения далеко не всегда соответствует стандарту диалогической коммуникации / *диалога* в тесном философском понимании оногo, свойственном философии XX века.

В этой связи «элементы диалогичности», «диалогические связи», обнаруживаемые при желании исследователем жанров недиалогического общения в любых количествах не могут выступать аргументом в преодолении поэтологической границы между диалогом и не-диалогом. Мы также не считаем здесь необходимым вдаваться в подробности жанровых различий между солилоквием, монологом и т.д., которые могут несколько не способствовать углублению представления о диалоге.

Из всех путей к определению диалога мы придерживаемся наиболее «жесткого», ригидного. Под диалогом в общем случае понимается особый *тип общения* между двумя или несколькими коммуникантами [4: 108]. При этом видовые характеристики диалога (например, такие выделяемые М.М. Бахтиным виды как «диалог-спор» или «диалог-согласие») *не могут* использоваться как пограничные или переходные в родовом

отношении. Градации видов диалога возможны, но только в пределах одного рода. В бытийном отношении диалог нами понимается так же, как на уровне обыденных дискурсивных практик – как нечто, что может либо иметь место быть, либо вовсе не состояться.

1.1.1. Расстояние между коммуникантами /диастема и диастасис/

Структура диалогического взаимодействия имеет множество описаний в литературе по коммуникативным исследованиям, трудах по лингвистике и теории коммуникации и философских штудиях. При этом инвариантными элементами базового описания неизменно выступают как минимум пара коммуникантов, контакт, ситуация или контекст, код / язык сообщения и сообщение, с передачей которого и связано представление о коммуникативной транзакции [14]. Данное базовое представление не вызывает возражений на подготовительном этапе критики диалогического характера общения. Замечание, о том, что акт коммуникации (речи) предшествует языку с достаточной ясностью отражено в восьмой антиномии В. фон Гумбольдта (1967-1835), затем заново осмыслено Л.В. Щербой [6;13]. И не менее весомое замечание о динамической природе понимания в (диалогическом) общении схвачено в девятой антиномии В. фон Гумбольдта – антиномии понимания и непонимания. Примечательно другое обстоятельство. Важный источник этих двух антиномий слабо отражен в базовой модели диалогической коммуникации, которая как будто не замечает содержательных различий между коммуникантами. Как нам представляется, такого рода исключение *плана индивидуальности* выводит за пределы анализируемого весьма существенное свойство диалогической коммуникации как *коммуникации с другим*. /Собственно разработка представления о другом, одухотворение понятия другого, попытка противостояния дегуманизации социального бытия и составляет философскую сторону диалогического общения как проблемы, к решению которой приступили философы XX века./

В этой связи понятию диалога, на наш взгляд, предшествует понятие *диастема* (различие – греч. [4: 318]) как фиксированное несовпадение / несоответствие языков (позиций / смысловых миров / точек зрения / телесных оболочек / топоном / интересов /внутреннего мира), то есть всего того, что может как-то характеризовать, но не может исчерпать понятие *другого*. В динамическом приближении понятию диалога как понятию процессуальному должна соответствовать такая пара терминов, которая обозначала бы моменты согласия (не как отсутствия возражений, а как симфонии) и *диастасиса*(расстояние, противостояние, конфронтация, различие – греч. [4: 318]), трактуемого как акт и фаза расхождения, отпадения позиций коммуникантов от гармонического единства целого. Достаточно традиционная трактовка диалога как динамической системы вызовов и ответов в таком случае получает схематических вид

последовательно сменяющихся фаз монады и диастасиса, новой монады и нового диастасиса.

Следует также подчеркнуть, что когда мы прибегаем к форманту «диа», мы не непременно ограничены лишь двумя элементами. Так, говоря о диахронии, мы склонны выделять стадии развития некоторого процесса, а не останавливаться на двух крайних точках. Диатоникой в музыковедении называется «семиступенная интервальная система, в которой все звуки могут быть расположены по чистым квинтам». Диаграмма изначально означает линию, рисунок, геометрическую фигуру и т.д. «Диа» означает разделенность во времени или в пространстве [4: 301]. Диодохами называют сменяющих друг друга преемников на престоле. Но ближе к диалогу стоит глагол “*dialegomai*”, означающий «переговариваться», вести переговоры (*ibidem*). Кроме того в материнском языке термина в формате «диа» подчеркивается значение взаимности действия, а также соревновательного начала (*ibidem*). Вектор направленности действия в форманте «диа» найдем в термине диабазис, означающем переход, переправу.

2.1. Отрицательное определение диалога

Диалог в модусе качественной определенности речи есть отрицание монологического начала в коммуникации. Иными словами, диалог двоих не есть сумма двух монологов. И монолог в форме диалога (команда и раппорт) не может быть назван диалогом в сущностном понимании одного. Сама диалектика противоположна диалогу, как о этом пишет М.М. Бахтин [1: 731-732, 196]. И в этом пункте мы сталкиваемся с заметным противоречием в определении диалогического начала в частности в педагогической коммуникации.

2.2. Глубинный диалог не есть то же, что форма делового сотрудничества. Обсуждение и согласование различных позиций в деятельности в целях определения нормативов одной также не непременно включается философом в понятие диалога, поскольку покоится на той нивелирующей различия посылке, что содержание понятия *другого* может *исчерпываться* его позицией в деятельности. Такова планида философии, что ее привлекают преимущественным образом неисчерпаемые предметы.

2.3. Заимствование понятий (и форм) имеет черты диалога. Более того, оно отвечает также требованию услышанного слова [1: 323, 330, 344] общего слова, общего языка. Но фактически мы можем наблюдать тот факт, даже заимствуемое слово (элемент языка!) обычно обрастает иными коннотациями во исполнение девятой антиномии В. фон Гумбольдта – «всякое понимание есть также непонимание» [6]. Так, из французского языка в русский пришло выражение «дама Бальзаковского возраста». Однако при переходе границы из обихода одного языка в другой имеющаяся в виду дама успела повзрослеть лет «на дцать». Знак в новой знаковой системе обрастает новыми связями и

зачастую утрачивает прежние, в силу чего именно слова заимствованные часто становятся ложными друзьями переводчика.

2.4. Бесконечность диалога в концепции М.М. Бахтина. Отрицательное определение диалога также связано с признанием принципиальной открытости его *границ*. Слова М.М. Бахтина «Диалог не может быть завершен» проникновенно указывают на суть диалога. Вызов не отменяется ответом, он сменяется новым вызовом, требующим нового ответа (ср. [1: 391]. Но если и найдется субъект, способный устоять в Бахтинском диалоге, то черты его скорее соответствуют родовому человеку, нежели простому смертному: «Нет ни первого, ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту (он уходит в безграничное прошлое и в безграничное будущее) [1: 393]. Впрочем, если принять во внимание концепцию полифонического романа у М.М. Бахтина, то понятие «голоса» в ней вытесняет понятие индивида. Логическим завершением данного обстоятельства может быть помыслено отрицание индивидуальной души в ином смысле, чем оболочки, контейнера для извечных мыслей-«голосов», повторяющихся в *Большом времени* [1: 393]. «Голоса» в таком понимании, хотя время от времени бывают неслышны, всякий раз звучат чисто, не знают свойственных диалогам смертных осечек и фальшивых нот. Впрочем, здесь затронута лишь одна из концепций диалога у русского философа, равно внимательного к человеку небесному и земному. В других произведениях М.М. Бахтин сближает понятия диалога, текста и поступка.

Стабильная нестабильность значения термина диалог накладывает отпечаток на построение теорий оного, которым в общем случае свойственна *эскизность* и *прерывность*. Здесь также нельзя исключить возможности того, что понятие диалога – инструментальное, и получает новое содержательное наполнение в зависимости от конкретных задач и конкретных смыслов, развертываемых исследователем здесь и сейчас. Из означенной посылки можно сделать тот вывод, что для понимания понятия диалога в трактовке того или иного исследователя статистический метод не подходит. В таком случае надежда связывается с реконструкцией, но и реконструкция подчас страдает детской той детской болезнью диалогизма, которая связана с установкой устанавливать образ истины исключительно из личной перспективы исследователя. В то же время диалог в *Большом времени* не может быть просрочен. Богослов Августин Блаженный (354 – 430 a.d.) обретает ученика и продолжателя в лице Беды Достопочтенного (673 – 735 a.d.) спустя несколько веков.

3.1. Конкретизация модели диалога

Современный социальный заказ на разработку проблематики *межкультурного диалога* обусловлен стремительным развитием социокультурной ситуации в мире, обусловленным оживлением миграционных процессов. В этой связи предпринимаются прикладные и теоретические исследования национального менталитета, национальных стереотипов, конвенций общения, культурных лакун и т.д. И полученные данные

действительно многое объясняют в коммуникативном поведении представителей различных социокультурных общностей. При этом методологическая база таких исследований вовсе не обязательно определяется представителями гуманистической философской школы. Увлечение статистическими данными, отчасти являющимися результатами работы идеологической машинерии СМИ, натурализация представлений о представителях конкретных культурных традиций формируют известную диастазу в отношении теории диалога как проявления свободы воли отдельного индивида. Впрочем, не на это ли обстоятельство прямо указывает Н.Н. Зубков в рецензии на монографию В.С. Библера, когда отзывается на трактовку автором культуры как диалога культур следующим образом: «Это так, однако не насущней ли такое понимание для Библера (где личность находит себя в одной из приемлющих дискретных культур – типов Разума), чем у самого Бахтина, у которого всякая личность есть – та культура, которая ведет бесконечный диалог с другими мирами – культурами?» [8: 171]. Однако и здесь несложно заметить тень упрощения представления о личности. Упрощение имеет место всякий раз, когда личность берется как устоявшаяся, застывшая в некотором статическом состоянии культурная монада, тогда как душа живого человека выступает полем противоборства ряда различных культур. Диалог с самим собой разным не только возможен, он актуален.

Диалог может пониматься как целенаправленное движение общающихся к некоторому горизонту, хотя бы и основанное на отчасти несовпадающих образах оного. Диалог с самим собой также возможен; и он также включает в себя обозначенные в сознании нетождественные жизненные позиции по отношению к миру и месту человека в нем; он также включает момент конфронтации, состязания и даже некоторого суда над побежденным. Диалог, допустим, ведомый двумя, содержательно богаче исходных позиций, хотя бы и рассматриваемых с точки зрения динамики противоборства оных двух.

Управляемый диалог предполагает учет некоторых дистинкций, способствующих его успешности. К таковым должны быть отнесены учитываемый говорящим образ говорящего в глазах слушающего, не совпадающий в точности, а также бытийной и содержательной полноте с самим говорящим. Сюда же должен быть отнесен и раскрывающийся в актах коммуникации динамический образ его визави, как представляющий его, но не во всем тождественный ему. И этот образ другого и образ первого должны быть учтены как актуальные и интерпретируемые двояким образом – как образ, понятный для себя и как образ, интерпретируемый партнером по переговорам. Иными словами в диалоге между двумя каждый из двоих выступает в трех динамических ипостасях (для себя, для другого и как есть, то есть отложенный в еще более далекую перспективу осмысления). Диалог с другим не исключает диалога с собой. Где еще и каким еще образом можно сверить позиции с внутренним цензором, когда продолжение диалога с другим на старых рельсах заходит в тупик и требует возобновления на иных, не принятых прежде основаниях?

3.1.1. Диалог есть путь к языку. Поразительно, но иногда приходится слышать, что в диалоге-согласии больше от диалога, чем в диалоге-споре. Между тем, для демонстрации согласия значительной работы над словом часто не требуются. (Впрочем, и это не более чем иллюзия. Любой человек, изучающий иностранные языки, вынужден много работать на родном языке именно для того, чтобы освоить новый для себя язык. А язык другого – и есть новый язык.). В диалоге-споре слово способно превращаться в оружие, и оно невольно превращается в оное [9]. Диалог-спор – это еще и битва языков. Одно слово превозносится над другим, становится ключевым, головным, родовым, властным словом. Другое подчиняется ему либо изгоняется из ряда, заменяется некоторым полу-эквивалентом. Переименование Яика в Урал. Право на новацию, на введение нового слова присваивается лидером или сильнейшим [11: 77].

3.1.2. Есть нечто невидимое, неизменно стоящее на пути признания всякого внимательного и даже глубокого прочтения текста диалогом в тесном философском понимании. Во всяком случае, необходима уверенность в том, что общение осуществляется с живым человеком, а не с ископаемым индивидом или с автоответчиком. *Взаимность общения* предполагает горизонт изменения в каждом из участников диалога. Другой – ключевое слово для философии диалога.

Среди представителей понимающей диалогической философии двадцатого века выделим Мартина Бубера (1878-1965), М.М. Бахтина (1895-1975), Эммануэля Левинаса (1906-1995), Ганса-Георга Гадамера (1900-2002). Последний из списка отчасти выпадает не только в плане лет жизни, но также терминологическом плане. Каждый из ряда известен поисками новых подходов в философском осмыслении подлинного межличностного общения как (жизненного) события, как социокультурного явления и как ценности. Философской является и сама сущностная постановка вопроса о межличностном общении. Ведению философии принадлежит и представление актуального контекста ее осмысления, выдвижение основополагающих понятий, тогда как решение теоретических и прикладных задач обычно проходит по ведомству лингвистики и других гуманитарных наук.

Понятию другого в философской традиции 20-го века уделялось достаточно много внимания, в особенности в тех направлениях поиска, которые занимались вопросами самости, экзистенции и самоопределения личности (экзистенциализм в различных его вариациях и альянсах, персонализм и т.д.). Наиболее мрачное восприятие неудачно выстроенных отношений с другими как угрожающих моему «я» обычно ассоциируется с угрюмой формулой Сартра ("L'enfer, c'est les autres"- "Ад - это другие"). Между тем завещание четырех избранных нами философов утверждает светлый образ другого как участника диалога.

Философское открытие М.М. Бахтина связано с обнаружением *в диалоге* пути человека к подлинному бытию, к нравственному поступку и через него к себе самому.

Философское открытие Мартина Бубера связано с выявлением двух тенденций в общении – (1) тенденции к субъективации / одухотворению собеседника и (2) тенденции к объективации / десубъективации собеседника, к сведению его к уровню неодушевленного предмета, вещи. В методическом приложении данное открытие объясняет источник возможности вступления индивида в диалогические отношения при общении с образами эпох, культур, легендарных личностей и больших человеческих коллективов [1: 353]. Но само философское открытие всегда стоит несоизмеримо выше своего инструментального приложения. Смысл живого общения («Я – Ты»-коммуникации по Буберу) видится в улучшении природы собственного «Я» вопреки объективирующей природе «Я – Оно»-коммуникации. Философское открытие Э. Левинаса связано с убедительным выявлением органической потребности человека в другом как источнике полноты «моего» смыслового мира, одухотворенного насыщенного переживаниями бытия души как укорененного в чувстве и отношении к другому [10: 618]. Любовь представляет собой *диалогическое чувство*.

Другой есть послание. По крайней мере так можно пытаться декодировать формулу Эмиля Левинаса (1905-1995) «знак самого подателя знака» [10: 597]. Характер другого как послания также верно указан Э. Левинасом как *бесконечный*, или, как мы бы выразились сегодня в терминах горизонтов ожидания, обладающий бесконечной перспективой. Пожалуй, что здесь под бесконечностью имеется в виду нечто иное, чем почти соборное Большое время М.М. Бахтина. И следует признать, в этой бесконечности другого сказывается нечто тревожное, тревожащее, внушающее беспокойство и неуверенность, связанная, возможно, с неустранимой возможностью диастасиса, непонимания, разрыва.

Здесь, в языке философии диалога мы сталкиваемся с неустранимым прекраснотушным мифом о слове (логосе), пережившем плоть. И здесь же мы сталкиваемся с некоторой непримиримой противоположностью между понятиями встречи, акта коммуникации и бесконечной перспективой развития межличностных связей и отношений во вселенной смысло- образования. В известном смысле вопрос о взаимоотношении встречи и бесконечности снимается в понятии о правосторонней бесконечности [15]. Но сохранение дискретной событийной единичности (а значит – завершенности) в перспективе бесконечного диалога представляется проблематичным. Отсутствие заданных границ уподобляет диалог бесконечной шашечной доске с необозримым количеством игровых комбинаций.

Г.-Г. Гадамер в своей статье о способности к разговору как способности слышать собеседника и достигать услышанности собеседником предпочитает термину диалог термин *разговор* [5]. В свете такой основополагающей характеристики диалога как открытость, принципиальная незавершенность (в некотором не-промежуточном смысле) термин «разговор» представляется соответствующим той монаде понимания, в которой

собеседники находят друг в друге послание, преобразующее таинственную природу как минимум одного из участников: «Разговором для нас было нечто такое, что потом оставило в нас какой-то след. Разговор не потому стал разговором, что мы узнали что-то новое, — нет, с нами приключилось нечто такое, с чем мы не встречались еще в собственном опыте жизни» [5: 87]. Но, пожалуй, более всего конечному горизонту разговора у Гадамера соответствует образ совершенной любви-дружбы: «тогда и возникает та общность, в которой каждый остается для другого одним и тем же, ибо каждый обретает себя в другом, изменяя себя по образу другого» [5 1991: 87].

Но как можно обрести себя в другом, когда даже и другого в другом рассмотреть стоит определенных усилий? И сколько актантов реально участвуют в диалоге двоих, чтобы мы должны были отличать себя в другом от другого в себе? М.М. Бахтин не вводит термина «полилогичность диалога», но по сути эксплицирует его, когда почти пунктиром (см. записи 1970-1971гг.) пишет об образе себя («моем образе меня самого»), о роде бытия этого образа и о таких образах как «я-для-себя», «я-для-другого», «другой-для-меня» [1: 370, 371]. Все эти образы и не только эти как раз и образуют круг взаимодействующих актантов диалога в его философском гуманистическом понимании. Но также через них говорят язык, культура и добрая воля.

Заключение

Приведенные представления о диалогическом общении по преимуществу состоят между собой в отношениях диастасиса (противоречия), прерывности рефлектируемого образа. В то же время, как нам представляется, они в их не-тождественности могут быть приведены к виду некоторого списка. В порядке суммирования мы предлагаем различать следующие подходы в попытке определения диалога:

(а) формально-лингвистический: диалог трактуется как обмен репликами между несколькими коммуникантами (т.н. репликовое единство);

(b) социально-интеракционный: диалог трактуется как общение, предполагающее совместное построение горизонтов прозрачности смыслов другого при осуществлении совместной деятельности, некоторого социального строительства;

(с) социокультурный: диалог трактуется как символорождающая практика совместного бытия, связанная с порождением / конструированием новых смыслов и понятий на стыке сознаний представителей различных культур;

(d) экзистенциальный, смысло-жизненный: диалог трактуется как поворотное событие в судьбе человека, встреча, изменение личного проекта своего «я»;

(е) духовный, аксиологический: диалог трактуется как путь возвышения человека над своим «я»;

(f) космологический: диалог бессмертных голосов на сцене театра Большого времени (в трактовке М.М. Бахтина).

В статической модели человека его природа завершена и не подлежит изменению. Диалог в рамках подобной модели играет роль своего рода адаптивного механизма, не способного внести ничего существенного в систему личных жизненных ориентиров. В прагматической модели человека его природа и судьба определены положением, интересами и готовностью к решению насущных задач в социальном окружении, а также к борьбе за конкурентоспособность в социальной среде. В рамках такой модели диалог выступает в качестве языковой игры, в которой есть победители и побежденные. В модели личностного духовного роста, которую здесь можно отнести на счет Мартина Бубера, человек предстает как совершенствующийся в способности к переходу от «Я-Оно» коммуникации к «Я – Ты»-коммуникации. В пределах гуманистической динамической модели диалога человек предстает как переходное бытие, нуждающееся для восполнения своей неполноты во встрече с другим (и слышании голоса свыше). Полагаем, что учет отмеченных выше различных подходов к понятию диалога, полей определенности понятия диалога и соответствующего их наполнения может способствовать лучшей ориентации в ключевых установках текстов, так или иначе претендующих на статус диалогических.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445с.
2. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. – М: Гнозис, 1991.
3. Бубер Мартин. Я и Ты. – М.: Высшая школа, 1993. – 177с.
4. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. – СПб.: издание автора, 1899. – 1870с.
5. Гадамер Г.Г. Неспособность к разговору // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – С.82-91.
6. Гумбольдт В.ф. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества /Пер. снем. // Гумбольдт В.Ф. Избр. труды по языкознанию. [Текст]. – М.: Прогресс, 1984. С.34-298.
7. Диалог // Словарь иностранных слов М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1950. – 450с.
8. Зубков Н.Н. Диалог о диалоге // Мировое древо: Международный журнал по теории и истории мировой культуры – Arbormundi: WorldCulture: TheoryandHistoryInternationalQuarterly. – М.: РГГУ, ИВГИ, 1992. – №1. – С. 158-172.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. Н.В. Перцова // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 387-415.

-
10. Левинас Э. Избранное: Трудная свобода/ Пер. с франц. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. - 752 с.
11. Лихачев Дмитрий. Статьи ранних лет. – Тверь: Издательство: Тверское областное отделение Российского фонда культуры», 1993. – 144с.
13. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428с.
14. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: “За и против”. М.: Прогресс, 1975. С.193-230.
15. Stevenson G.T. Time and Eternity: A Biblical Study [Электронный ресурс] // Режим доступа: [http:// www. tentmaker.org/books/time](http://www.tentmaker.org/books/time). – Дата обращения: 10.05.2012. – Загл. с экрана.

УДК 101.1:800

**ПРОБЛЕМА МОМЕНТНО-ИНТЕРВАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ
ИНДИВИДУАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ СУБЪЕКТА В КОНТЕКСТЕ
ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ШКАЛЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА.**

**THE PROBLEM MOMENTNO-INTERVAL CONCEPT OF THE INDIVIDUAL
TIME OF THE SUBJECT IN CONTEXT HRONOLOGICHESKOY SCALES OF THE
HISTORY PROCESS.**

В.И. Жданова (г. Таганрог, Таганрогский государственный педагогический институт им А.П. Чехова)

V. I. Zhdanova (Taganrog, Taganrog state pedagogical institute A.P. Chehov)
zhdanova-lena@rambler.ru

В статье анализируется проблема корреляции темпорально-интервальной концепции индивидуального времени субъекта в контексте хронологической шкалы исторического процесса.

In article written by Valeria Zhdanova is analysed problem to correletions temporalino-interval concept individulinogo time of the subject with hronologicheskoy scale of the history process.

Ключевые слова: Корреляция, темпоральность, интервальная концепция индивидуального времени, психологическое время, исторический процесс.

Key words: the correlation, темпоральность, interval concept of the individual time, sychological time, history process.

В рамках современной литературы, когда рассматривается проблема восприятия последовательности события, то, на наш взгляд, неправомерно переносится оценка с онтологического и семантического анализа статуса понятия социального события на проблему «временных смещений», связанных с искажением последовательности событий в восприятии. Конечно, автор согласен с тем, что при анализе тех или иных проблем, связанных с изучением индивидуального времени в рамках сознания социального субъекта, проблемы, связанные с реализацией человека в собственной сущности в рамках той или иной последовательности событий, – в контексте восприятия, – действительно имеют место. Но при этом все же они существуют благодаря тому обстоятельству, что «одновременность ощущений устанавливается на основе неопределенности их наблюдаемого порядка» [1]. Подобная проблема является отчасти верно поставленной, так как принимая подобную ситуацию, исследователь может постулировать, что если он говорит об исторических или иных событиях, то сама проблема того или иного темпорального смещения будет существовать всегда. Другое дело, что в отличие от

большинства исследователей автор утверждает, что подобное смещение может происходить как в прошлом времени, так и во времени настоящем. В данном случае подчеркивается, что проблема темпорального смещения, показанная в рамках современной литературы и в работах таких весьма известных философов, которые обращались к этой проблеме, так или иначе все же предполагает некоторые моменты, которые остаются в настоящее время не до конца проясненными. Прежде всего имеется в виду позиция А.М. Жарова, который действительно обращает внимание на проблему психического настоящего, на проблему восприятия времени и так далее. И тем более, позиция автора весьма близка позиции данного философа. Однако в подобном контексте утверждаем, что при исследовании проблемы времени с точки зрения некоторой последовательности событий, то, что в рамках, допустим, концепции Жарова называется «одновременность ощущений устанавливается на основе неопределенности их наблюдаемого порядка», для нас имеет несколько другой оттенок [2]. А именно, обращаясь к событийной теории времени, на что акцент делает А.М. Жаров, автор, тем не менее, приходит к некоторой другой проблеме. А именно: концепции событий и интервалов для нас – это разные концепции. Поэтому в данном случае необходимо говорить о том, что когда рассматривается последовательность событий или их искажение, или их временные смещения, то, проблема заключается не столько в том, что происходит обращение непосредственно к стреле времени, сколько в том, что мы обращаемся к проблеме подинтервальности.

Последняя имеет целый ряд серьезных аспектов исследования. И, прежде всего, тех аспектов, которые касаются проблем мерееологии. Автор не будет останавливаться подробно на проблемах мерееологических отношений между теми или иными подинтервалами в рамках общей интервальной концепции времени. Однако отметим то, что с этой проблемой знакомы, используем ее и обращаем внимание на то, что проблема подинтервальности действительно весьма важна при подходе к целому ряду тех проблем, которые получают освещение при анализе индивидуального времени. Самое главное в том, что эти проблемы, имеющие целый ряд своих подпроблем, тем не менее делятся на проблемы, связанные с методологическими аспектами, с концептуальными аспектами, с семантическими аспектами и с прикладными аспектами. Эти четыре направления в итоге предполагают целый ряд позиций, которые уточняются, расширяются, анализируются и представляются в том или ином виде. Но автор предполагает, что подобное представление, которое, в принципе, связано с такими фундаментальными понятиями современной теории процессов как проблема хронологических последовательностей событий, динамической концепции времени, теории изменений и так далее, – ведут к тому, что эти теории непосредственно касаются проблемы индивидуального времени. Более того, автор настоящей работы считает, что подобное соотношение может стать в будущем действительно основой для дальнейшего исследования данных проблем.

С другой стороны, обратим внимание на то, что когда учитываем методологические аспекты психологического или биологического времени, то возникает целый ряд вопросов, которые, так или иначе необходимо решать, не обращая внимание на те или иные концепции, которые, возможно, альтернативны по отношению к предполагаемому автору. Например, если утверждается, что изучается биологическое время социального субъекта, то вряд ли стоит изучать проблемы, связанные с восприятием длительности тех «квантов времени», которые исследуют в своих работах Е.И. Головаха и А.А. Кроник [3]. И, с другой стороны, необходимо акцентировать внимание на том, что само психологическое время имеет характеристики неоднородности. Последние непосредственно связаны с тем, что исследователь, который обращается к проблеме психологического времени, в данном случае выходит на приоритетные проблемы активности человека по отношению к его деятельностному подходу в рамках той или иной социальной группы. Или же возможно исследование тех или иных состояний психологического времени человека, которые также можно соотнести с той или иной социальной стратой или социальным слоем времени.

Одной из весьма интересных и достаточно сложных проблем является проблема, связанная с, так называемой, интенсивностью или темпом протекания самого индивидуального времени. Проблема не является достаточно новой, однако каких-либо фундаментальных исследований в этом направлении нам не хотелось бы отмечать, так как достигнутые результаты, в принципе, не дают представления о некоторой достигнутой парадигмальной картины в отношении указанной выше проблемы. Обратим внимание, что в современной литературе, имеются работы с логико-семантическим акцентом. Особо отметим работы В.В. Попова [4], [5], [6], [7], связанные с изучением логическими методами проблемы интенсивности времени, и работы, которые в большей степени обращены на проблемы темпа и интенсивности в отношении социального времени [8]. При этом, если В.В. Попов в большей степени обращал внимание на то, как проблему интенсивности или темпа времени сопоставить с той или иной моментно-интервальной концепцией времени с одной стороны, и эту концепцию вписать в определенную хронологическую последовательность, допустим, исторических или иных событий, то Ю. Лотман в большей степени обращал внимание скорее на проблемы, связанные со скоростью течения социального времени, с некоторыми измерительными процедурами и так далее. Однако эти и некоторые другие ученые действительно обозначили достаточно острые проблемы, которые в рамках решения тех или иных аспектов индивидуального времени позволяют говорить о целом наборе проблем. Эти решения дают не только некоторые концептуально-семантические аспекты представления об индивидуальном времени, но и о том, как это время возможно использовать с точки зрения тех или иных измерительных процедур. При этом, если тот же Ю. Лотман обращается в большей степени к тем методам, которые используются в рамках теории измерений, то В.В. Попов

обращает внимание на то, как в рамках конкретного логико-семантического аппарата представить ряд систем, исчислений и семантик, которые отражают те или иные особенности индивидуального времени. Причем последнее акцентируется с достаточно четко выраженными векторами: убыстрение времени, замедление времени, разнообразный темп времени и так далее. То есть В.В. Попов пытается выйти на проблему логических формализаций в отношении некоторых динамических философских категорий. И в более широком плане проблема сводится к решению достаточно старой проблемы в отношении того, как с помощью средств современной семантики представить те или иные фрагменты логики диалектической или диалектической картины мира, или представления о тех или иных концептуальных системах динамической картины времени. Последнее в большей степени зависит от взгляда того автора, который подходит к этой проблеме.

Кроме того, возникает еще целый ряд вопросов, которые могут характеризовать необходимые количественные и качественные характеристики. Например, если идет дискурс о темпе, то, естественно, возникает вопрос о скорости индивидуального времени, или его скорости в широком контексте социального времени. Если речь идет об интенсивности, то скорее всего многие проблемы, связанные особенно с исследованием того же индивидуального времени в контексте времени биологического и психологического, так или иначе, касаются плотности времени и т.д. Причем, здесь возникают проблемы как плотности с точки зрения некоторых социальных аспектов, так и в буквальном смысле могут возникнуть проблемы плотности именно с позиции точных наук, той же физики или химии. То есть исследователь, фактически с позиций проблемы индивидуального времени может выходить на более широкие контексты, когда в рамках данной проблемы сочетаются несколько уровней исследования, например, гуманитарный, социально-гуманитарный, естественный, естественнонаучный и т.п. И все это, действительно, имеет место при исследовании индивидуального времени, так как, принимая различные позиции, автор настоящей статьи обращает внимание на то, что парадигмального сдвига в этом направлении не достигнуто, что, впрочем, в данной статье тоже не предполагается в качестве отдельного решения. Однако, анализируя индивидуальное время рассматриваемую проблему обойти нельзя.

В данном направлении кажется, что ряд исследователей [5], [9], [10], [11] правильно уловили проблему, которая фактически связывает темп, интенсивность, скорость, плотность индивидуального времени с интервальной концепцией времени, с ее особенностями, с базовыми характеристиками, с ее проблемой вписывания в тот или иной контекст. Когда говорится именно о темпе индивидуального времени, то это может быть как вписывание в контекст социального времени, так и корреляция с биологическим или психологическим временем. Особо важно, что проблемы в рамках социально-философского исследования естественно, в большей степени предполагают приоритет проблемы соотношения индивидуального времени с проблемой социального времени

именно в направлении исследования обозначенных выше вопросов, связанных с интенсивностью, темпом, скоростью и так далее. И в этой связи необходимо говорить о том, что такие науки как социология и история, касающиеся фактологического описания, могут выступать в качестве тех или иных сегментов анализа для реализации и систематизации проблем, связанных с индивидуальным временем. В последнее время, достаточно модно этот контекст представлять в точки зрения того, что само время, прежде всего, понимается как некоторая последовательность событий. На взгляд автора данной статьи, подобное представление не является корректным, так как возможно представить достаточно простое, но более глубокое определение, например, что это не просто последовательность событий, а последовательность в условиях некоторой моментно-интервальной структуры. И уже затем утверждать, что в рамках этой структуры располагаются те или иные события. Возможно рассуждать и иначе, когда моменты интервальной структуры представляются в структуру стадии, которая была очень распространена во времена античности и средневековья. Безусловно, можно перейти к проблемам феноменологического характера, герменевтического и т. д. Когда речь заходит о том, что проблема темпа, интенсивности или плотности индивидуального времени следует рассматривать в большей степени в условиях некоторых социально-значимых событий, причем за равные промежутки времени, – то подобные теории относятся к, так называемым, теориям «собственного времени». С другой стороны, при дополнении подобной картины герменевтическими и феноменологическими идеями возникает еще целый ряд проблем, которые эти подходы, собственно говоря, и несут. То есть возможен переход и на позиции того же М. Хайдеггера, и на позиции Э. Гуссерля, возможно какое-то их условное сочетание, возможно расширение, дополнение и т. д. [12], [13].

В любом случае, ситуация связана с тем, что, когда обозначаются концепции, в контексте которых время представляется как некоторая последовательность событий, то подобная ситуация будет доказывать, что сама хронология должна пониматься как сама история с определенными ограничениями. И в этом смысле прав Ж. ле Легофф, который обратил внимание на то, что «необходимо сделать реальностью настоящую современную историю, историю настоящего. Это будет означать, что история более не занимается только прошлым, что с историей, основанной на жестком разделении прошлого и настоящего покончено» [14]. Другое дело, что Ж. ле Легофф, когда пытался представить самого социального субъекта в отношении тех или иных именно исторических событий, он касался не индивидуального времени как такового, а некоторого исторического знания о прошлом времени. Ж. ле Легофф обращал действительно серьезное внимание на то, что, например, когда философы пытались в рамках индивидуального времени рассматривать различные соотношения фактов, явлений или исторических событий, то сам смысл этих понятий иногда оставался где-то в стороне. И поэтому без перенесения определенных приоритетов на те или иные понятия, в данном случае это понятие события, – достаточно

проблематично было соотносить, допустим, такие моменты как знание прошлого, через настоящее, или предположение будущего в настоящем. Тот же Ж. Ле Легофф в этом смысле прав и в том, что, например, «Исторический дух верит в реальность прошлого, исходит из того, что прошлое, как форма бытия до некоторой степени как содержание по своей природе не отличается от настоящего. Воспринимая более несуществующее как бывшее, он признает, что то, что произошло в прошлом прежде существовало в определенном времени и месте, также как существует то, что мы видим сейчас. Это означает, в частности, что абсолютно неприемлема трактовка того, что и произошло в настоящем, как вымышленного нереального, и что не наличие прошлого и будущего ни в малейшей степени не должно ассоциироваться с его нереальностью» [15].

С другой стороны, обращаясь к современным теориям времени исследователь приходит к некоторой социальной реальности. В рамках этой социальной реальности возникает проблема исследовательского характера, а именно: на первый план выходит социальный субъект, как объект подобного анализа и, в контексте наших задач, приоритетными становятся вопросы, связанные с индивидуальным временем. Но нельзя не говорить и о том, когда сами социальные события представляются как некоторая последовательность с позиции их значимости или соотношенности в прошлом, настоящем или в будущем, то становится важным, что само индивидуальное проходит, естественно несколько стадий. Если оставаться в рамках именно того, что индивидуальное время действительно имеет интервальную структуру, то всегда возможно говорить о том, что имеется дело с определенным соотношением прошлого, настоящего и будущего. И тот же Н. Д. Серто в этой связи справедливо обращал внимание на то, что: «...производимая историком операция состоит в определении того, что именно в настоящем в соответствии с современными установлениями, отличается от своего «другого» (прошлого), предположение о наличии дистанции, отделяющей нынешнюю ситуацию от прошлого, и, тем самым, в маркировании посредством дискурса значимых изменений, обуславливающих эту дистанцированность. Эта операция имеет двойной смысл. С одной стороны она историзирует настоящее время. Точнее говоря, она позиционирует настоящее время переживаемого момента... Но с другой стороны, образ прошлого сохраняет свою первичную функцию репрезентации утраченного. Таким образом, история всегда амбивалентна, установление места прошлого в равной мере является формой выделения места для будущего» [16]. То есть вопрос во многом будет связан с тем, что индивидуальное время, если оно рассматривается с позиции прошлого, настоящего и будущего, будет связано с динамикой времени, а если есть динамика, то есть интенсивность, темп, скорость и так далее. Между этими событиями, именно с точки зрения их интенсивности развития, их плотности в рамках какой-то временной шкалы, или их темпа по отношению друг к другу, – существует определенная пространственно-временная система координат, которую исследователь налагает на эти события. Наши

собственные исследования показывают, что это достаточно серьезная проблема, которая касается, как минимум, другой очень серьезной проблемы, а именно: представления таких исторических или социальных событий с точки зрения хронологической последовательности. А так же и двух очень серьезных подпроблем, которые касаются, во-первых, спецификации социального времени, и, во-вторых – индивидуальности представлений о формах исторического бытия человека.

Подобная картина, о которой идет речь, касается того, о чем, к сожалению, в современных исследованиях, связанных с проблемами интенсивности или темпа развития индивидуального времени в контексте некоторых исторических событий, говорится не очень много. А именно того, что если сама хронология получает развитие в рамках триады «прошлое-настоящее-будущее», то, так или иначе, исследователь должен, во-первых, зафиксировать само прошлое. Во-вторых, определиться с тем, как прошлое соотносится с настоящим, а настоящее с будущим. В-третьих, стрелу времени применить к конкретному исследованию в рамках индивидуального времени. В-четвертых, выбрать ту концепцию времени: интервальную, моментную или смешанную - которая будет способствовать изучению проблемы интенсивности самого индивидуального времени. В-пятых, индивидуализировать представление о социальном бытии человека. В-шестых, специфику социального времени связать со спецификой индивидуального времени. В-седьмых, иметь в виду те изменения, которые касаются не только прошлых событий, но и которые могут коснуться событий будущих. То есть на первый план выходит проблема социального прогнозирования. В-восьмых, учитывать, что одни и те же социальные события могут получить совершенно различное разрешение, начиная с того, что они могут не фиксироваться и не оцениваться в рамках настоящего времени, но могут проходить через настоящее время, приобретая характер тенденций в будущем. В-девятых, достаточно четко различать понятия интервала и стадии социального времени, так как без этого внутреннее индивидуальное время человека вряд ли может быть исследовано, на что косвенно обращали внимание Э. Гуссерль и М. Хайдеггер. И, наконец, в-десятых, подобная ситуация связанная с проблемой интенсивности, темпа, плотности индивидуального времени, касается целого ряда локальных проблем, которые связаны с теми структурами времени, которые исследователь воспринимает как базисные по отношению к своему исследованию в целом.

Когда ученый обращается именно к хронологическому ряду отдельных социальных или исторических событий, то, фактически трудно говорить о выделении каких-то приоритетных этапов в изучения истории как процесса. Тем более, в данном случае, отсутствие подобных приоритетов вряд ли способствует правильному пониманию того, чем и когда обусловлена интенсивность, темп или последовательность тех или иных исторических событий. Однако, именно в них и будет проявляться специфика индивидуального времени в контексте исторических событий. Поэтому само

индивидуальное время, которое, так или иначе, коррелирует с этим самым историческим событием, с одной стороны, предполагает некоторую связь реально существующего объекта социальной действительности, а с другой стороны – ту или иную темпоральную связь с социальным субъектом, которая поддерживается тем или иным способом взаимосвязи. И одной из основ этой взаимосвязи выступает само индивидуальное время, которое имеет определенные границы.

Если речь идет о том, что исследуются широкомасштабные или широкоформатные социальные события, то действительно следует вычертить определенную степень их соответствия между собой, равную их равномерности или их значимости для тех или иных историй народов, стран, для мировой истории. И поэтому возможно говорить о том, что вполне реально в исследовательских целях допущение шкалы времени, на которой могут выделяться какие-то разнозначные интервалы времени, на которых фиксируются моменты. С этими моментами связывается социальное событие. Однако, заметим, что подобное представление самой мировой истории сочетается с некоторыми переживаниями этой истории социальными субъектами, и когда речь заходит об индивидуальном времени, то вряд ли подобная ситуация может быть признана наиболее адекватной. Исследование индивидуального времени должно указывать, что на первый план выходят приоритеты социального субъекта с его стремлениями, желаниями, установками, коррелируемые с его индивидуальным временем, со структурой этого индивидуального времени, с особенностями, связанными с его психологией, физиологией, биологией и так далее.

Принимая во внимание еще целый ряд характеристик, следует говорить о том, что исследователь имеет дело с некоторой сферой социального субъекта, в рамках которой обозначено не только его индивидуальное время, но и показано как это индивидуальное время развивается, какие динамические аспекты оно имеет, каковы перспективы его развития. С учетом подобных тенденций исследователь вправе рассуждать о замедлении, убыстрении, интенсификации самого индивидуального времени. С другой стороны, вряд ли кто-то будет спорить с тем, что соединяя такие глобальные категории как порядок и хаос, возможно говорить лишь о порядке, допустим, в отношении каких-то масштабно-значимых событий, на свои приоритетные роли выйдет и хаос. Тогда правомерно утверждать, что сама хронологическая последовательность, состоящая из тех или иных событий, может быть предполагает и события более значимые и менее значимые, и более интенсивные, и менее интенсивные, и более скоротечные, и менее скоротечные, и более плотные, и более разряженные и так далее. Хотя в данном случае предполагается, что исследователь имеет дело не с какой-то достаточно жесткой схемой вычленения супер или мега-значимых событий, а с определенным их хаосом. И даже возможно с определенным хаосом с точки зрения набора этих событий [17]. Нельзя не заметить, что при подобных условиях индивидуальное время может возникать в рамках переживания и установления

тех или иных темпоральных характеристик в отношении любого социального события, значимого или не значимого, с точки зрения тех или иных темпоральных форматов.

Тем более, что если на первое место выходит проблема индивидуального времени, то весьма спорной становится проблема в отношении того, какое именно событие будет являться крупноформатным, а какое – будет иметь некоторый другой формат, более того, если проблемы социальных событий скоррелировать в рамки соотношения социально-индивидуального времени с выходом на особенности времени психологического, биологического, физиологического и т.п. А также, с учетом тех особенностей интервальной структуры времени, которая предполагает индивидуальное время, исследователь может получать весьма неожиданные результаты, когда весьма возможна ситуация, в которой значительная часть индивидуальных сознаний, индивидуального времени, их корреляция, – может быть даже независима от тех значимых событий, которые исследователь вычерчивает в рамках всемирных хронологий и последовательностей самих этих социальных событий [18].

При этом весьма важной становится такая проблема, которая в рамках изучения индивидуального времени учитывается не всегда, и тем более не всегда в явном виде. Речь идет о том, что если идет дискурс о темпе или интенсивности индивидуального времени, то, принимая во внимание шкалу времени, нельзя не говорить о том, что, принимая ту или иную точку отсчета на этой самой шкале, возможно по-разному оценивать те или иные социальные события в отношении прошлого, настоящего и будущего. Даже не акцентируя внимание на каких-то конкретных индексах, правомерно утверждать, что индивидуальное время связано с теми или иными переживаемыми событиями, которые образуют определенный поток в рамках настоящего времени. Этот поток вполне будет относиться не только к настоящему, но и к тем событиям, которые пришли в прошлое, которые только в нем осознаются, и даже к тем событиям (и часто это действительно так), которые только зарождаются в этом настоящем. То есть, автор обозначил проблему, которая в рамках индивидуального времени достаточно редко реализуется, а именно: проблему тенденции развития в рамках индивидуального времени [19]. Во-первых, эта тенденция также имеет интервальную структуру. И во-вторых, подобные тенденции, естественно, будут иметь свою интенсивность, свой темп, свою плотность, что позволяет говорить о степени, достоверности, сроках, этапах реализации этих тенденций. Последнее может вполне отвечать тем или иным социальным прогнозом социальных субъектов, или того или иного общества в целом. Обратим внимание на то, что когда индивидуальное время анализируется с позиции его интенсивности или темпа, то, конечно, выстраивая определенную хронологию событийного варианта развития в рамках динамики самой истории, конечно, следует учитывать, что необходимо обращать внимание на то, что сами события будут коррелировать со смешанной моментно-интервальной структурой времени. Причем на этой структуре в рамках моментов могут фиксироваться как состояния тех или

иных объектов, так и происходит какие-то локальные изменения, которые доступны лишь ограниченному кругу субъектов именно в рамках их индивидуального времени. И это индивидуальное время направлено на реализацию каких-то конкретных целей с точки зрения имеющихся мировоззренческих установок, или тех или иных целей, стремлений, намерений, мотивов. То есть проблема интенсивности развития индивидуального времени во многом будет коррелировать и с особенностями самого субъекта в отношении тех психологических, биологических, физиологических и иных особенностей его сознания по отношению к тем или иным конкретным индексам, которые позволяют вписывать самого социального субъекта в тот или иной конкретный сегмент социальной реальности [20].

«Литература»

1. Жаров А.М. Проблема времени, структура становления и неопределенность // Вопросы философии. 1980. № 1. С. 124-128.
2. Там же, С. 129-135.
3. См.: Головаха Е.И., Кроник А.А. Понятие психологического времени // Категории материалистической диалектики в психологии. М., 1988. С. 207-215.
4. Попов В. В. Интервальная концепция времени и изменение // Логико-философские исследования. М., 1989. С. 120-127.
5. Попов В. В. К. Айдукевич и Б. Рассел: два подхода к понятию момента времени // Функция в языке, логике и математике. Тернополь, 1990. С. 11-15.
6. Попов В. В., Солодухин О.А. К логической проблеме изменений во времени // Философские науки. 1991. №5. С. 174- 181.
7. Попов В.В. Логика изменения и темпоральная логика. Ростов-на-Дону, 1992. С. 102 .
8. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 312-320.
9. Анисов А.М. Динамическая концепция времени. М., 1991.
10. Лакотос И. Фальсификации и методология научно-исследовательских программ. М., 1991.
11. Мостепаненко А.М. К проблеме размерности времени // Вопросы философии. 1965. № 7. С. 84-94.
12. Гуссерль Э. Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени. М., 1994. т. 1.
13. Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
14. Ле Гофф Ж. Является ли все же политическая история становым хребтом истории // THESIS. 1994. вып. 4. С. 19.
15. Там же, С. 10.

16. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997. С. 321.

17. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант: К решению парадокса времени. М., 1994. С. 272.

18. Дорофеев Д.Ю. Ретроспектива и перспектива в историческом и временном опыте человека // Метафизические исследования. 1997. №2. С. 129-142.

19. Жданова В.И., Музыка О.А. Проблемы корреляции психологического и биологического времени социального субъекта в контексте историко-философской интерпретации.// Журнал «Фундаментальные исследования» № 12 (часть 2), 2011. С. 393-398.

20. Музыка О.А., Попов В.В., Жданова В.И. Философские основания индивидуального и психологического времени.// Монография в авт. Ред. / Изд-во Таганрог. гос. Пед. Ин-та, 2011.

УДК1 (075.8)

**К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КРИТЕРИЕВ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ
НЕРАВЕНСТВА В ОБРАЗОВАНИИ
THE PROBLEM OF DETERMINING THE CRITERIA BALANCING THE INEQUALITY IN
EDUCATION**

Шолохов А. В., г. Таганрог, д-р филос. наук, профессор кафедры социально-экономических и общественных наук Таганрогского государственного педагогического института имени А.П. Чехова

A. Sholokhov, Taganrog, Dr. Phil., professor of the social and economic sciences, Taganrog State Pedagogical Institute named after A.P. Chekhov

Andvi61@mail.ru

Настоящая статья представляет попытку проанализировать подходы к определению критериев сбалансированности образовательного неравенства. В качестве критериев предложено рассматривать степень удовлетворённости образовательных интересов групп населения.

This article is an attempt to analyze the approaches to the definition of criteria balancing the educational inequality. The criteria proposed to consider the degree of satisfaction with the educational interests of the groups.

Ключевые слова: образовательное неравенство, социальные группы, система, эмерджентность

Keywords: educational inequality, social groups, the system, the emergence of systems

Феномен неравенства в образовании существует независимо от того, хотим ли мы этого как отдельные люди или представители целых социальных групп, или, наоборот, категорически неприемлем этого. С тем же успехом можно отвергать общество или принимать его. Вопрос состоит в том, насколько образовательное неравенство должно быть сбалансировано, чтобы степень его проявленности не деформировало общество, не тормозило его динамичного развития. Поэтому совершенно необходимо было, во-первых, философски осмыслить самые актуальные проявления неравенства в образовании и то как неравенство воспроизводится в системе образования как неотъемлемая характеристика образовательного результата всей системы образования. Необходимо выделить качественные критерии, по которым можно судить насколько существующее в обществе неравенство в области образования отвечает общему состоянию неравенства в данном обществе, и не проявляется ли в нём несоответствия между общим неравенством и

неравенством в области образования, и, во-вторых, насколько это образовательное неравенство позволяет данному обществу эффективно и динамично развиваться.

Образование, будучи социальным феноменом, встроено в общество в качестве одного из атрибутивных элементов, без которых любое человеческое общество просто не может существовать более чем на протяжении жизни одного поколения в том качественном состоянии, которое было достигнуто предыдущими поколениями. Поэтому образование как общественное явление начинает развиваться уже в самых ранних человеческих сообществах. И по мере совершенствования человеческого общества развивается и образование. Социализация любой личности проходит в образовательном и самообразовательном процессах. В современном обществе на самых ранних этапах развития личности её образование соответствует тому типу, который был основным в ранних племенных и доплеменных сообществах, а именно – домашнему образованию.

Домашнее образование – это уже не простое добровольное и заинтересованное наблюдение за деятельностью взрослых и значимых людей сообщества, это целенаправленное воздействие взрослых, умелых и ранее также обученных членов общества на подрастающее поколение с целью передачи им абсолютно необходимых знаний и правил, использование которых обеспечит им нормальное общежитие с другими членами в своем социуме и нормальное добывание самых необходимых жизненных благ. Причём принципы добровольности, заинтересованности и свободы выбора в процессе получения знаний дополняются принципом обязательности. Молодой член сообщества обучается уже не только на основе личной любознательности и согласия обучаться. Общество уже обязывает его получить, это образование, поскольку общество рассчитывает на его полноценное участие во всех общественно значимых процессах, чтобы инициированный молодой соплеменник умел достигать необходимым обществу результатов – строить, воевать, охотиться, рыбачить и т.д. Самые близкие для юной личности люди принимают на себя эти обязанности домашнего образования и отвечают перед обществом за качество результата социализации юной личности, в том числе за качество результата образования. Поскольку само раннее общество, такое как племя, имеет относительно небольшие размеры и процессы, которые оно реализует в доступных ему технологиях относительно просты, социальный радиус его влияния и воздействия также относительно невелик. Постольку и домашнее образование, формирующееся в таких ранних человеческих сообществах, также имеет незначительную дифференциацию, подразделяясь, в основном, на образование для мальчиков и образование для девочек. «В жизни подрастающего поколения не существовало и особого периода подготовки к усвоению социальных ролей взрослых, ибо все необходимые знания, навыки и способности приобретались и развивались в ходе непосредственного приобщения детей к практическим делам племени. Характерно, что приобщение детей к трудовым действиям, обучение профессиональным навыкам начиналось с 4 - 5 лет, а в подростковом

возрасте дети наравне со взрослыми участвовали в охоте и рыбной ловле, пасли скот, изготавливали орудия труда, участвовали в приготовлении пищи. Воспитанием и образованием мальчиков занимались мужчины, а девочек – женщины» [1]. Это, несомненно, определяется уже не только исключительно половыми физиологическими особенностями, а начинает уже детерминироваться социально дифференцированными социальными ролями, которые будут исполнять будущие женщины и будущие мужчины в своём обществе. Но в целом, такое образование незначительно и неглубоко дифференцировано по культурному и социальному признакам. Социальная структура и культура ранних человеческих сообществ достаточно гомогенны и относительно просты, что определяет и уровень образования, и его слабую дифференцированность.

Все социальные системы, развиваются в сторону усложнения, когда система, развиваясь, увеличивает число составляющих её элементов и межэлементных связей, усложняется характер составляющих систему элементов и связей между ними, развивается иерархичность системных уровней и усложняется характер взаимоотношений между данными иерархическими уровнями системы. Все эти процессы в полной мере отражены в истории любой цивилизации, и конечно, в наиболее развитом виде они зафиксированы в цивилизациях современности. Вместе с общим усложнением социума неизбежно шёл процесс усложнения образования, вплоть до появления особых институциональных структур образования и, наконец, до появления первых школ. Институционализация образования обусловлена, как и для других социальных институтов, ростом требований к качеству результата, которое востребовано со стороны общества от того или иного вида деятельности и которое не может быть обеспечено без профессионализации этого вида деятельности и его институционализации. «Экономика, общество и государство нуждаются в академически обученных силах. Эта потребность постоянно росла и продолжает возрастать дальше. Тенденция современного человеческого существования (Dasein) такова, что почти все виды деятельности требуют знаний, предполагающих школу, и умений, которые не могут быть приобретены только кустарным способом или на практике» [2]. Поэтому этот аспект вполне укладывается в рамки традиционной оценки причин институционализации образования. Совсем неочевидны причины возникновения школы как особого вида организации институционального образования. В школы изначально получали доступ не все из тех, кто обязательно получал домашнее образование.

Исторические факты свидетельствуют о том, что первоначально школы всегда обеспечивали подготовку, которую получают, как правило, либо представители высших классов, либо те, кто будет обслуживать их интересы на самых ответственных и сложных работах. И впоследствии это давало им возможность самим влиться в высокоранговые слои населения. То есть школа как особая организационная структура институционального образования с самого начала отражала развивающееся в обществе социальное

неравенство. Если социальное неравенство в рамках родоплеменного строя не являлось определяющим свойством для такой общественной системы, то с развитием рабовладельческого или раннефеодального строя социальное неравенство приобретает системообразующий характер для обществ более высокого уровня, чем родоплеменное, являясь конкретным проявлением растущей дифференцированности структуры общественной системы. Поэтому естественной системной реакцией общества в ответ на собственное усложнение стало усложнение системы отношений, выражающих социальное неравенство во всех сферах. В числе прочих отношений неравенство проявляется и в образовании. Неравные социальные группы начинают нуждаться в разных знаниях для своей социализации и, главное, для своей профессиональной деятельности. Для социальных групп, чья деятельность была относительно проста, для полноценной социализации и профессионализации было достаточно домашнего образования и совместной работы с уже достаточно опытными профессионалами, чтобы успешно социализироваться и вести свою профессиональную деятельность. Но вот в обществе выделились не просто профессионалы в сфере производства, и даже не такие профессиональные управляющие, как глава совета старейшин племени, вождь и т.п., а управляющие нового типа – государственные чиновники высокого ранга и главы государств, которые осуществляют свою профессиональную деятельность в несравненно больших масштабах и в несравненно более сложных условиях. Стало очевидным, что управлять и обслуживать такого рода управление невозможно без специальной подготовки. Поэтому открываются школы для знати и будущих высокопрофессиональных специалистов, призванных обеспечить эффективную управленческую работу самой знати.

Несомненно, что институциональное образование, с самого начала обслуживая профессионализацию социального управления и способствуя закреплению данной функции за высокоранговыми социальными группами, с самого начала было ориентировано на воспроизводство и закрепление социального неравенства высшего уровня, так сказать, качественно иной природы, чем социальное неравенство в родоплеменном обществе. И такая функция стабилизации социальной дифференциации через закрепление и воспроизводство социального неравенства есть важнейшее качество институционального образования. Несмотря на многовековую мечту и усилия гуманистов всех народов и времён о том, что образование должно в итоге своего совершенствования и распространения на все слои общества снять социальное неравенство, следует констатировать, что образование никогда не выполняло этой функции. Оно в лучшем случае сглаживало наиболее неприглядные деформации социального неравенства, становившиеся тормозом для динамической эволюции общества, перераспределяло социальное неравенство по отношению к отдельным членам общества и по отношению к отдельным социальным группам, но никогда не снимало социального неравенства как

такового, потому, что оно в принципе не может снять системную характеристику более высокого порядка, будучи порождением самой этой характеристики.

Любая система характеризуется эмерджентностью. Рассмотрим в этом аспекте такой важнейший атрибутивный элемент системы институционального образования как целевой комплекс. Социальные системы отличаются именно тем, что векторная заданность траектории их развития имеет не просто некий вариативный набор тенденций, переход на которые и их выбор в некоторой степени подвержены случайным факторам. Для социальных систем характерной особенностью является зависимость выбора траектории развития и движения по ней от тех целей, которые формируют и определяют для системы её управляющий элемент. Но большинство, если не все, социальные системы относятся к классу сложных и больших систем, которые имеют разветвлённые и развитые обратные связи между операционной системой и системой управления. Эти же обратные связи широко представлены в самой системе управления между её иерархическими уровнями. Всё это в полной мере относится и к системе институционального образования.

Наличие обратных связей предполагает влияние нижестоящих иерархических уровней на процесс принятия решений, в том числе решений по выбору целей развития системы. Конечно, степень влияния на принятие того или иного решения зависит от значительного числа как постоянно действующих внутренних и внешних факторов, так и ситуативных и случайных внутренних и внешних факторов. Но в огромной степени возможность и степень такого влияния на выбор целей развития устанавливает управляющий элемент системы. Тем не менее, такое влияние по обратным связям действует, и его ни в коей мере нельзя не принимать в расчёт. В принятом решении можно выделить ту или иную часть, которая была привнесена той или иной социальной группой. И при этом можно не сомневаться, что сам выбор в процессе принятия решения осуществляют должностные лица из высокоранговых слоёв населения, которые в максимально возможной степени учитывают, прежде всего, интересы своих социальных групп.

В этом случае интересы других социальных групп могут полностью или частично совпадать с их интересами, и соответственно полностью или частично включаться в решение по выбору целей, когда они не совпадают. Другими словами, возникает ситуация более или менее полного учёта интересов значительной части общества заинтересованной в результате функционирования системы того или иного социального института, и, конечно, такого как система институционального образования.

Рассматривая сбалансированность или несбалансированность учёта интересов различных социальных групп, а значит и неравенства в образовании, ключевым моментом мы видим именно заинтересованность социальной группы в результате функционирования института. Оптимальным состоянием неравенства в образовании по этому критерию следует считать то, насколько в круг своих максимально реализуемых

образовательных интересов управляющая социальная группа включает образовательные интересы наиболее многочисленных и наиболее заинтересованных в образовании нижестоящих других социальных групп при том, что интересы других менее заинтересованных в образовании социальных групп или групп слишком малочисленных, и играющих в жизни общества незначительную роль, могут быть в существенной мере секвестированы в принятых образовательных решениях. Билл Ридингс в своей работе «Университет в руинах» отмечает по этому поводу, сравнивая государственные вложения ресурсов в различные сферы жизни общества с целью формирования единого национального пространства, что «... как и в случае Государственного Университета, государственные инвестиции в национальную авиакомпанию являются ... мощной внутренней субсидией в средний и высший средний классы. Более обеспеченные классы могут всегда зафрахтовать частный самолёт или нанять репетитора» [3].

Именно правящие группы были наиболее заинтересованными в становлении и развитии институционального образования, которое в этот период было в основном элитарным. «Если народ политически слаб, то бесполезно ожидать чего-либо даже от самой совершенной школы. Тогда речь может идти лишь о школе для немногих» [4]. Таким образом, неравенство социальное порождало ярко выраженное образовательное неравенство с сильно выраженной дифференциацией, но при этом нельзя считать, что данная ситуация была для древних обществ того времени несбалансированной с точки зрения востребованности и качества результата, который обеспечивало институциональное образование. Усложнение деятельности нижестоящих социальных групп по мере развития технологий и условий их производственной деятельности, досуга и других факторов, определяющих их образ и уровень жизни, со временем также обуславливали возникновение специальных школ разного уровня. В начальный период становления специальных школ, как правило, образовательный уровень соответствовал статусу сегодняшних учреждений начального профессионального образования. В течение дальнейшего развития обществ появились социальные группы, которые принято сейчас относить к среднему классу, с подготовкой на уровне среднего и высшего профессионального образования, не являющиеся при этом ни собственниками капитала, ни предпринимателями средней руки. Эти люди – специалисты и менеджеры, которые занимают своё социальное и культурное положение в обществе на основе своей профессии, соответствующей их образованию и которые кровно заинтересованы в наличии, поддержании и развитии системы институционального профессионального образования. Пренебрежение их интересами в составе тех целей развития образовательной системы, которые устанавливают и реализуют высшие должностные лица правящих высокоранговых социальных групп, сразу же приводят к дисбалансу и дисфункции социального института образования. Поэтому можно с уверенностью констатировать, что одним из важнейших критериев сбалансированности системы образования в современный

период в аспекте неравенства является степень включённости интересов наиболее массового в обществе класса, а именно среднего класса в цели развития образования. С одной стороны, социальные группы, составляющие средний класс, более всех других социальных групп заинтересованы в образовании, но при всех имеющихся у них возможностях влиять на процесс формирования целей развития системы образования реального воздействия на установление этих целей они не имеют. В настоящее время даже низкоранговые социальные группы имеют объективную заинтересованность в наличии начального профобразования, но их влияние по обратным связям практически ничтожно. Но и социальная активность этих социальных групп по развитию начального профобразования также является низкой. В настоящее время низкий уровень социальной активности по влиянию на формирование стратегии развития образования этих низкоранговых социальных групп во многом определён именно низкой степенью воздействия на принятие решений по целям развития образования. Готовность учитывать интересы других, по сути, – это готовность на компромисс. То есть компромиссность в управлении системой институционального образования – это критерий сбалансированности состояния неравенства в обществе, социально дифференцированном на неравные социальные группы.

Очевидно, что необходимо рассмотреть явно обозначаемые признаки, но и не упустить из поля анализа и латентные признаки. В явном виде степень включённости интересов определяется тем, во-первых, насколько получаемое образование в действительности используется теми социальными группами, которые рассматривают образование как атрибутивный фактор своего социального бытия для реализации своего социального самовоспроизводства и дальнейшей своей социальной и культурной экзистенции, для оптимального вхождения в социокультурную структуру общества. И, во-вторых, тем насколько соответствует их дальнейшая профессиональная деятельность полученному уровню образования и той квалификации, которая формируется у обучающихся по соответствующей образовательной программе. Таким образом, интегральный индекс актуальности и удовлетворённости полученным образованием в том аспекте, который был указан выше, можно рассматривать как показатель степени учёта интересов массовых потребителей результата функционирования системы институционального образования, и, в свою очередь, судить на основании этой включённости их интересов о степени сбалансированности неравенства как атрибутивной характеристики образования. Приходится признать, что этот всё-таки вполне явно обозначенный показатель не может считаться достаточным, хотя его учёт является абсолютно необходимым.

Кроме этой компоненты мы выделяем такие неявно выраженные критерии, как возможность сохранения средними классами своей особенной субкультуры и возможность осуществления своей социальной самоидентификации именно посредством

образования в несравненно большей степени по сравнению с другими факторами. Не все социальные группы и не в одинаковой степени принимают наличие того или иного уровня образования, квалификации в качестве критерия для оценки статуса своей социальной группы и качества той субкультуры социального слоя, к которому они принадлежат. Чем в большей степени социальные группы, чье положение в структуре общества и воспроизводство этого положения зависят от возможности получить образование соответствующего уровня и соответствующей профессиональной квалификации, от качества и востребованности этого образования в обществе, чем в большей степени эти социальные группы удовлетворены возможностью дать почувствовать своим детям посредством образования значение собственной субкультуры в составе общей национальной культуры, тем более сбалансированным выступает образовательное неравенство, которое воспроизводит общее неравенство, в том числе и в сфере культуры. Неудовлетворенность принижением их собственной субкультуры, которая у людей, имеющих достаточно высокий уровень образования, по определению, достаточна высока, и должна высоко оцениваться в обществе, вызывает напряжение и дисбаланс в наиболее массовой части среднего класса,

Анализируя цели образования, которые формируют правящие и управляемые социальные группы и то, каким образом одни цели включаются в зону целей других, в системном анализе всегда следует учитывать, что задачи, решаемые системой, то есть ее функции есть производные от целей системы. Задачи-функции системы образования на любом уровне достаточно хорошо известны – социализация, инкультурация, профессионализация, социальное воспроизводство, социальное возвышение.

В то же время следует отметить, что для успешной сбалансированности социального неравенства через систему образования, необходимо, чтобы система работала как один из эффективных социальных лифтов мобильности для выдающихся представителей низкоранговых социальных групп. И критерием эффективности такой функции системы институционального образования на ее профессиональных уровнях является степень элитаризации того или иного направления и уровня профессиональной подготовки. Элитарность – это закрытость для получения образования по тем или иным профессиям, а значит и доступа к достижению соответствующего социального статуса, получения соответствующего уровня культурного развития, то есть критерий закрытости образования. При этом закрытость может формироваться вследствие различных причин, в том числе и вполне объективных, например, малочисленности того контингента специалистов, которых готовит система образования и которые в данном количестве с небольшими вариациями востребованы в сфере общественного производства, в то время как элитарность – это преднамеренная закрытость доступа к профессиям и уровням образования, которая должна обеспечить доступ только лишь для избранных абитуриентов из высокоранговых социальных групп. А элитность образовательного

учреждения, организации, той или иной профессиональной подготовки – это в первую очередь состояние высокого качества результата образования, при котором доступ в эти организации и по этим направлениям подготовки ограничен ввиду высокого уровня начальной подготовки, требуемой от абитуриента с тем, чтобы он был в состоянии освоить образовательные программы подобного рода учебного заведения, чтобы он мог соответствовать высокому уровню требований при промежуточной и итоговой аттестации студентов и выпускников этих учебных заведений. Разделение образовательных заведений на элитные и элитарные поддерживает такие известные исследователи образования как Осипов А.М., Ашин Г.К. и Карабущенко П.Л. [5, 6, 7, 8].

На вопрос всегда ли элитарность – это негатив, в свете вышесказанного можно ответить – нет, но лишь в том случае, когда элитарность как закрытость не является абсолютной, когда она не перекрывает лифты вертикальной социальной мобильности для лидеров низкоранговых социальных групп, стремящихся реализовать свой потенциал, в том числе посредством перемещения в вышестоящие социальные группы, включая высокоранговые группы, используя для этого в том числе и образовательную систему, когда элитное и качественное образование дают выпускникам получить реальную возможность для вхождения в вышестоящие социальные группы.

Рассмотрим теперь такой атрибутивный элемент любой социальной системы как технология, то есть набор наиболее фундаментальных способов, методов, приёмов решения тех задач, которые обеспечивают достижение заявленных целей. К числу основных технологий системы образования, на основе которых решаются все основные задачи образования, – технологии педагогические и управленческие, а также целый ряд обеспечивающих (например, психологические, технические и т.п.) технологий. Именно педагогические технологии составляют специфику, и основу образовательной системы. Объяснение и понимание в обучении являются базовыми образовательными технологиями. Причём если объяснение как передача знаний на основе дескриптивных усилий педагога – технология доступная большинству учащихся, которые имеют вполне сформировавшиеся средние когнитивные способности, то понимание – требует научению и развитию навыка. Но необходимо сразу определить позицию относительно соотношения применения этих технологий в образовании. Любая передача знаний не может состояться по психологическим законам, если процесс коммуникаций не проходит успешно фазу фильтра тезауруса, то есть фазу, когда данные сообщения адресанта находят соответствия в багаже тех понятий, которые накоплены адресатом в процессе своей социализации. Другими словами, самая начальная стадия понимания всегда присутствует в образовательном процессе. Но для того чтобы передать принципиально понимаемую информацию, она должна быть объяснена со стороны адресанта.

Обучение, в котором преобладают объяснительные элементы, носит в большей степени пассивный характер, поскольку в таком процессе обучаемый принимает

установленные данные, которые он должен в большей степени запоминать, выстраивая между объясняемыми элементами учебного материала логические связи, или даже принимая объяснение этих связей со стороны педагога, и активно участвуя в процессе лишь запоминая материал. Активность учащегося может быть повышена только на уровень выстраивания этих самых логических связей, если они не вводятся педагогом, и тогда обучаемый включает понимающую компоненту со своей стороны, потому что связи между отдельными элементами учебного материала составляют своего рода контекст для отдельных элементов объясняемого материала. Но в любом случае понимание находится в низкой фазе активности по сравнению с тем, когда оно является главным компонентом образовательного процесса. А таковым оно всегда должно быть, когда обучаемый должен в процессе обучения выдать в качестве результата анализ и оценку в контекстуальном обрамлении, что требует от него понимающих усилий в гораздо большем объеме, чем при самом активном понимании при объяснении.

Понимание как образовательная технология резко повышает активность учащегося, а объяснение, если и не гасит мотив обучения, то не поддерживает его столь мощно как понимание. Через понимание обучаемый получает результат в качестве своего собственного опыта, который усваивается и ценится и выше и дольше. Объяснение представляет опыт других, ему по большей части надо верить. Свой опыт ценнее чужого. Преобладание той или другой образовательной технологии в обучении делает уровни и виды образования неравными по качеству результата обучения и по возможностям, которые получают обучающиеся, для использования своего образования в процессе дальнейшей социализации и инкультурации.

Вопрос не в том, какая технология предпочтительнее, а вопрос и проблема состоят в том, что на каждом уровне образования и в каждом типе школы эти должны быть технологии адекватны той социальной и культурной среде, в которой протекает образовательный процесс, выстроенный в соответствии социокультурной среде обучаемых и социокультурной педагогической среде преподавателей. В соответствие с этими факторами происходит акцентуация в выборе предпочтительной образовательной компоненты как со стороны педагогов, так и со стороны обучаемых.

Любая образовательная программа, любой учебный материал всегда есть сложный комплекс информации, который либо в большей мере объясняется с меньшим объемом понимающих усилий, либо вводится посредством объяснения, но с максимальной активизацией понимающих интенций и потенций обучающегося. Различная установка на акцентуацию той или иной составляющей технологии образовательного процесса естественным образом, в соответствие с системными свойствами института образования, определяет различное информационное наполнение и компоновку учебного материала, который представлен в учебниках, предназначенных для неравных школ, чье неравенство определяется их нахождением на разных уровнях

институциональной образовательной системы, а также в тех учебниках, которые предназначены для школ "разных коридоров", если использовать терминологию Бодло и Эстабля. И этот информационный ресурс в соответствии с дифференцированной структурой учебных программ неравным образом распределяется в системе образования. Неравномерность распределения информационного ресурса порождает неравный результат и в итоге образовательное неравенство.

Литература.

1. (Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: Очерки теории. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991.
2. Ясперс К. Идея университета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gridnev.info/?p=17>, – свободный. – Загл. с экрана.
3. Ридингс Б. Университет в руинах. / Пер. с англ. А.М. Корбута. – М.: Изд. Дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010.
4. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. / Пер. с англ. М.Н. Голубевой, А.М. Корбута. – М.: Изд. Дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010.
5. Социология образования: Очерки теории / А.М.Осипов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006.
6. Карабущенко П.Л. Антропологическая элитология. – М.-Астрахань, 1999.
7. Ашин Г.К. Элитология. – М.: МГИМО-Университет, 2005.
8. Ашин Г.К. Мировое элитное образование. – М.: Анкил, 2008.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
SOCIOLOGICALSCIENCE

УДК 316

**ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛИЗИРУЮЩЕЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВО ОБРАЗОВАНИИ**
APPROACHES TO RESEARCH OF SOCIALIZING ACTIVITY IN FORMATION

Доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории социальной работы Н. В. Кильберг-Шахзадова,

г. Нальчик, Кабардино-Балкарский государственный университет
mamay.69mail.ru

Kiljberg-Shakhzadova N.V., PhD, professor of department of theory and history of social work

Nalchik, Kabardino-Balkaria state university

Актуальность данной статьи заключается в рассмотрении социализирующей деятельности как предмета социокультурного исследования в социологии.

The urgency of given article consists in consideration of socializing activity as subject social and cultural researches in sociology.

Ключевые слова: исследование, образование, предмет, подход, социализирующая деятельность, социокультурное исследование.

Keywords: research, formation, a subject, the approach, socializing activity, social and cultural research.

В социологии, как и в других науках, имеют место исследовательские традиции, передаваемые разными научными сообществами: философским, социологическим, культурологическим и др. [15]. Потребность в них обусловлена многообразием изучения предмета исследования.

Актуальность статьи определяется выявлением подходов в исследовании социализирующей деятельности в образовании. При этом учитывается тот факт, что социальное образование является новой парадигмой социокультурной жизни, исследование данного типа использует теоретические конструкции в практически ориентированных вторичных эмпирических и теоретических разработках, реализует их в реальных исследованиях. К ним обычно относят исследования в гуманитарной науке [11].

Исследование социализирующей деятельности сдерживает эмпирическое поле в образовании на теоретическом уровне, описывая научную парадигму как сложную мировоззренческую систему взглядов, которая представляет собой научную концепту и включает в свое содержание конкретный набор мировоззренческих теорий и дискурсов.

Образование есть поле комплексных исследований, суть которого составляет анализ, поскольку оно является «системным» объектом, и системны его основные проблемные ситуации. В процессе рефлексии как нет особых «объектов» внутри этой системы, так нет и запретов. Любая область отношений мира и человека может стать проблемой теоретического осмысления под определенным углом зрения, а также построения адекватных систем практического действия.

В социологическом аспекте задача исследования подходов к социализирующей деятельности в образовании представляется особенно актуальной. Это связано с тем, что подходы детерминированы изменениями, происходящими в образовании как необходимым компоненте «воспроизводства общественного человека, его социализации» [10].

Основным в исследовании социализирующей деятельности является социологический подход. С помощью этого подхода изучают различные виды деятельности: предметную, научную, преобразующую; взаимодействие людей в этих видах деятельности; их взаимодействия.

Вместе с тем именно на социологическом уровне могут и должны быть исследованы весьма сложные взаимоотношения социализирующей деятельности и образования, образования и среды (социума), поскольку односторонне понимаемая детерминация лишь в направлении социум (среда) – социальное образование явно не охватывает всех аспектов их взаимной детерминации. Среда выступает, с одной стороны, в качестве прогностического фона, на котором разворачивается социально-образовательная деятельность, а с другой – в качестве потребителя «продукции» этой деятельности. Чтобы заинтересовать среду в высоком качестве специфической продукции, необходимо глубинное влияние внешней среды на среду собственного образования, понимаемого нами как формирование и руководство определенным образцом [8].

Одной из задач исследования является анализ подходов, разработанных как отечественными учеными (А. С. Ахиезер, П. А. Сорокин, В. С. Степан и др.), так и западными социологами (М. Вебер, Э. Дюркгейм, К. Маркс и др.), изучавшими и разрабатывающими концепции, теории, учения и т.д.

Для современного общества развитие научного знания связано с общественными и гуманитарными науками. Поэтому к наукам, изучающим социальные структуры, институты, процессы общества предъявляют особые требования. Причем, все чаще перед представителями таких наук, как социология и социальная философия встают общие проблемы, связанные с группой, обществом, механизмами их взаимодействия, которые не

могут быть решены только их усилиями. Кроме того, для конкретных общественных наук всегда сохраняются функции детального, более глубокого и в то же время развернутого постижения сущности той или иной стороны, сферы жизни общества. Научное познание по своей природе нуждается не только в целостном, но и дифференцированном подходе, в изучении отдельных качеств с точки зрения как их общей природы, так и в их особенном, уникальном социокультурном бытии.

Методологический характер данной проблемы ставит задачи, связанные с социальными структурами, институтами, процессами, которые могут быть решены через различные подходы. Эти подходы не противоречат проблеме данного исследования. Они позволяют применить в комплексе методологический метод, системный, технологический и др., изучить сущности социализирующей деятельности как нового понятия социологии. Кроме того, учитывая существование множества разнообразных подходов, представляется чрезвычайно важным выяснить их исходные позиции к социализирующей деятельности. Рассмотрим подходы в той последовательности, в которой мы их обозначили.

В основе методологического подхода к изучению обозначенной проблемы лежит научное познание. С его помощью можно изучить объект, предмет, закономерности и категории. Кроме того, метод научного познания в социологии является основополагающим.

Следующий подход – это социально-философский. Он оказывается более сложным и конкретным, нежели философско-социологический. Социальная философия как теоретическая социология при формировании вторичной эмпирии не ограничивается исключительно социологией, осваивает достижения всего комплекса общественных, гуманитарных и других родовых наук. Сложившиеся науки имеют свой адекватный подход исследования каждой из сторон общественной жизни. Аргументы аналогии придают уверенность и оптимизм научного поиска в выбранном направлении – образование как социальный институт. Что касается теоретической социологии, то именно такое обоснование было сформулировано Франкфуртской школой [5]. Можно говорить о функциональной школе, которая стала возможной благодаря выходу метаантропологии за пределы философской антропологии «к пределам человеческого и соединению с экзистенциализмом – философией человека в его пограничном и предельном бытии» [17]. Из этого следует, что философия задает основные параметры норм научного поиска и научной картины исследуемой реальности в результате интеграции социальных и гуманитарных наук.

Неоднозначное толкование мы встречаем в применении социокультурного подхода, который прежде чем стать основополагающим в методологии общественных наук, прошло долгий по этапный путь:

на первом (конец XVIII в. – конец XX веков) социокультурное осознавалось лишь как следствие исторического развития общества, как его продукт (человек – творец

культурного мира, но не продукт, а результат самой культуры);

на втором (вторая половина XX в.) – культура, фиксированная общественным сознанием, привлекающая к себе внимание специалистов различных отраслей социально-гуманитарного знания.

Однако принципиально новое понимание места и роли культуры в функционировании и развитии социума формируется не одноактно [9].

Одним из разработчиков социокультурной методологии в России стал А.С. Ахиезер. Ученый дает последовательное, системное описание социокультурных механизмов динамики российского общества, его исторические изменения, предлагает новый взгляд на социокультурные процессы развития общества [2], разрабатывает теоретический аппарат, включающий около 350 категорий и терминов [1].

В основание социокультурного подхода лежит тезис о том, что какими бы мотивами человек ни руководствовался в своей деятельности, скрытыми (подсознательными) или явными, в терминах какой бы науки эти мотивы ни описывались, все это фиксируется в социологии. Специфика данного подхода заключается в том, что центральное место в нем занимает программа деятельности субъекта. Любой субъект – это люди. Общество, сам факт его существования, может быть объяснено только тем, что оно есть (со) общество, т. е. субъект обладает некой программой, реализация которой воспроизводит это общество. Следует отметить, что социокультурный подход не отрицает экономический, социальный, психологический и другие факторы, но и рассматривает их через призму детерминирующего фактора. Иначе говоря, социокультурный подход соотносится с обществом во всех его аспектах, выступая как способ и механизм структурирования и дешифровки бытия – универсалий культуры и «транслятор» знаний в социальную практику. Подобную интерпретацию мы находим у В. С. Степанова [14].

Особое внимание в исследовании отводится системному подходу. Исторически системный подход пришел на смену широко распространенным в XVII–XIX веках концепциям механицизма и по своим задачам противостоит этим концепциям [16]. Кроме того, сущность системного подхода, как метода познания, раскрывается с помощью принципа внутренней организации, предполагает понимание связей, отношений, взаимодействий.

Системный подход, получивший широкое применение в социологии, опирается на исследования М. Вебера и Э. Дюркгейма, сыгравший в первой половине XX века заметную роль в эволюции общественной мысли [3; 6].

Методология системного анализа предполагает выделение в изучаемом объекте не только элементов, а тех системообразующих характеристик, которые определяют внутреннюю природу и качественное своеобразие социализирующей деятельности, принцип ее построения, образования, структурирования, но и выделение объекта и предмета. Обусловлено это изучением форм деятельности, к одной из них относят

образование. Изучение литературы, по исследуемому вопросу, позволило установить, что для современного социального образования характерно незначительное наличие публикаций, в которых рассматриваются частные аспекты, определенное количество исследований обобщенного плана, реже встречаются социокультурные исследования образования.

Система образования представляет сложное, противоречивое явление, которое можно изучить с помощью системного подхода. В научном осмыслении системный подход означает формирование системного взгляда на деятельность, базирующуюся на целостности, многоуровневости, цикличности [13]. Он как методологический принцип предполагает не только рассмотрение, анализ существующих систем, но и создание или конструирование, синтез систем для достижения определенных, выдвинутых жизнью целей. Эта двойственность системного подхода отражает реальное положение дел и тесную связь анализа как метода познания. Сущность системного подхода, как метода познания, раскрывается с помощью принципа внутренней организации. Кроме того, системный подход предполагает понимание связей, отношений, взаимодействий. Он задает основание для исследования специфики деятельности как сложноорганизованного объекта, специфической формы социального бытия. Кроме того, системный подход представляет собой определенный этап в развитии методов познания, методов исследования, способов объяснения анализируемых или искусственно создаваемых предметов, объектов.

Методология системного анализа предполагает институциональный подход в изучаемом объекте не только элементов, но и тех системно образующих характеристик, которые определяют внутреннюю природу и качественное своеобразие форм образования, в частности, их построения и структурирования.

Следует отметить, что исследование проблемы связано с институционализацией социализирующей деятельности, которая обладает особой характеристикой социальной системы, находится в одном ряду со всеми составляющими элементами структуры образования. Особое место в ней занимает интегрированное качество. Оно задается общественным субъектом, который имеет двойственную природу: с одной стороны, это объект, с другой – субъект социализации, который также подвержен институциональному анализу. На этапе разработки институционализации такой подход к исследованию объекта вполне допустим. В то же время разные типы взаимосвязей и взаимодействий социальных структур, к которым относится образование, являются объектом исследования не только других наук, но и социальной философии [4; 7]. На этапе разработки институционализации такой подход к исследованию объекта вполне допустим.

В настоящее время сложилось представление о современном технологическом подходе как целенаправленном, систематическом и последовательном воплощении на практике заранее спланированного социального процесса. Между тем в научной мысли

известен подход, направленный на более четкое определение социальной технологии.

В истории социологии технологический подход имеет давнюю традицию. Достаточно указать на то, что еще в «Капитале» К. Маркс обращает внимание на необходимость разработки проблем социальной технологии. К. Маркс понимал ее «как непосредственный процесс производства жизни человека и его духовных представлений» [12].

Анализ зарубежных и отечественных исследований показал, что технологические знания стали развиваться с начала XX века в рамках теории управления общественными процессами.

Социологическая концепция обращает внимание на научно-обоснованные технологические знания, которые представляют собой решающий фактор, однозначно определяющий все стороны общественной жизни, характер и направление социального развития.

Технологический подход предусматривает установление определенных целесообразных взаимодействий между вещами, предметами и формами деятельности. Кроме того, разнообразие форм образовательной деятельности обусловлено адаптивными возможностями объекта (индивида), а они не просто различны: личность каждого индивида уникальна. Его средствами осуществляется переход от анализа функционирования элементов и систем к конструированию процессов, их регуляции, управления. В каждой сфере общественной жизни есть свои социальные технологии, и от того, как они действуют, зависит уровень материального и духовного благосостояния, культуры человека. Он имеет цепь процедур по воспроизводству образовательных структур, рассматриваемых, в свою очередь, как модели человеческих сил и действий. Это вовсе не исключает возможности представления образовательной ситуации как модели человеческих сил и действий. В этом плане их отличает динамичная направленность. Технология образования регулирует формы предметной деятельности, интегрируется в них.

Технологические вопросы о знании социализирующей деятельности могут быть до известной степени противопоставлены экзистенциальным вопросам, то есть вопросам о том, как существует знание, каково оно есть. К вопросам последнего типа относятся, например, вопросы о соотношении знания с мнением о структуре знания и его видах, об онтологии знания социализирующей деятельности человека, о том, как происходит познание.

До второй половины XX века экзистенциальный подход в исследовании знания был преобладающим. Это не означает, что не развивалась сама технология получения, передачи, хранения и обработки знания, а также оценки результатов познания, претендующих на статус знания. Достаточно вспомнить о развитии образования и технике передачи информации о знании, методах обучения в педагогических исследованиях,

посвященных технике передачи знаний и воспитанию способности к самостоятельному приобретению и использованию знаний, развитию методов науки и исследований этих методов. Однако даже когда эти способы работы со знанием становились предметом исследования, их соотносили не столько со знанием как особого рода сущностью, сколько с познаваемой реальностью (которая могла истолковываться как физическая, ментальная или психическая в зависимости от мировоззрения исследователя). Многие из этих рассмотрений могут быть после определенных интерпретаций квалифицированы как технологические, но это все же будет относиться скорее к результату новой интерпретации, чем к самому исследованию.

Нам представляется, что возможен и иной подход – социализирующий. Сущность его заключается в процессе социализация, под которым следует понимать социальное воспроизводство общественного субъекта в структуре образования.

Особо хотелось бы отметить, что в социологии менее всего изучен социализирующий подход. Сущность его заключается в процессе социализация, под которым следует понимать «социальное воспроизводство общественного субъекта». Этому вопросу ученые не достаточно уделяли должного внимания.

Социология ставит задачу дать более глубокий методологический анализ понятию «социализация» как «*функциональной предпосылки* для каждого общества», необходимой для «любой социальной жизни» [6]. При этом исходным пунктом, о чем бы мы ни вели речь – о деятельности, процессе, является анализ литературы по исследуемому вопросу, который установил, что понятие «социализирующая деятельность недостаточно изучено в социологии, что же касается осмысления существа предмета, то оно требует специального методологического и социокультурного исследования.

С другой стороны, социализация представляет собой понятие «для культурного и *социального воспроизводства* и общих, и частных социальных форм» [6].

Известно, что в общественных науках этимология связана с анализом происхождения слов и характеристикой их смысловых отношений. Это задает основание для исследования научных основ социализирующей деятельности. Ее следует изучать во взаимосвязи с другими понятиями. В нашем случае – с термином «социализация». Задача дать более глубокий методологический анализ данного понятия. При этом исходным пунктом, о чем бы мы ни вели речь – о человеческом бытии, деятельности, процессе, является анализ литературы по исследуемому вопросу, который установил, что понятие «социализирующая деятельность» недостаточно изучено в социологии, что же касается философского осмысления существа предмета, то оно требует специального методологического исследования.

С третьей – социализация представляет собой процесс, влияющий на формы человеческой деятельности. Данное воздействие осуществляется посредством социальной активности людей, усвоения социальных форм бытия и деятельности с целью достижения

определенного результата (позитивного или негативного).

Сама идея социализации как «подключение» индивида к стандартам человеческой деятельности становится все более состоятельной, как процесс, в ходе которого культура общества передается индивиду в соответствии с требованиями социальной жизни, становится все более состоятельной.

В социальном обществе есть необходимые условия для социализации. Первым ее условием является человеческая деятельность, представляющая собой социальную активность, социальную значимость, взаимодействие объектов-вещей. Она возможна в обществе, его социальных структурах, одной из которой является образование, его формах человеческой деятельности. Вторым – включение индивида, человека в конкретную схему деятельности, поскольку на этой основе и развивается их социальная активность. Третьим условием социализации является вопрос о процессе воспроизводства человеческого индивида, его социализации.

Помимо условий имеется ряд общезначимых аспектов:

– социальный аспект. Социализация может быть построена на социальных отношениях человека и других людей, в которых человек – ведущая сторона деятельности, а объекты-вещи – ведомая сторона. Связи между ними крепятся на обилии форм человеческой деятельности;

– гносеологический аспект. Социализация есть самобытность человеческого бытия, направленная на событие;

– прикладной аспект. Социализация, направленная на профессиональную деятельность.

Вышеназванные положения служат ориентирами в процессе профессиональной социализации. К числу общих закономерностей следует отнести объективную и субъективную стороны процесса социализации специалиста; социализирующее взаимодействие преподавателя и студента, который порождает учебный процесс и учебную деятельность; структурная целостность и взаимообусловленность содержания учебной деятельности и методов обучения; неизбежность перехода объекта в субъект социализирующей деятельности; технологический характер учебной деятельности и ее стохастическая природа; непосредственная зависимость результатов социализации от содержания и способа функционирования учебной деятельности.

Результаты проведенного исследования позволили сделать следующий вывод: подключение индивида к формам человеческой деятельности становится все более состоятельной. Более важным оказывается социальная активность человека не подчиняться схемам деятельности, а рассматривать, моделировать их как набор своего личностного бытия и развития, а также самореализации как отдельного индивида, так и людей.

Прогнозируя дальнейшее развитие социализирующей деятельности, следует не

просто описать, но и дать диагноз, включающий выявление и анализ проблемных и стабильных ситуаций. Кроме того, можно предположить, что наличие проблем, напряженность в деятельности зависят от согласованности состояний побудительных, организационных, адаптивных, коммуникативных механизмов. Наиболее существенный шаг в прогнозировании состоит в поиске факторов разрешения проблемных ситуаций, противоречий развития и функционирования объекта, в построении прогнозных (идеальных) моделей. Порой прогнозирование представляется как некая последовательная экстраполяция состояний, тенденций объекта. Это не совсем так. Следует учесть, что любое социальное явление чрезвычайно сложно и, по существу, обладает бесчисленными вариантами последующего развития. Поэтому прежде чем экстраполировать состояние, исследователю нужны предварительные исходные ориентиры. В качестве таковых в методологии социального прогнозирования вводятся цели развития объекта. Прогнозирование сопровождается типологией и построением дерева целей, связанных с общественным развитием. Задача социологии состоит в том, чтобы предвидеть особенности включения человека в различные формы деятельности вообще, социализирующей, в частности, осуществлять процесс воспроизводства общественного человека, его социализацию.

Основная процедура прогнозирования – это анализ проективных ситуаций под действием вводимых факторов, выявление последствий действия таких факторов, их оценка. Наиболее динамичным фактором в ходе современного общественного развития является внедрение новых и свертывание старых технологий. К его действию сама система образования и формы ее деятельности должны быть особенно чувствительны.

Таким образом, исследовать социализирующую деятельность в образовании можно с помощью ряда подходов, которые позволят описать, объяснить и изучить данное явление теоретически путем приращения нового знания в современном научном познании.

Литература

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурный словарь). – М., 1991.
2. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. – Новосибирск, 1997. – Т. 1.
3. Вебер М. Избранное. Образ общества. – М., 1994.
4. Гегель. Соч. – М.: Соцэкгиз, 1956. – Т. 4. – С. 264.
5. Давыдов Ю. Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. – М., 1977. – С. 6–18.
6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М., 1981. – С. 221.

7. История теоретической социологии. Т. 2. Социология XIX века. (Профессионализация социального научного знания). – М., 1997.
8. Кильберг-Шахзадова Н. В. Со-деятельность в образовании: Теоретико-методологический анализ. Монография. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2001. – С. 70–71.
9. Крапивенский С. Э. Социокультурная детерминанта исторического процесса // Общественные науки и современность. – 1997. – №4.
10. Крапивенский С.Э. Социальная философия: Учебник для студентов вузов. – М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 1998.
11. Кругова Т. Г., Фофанов В. П. «Созвездие знаний» как феномен культуры: к разработке методологии гуманитарных исследований // Социокультурные исследования. 1997. – Новосибирск, 1997. – С. 225-227.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 23. – С. 383.
13. Социология / Под ред. В. И. Курбатова. – Ростов н/Д, 1998. – С. 77.
14. Степан В. С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
15. Филатов В.П. Научное сообщество // Современная западная философия. Словарь. – М., 1990. – С. 183.
16. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – 5-е изд. М.: Политиздат, 1987. – С. 429.
17. Хамитов Н. В. Философия человека: от метафизики к метаантропологии – М.: Изд. Ника-Центр, 2002. – С. 119.

УДК 316

**ФИЛОСОФИЯ АДАПТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
PHILOSOPHY OF ADAPTIVE MANAGEMENT**

К.Б. Сафонов (г. Новомосковск), кандидат философских наук, преподаватель Новомосковский институт (филиал) Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева.

k_b_s_k_b@list.ru

K. Safonov (Novomoskovsk), candidate of philosophy, lecturer Novomoskovsk Institute (branch) of Russian D.I.Mendeleyev University of Chemistry and Technology.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению логики и философии современного адаптивного управления. Содержащиеся в ней положения позволяют судить о сущности управления как социального процесса.

Annotation. The article is devoted to the consideration of logics and philosophy of adaptive management. The theses included in it can be treated as a way of judging the essence of adaptive management as a social process.

Ключевые слова: адаптивное управление, общество, организация, социальное развитие.

Keywords: adaptive management, society, organization, social development.

Наш мир постоянно изменяется. Происходящие изменения затрагивают все без исключения стороны жизни общества. Для каждого из нас важно, чтобы они носили поступательный характер, были созидательными, а не разрушающими. Движение от старого к чему-то новому, более совершенному есть важнейшая особенность любой развивающейся системы, к числу которых мы можем отнести и отдельную организацию, и человеческое общество в целом. Перемены должны носить всеобъемлющий характер, быть переменами не ради перемен, а ради оптимизации существующих связей и установления новых, обновления организационного механизма. Изменения не могут быть пущены на самотек, они должны проходить под неусыпным контролем субъекта управления, всех членов организационной или социальной системы. Контроль происходящих изменений и управление ими – важнейшая функция менеджера любого уровня, стоящая перед ним первоочередная задача.

Организации управления, при котором будет сохранено устойчивое положение социальной или хозяйственной системы и обеспечено ее поступательное развитие, должен способствовать адаптивный менеджмент – «организация и управление процессами

адаптации в меняющихся условиях функционирования системы» [1, с. 98]. Конечно, адаптивный менеджмент нельзя рассматривать как панацею от всех бед. Воплощение в жизнь его положений также не может ни в коем случае становиться самоцелью. Концепции адаптивного менеджмента должны органично соединяться со сложившейся в организации системой управления, не вступать в противоречие с существующими ценностями и нормами организационного поведения. Иными словами, необходимость устойчивого развития должна быть понята и принята организацией, а не привнесена извне. Осознание важности постепенных изменений является залогом их успеха, полезности предпринимаемых шагов по обновлению системы внутриорганизационного взаимодействия, связей организации с внешней средой.

Процесс развития должен происходить в соответствии с заранее разработанным и принятым всеми звеньями социально-экономической системы планом. Недопустимым является сценарий, при котором личные интересы какого-либо члена организации противопоставляются интересам всей организации. Но не менее важным является и исключение всяческого принуждения к действию в соответствии с общими целями и задачами. Так, А.М. Смолкин указывает, что «найти механизм, который приводил бы цели-ориентации отдельных элементов системы в соответствие с целями системы, и обеспечить на этой основе успешное достижение целей-заданий – одна из задач управления» [1, с. 108]. Следовательно, любой субъект управления должен подходить к своей деятельности предельно взвешенно, непрерывно соизмеряя новые горизонты, к которым устремляется система, с ее реальными возможностями. Важно учесть интересы всех сторон, задействованных в деятельности объекта управления, не лишить их защиты общества, иначе отдельные элементы системы могут быть отброшены в своем развитии на несколько этапов назад, что, в конечном итоге, приведет к деградации системы в целом.

С каждым годом проблемы адаптивного управления приобретают все большую важность. В обществе нарастает осознание понимания необходимости участия в ходе хозяйственных процессов, выборе их траектории, формулировании конечных целей и промежуточных задач. Это обусловлено, прежде всего, характером самой рыночной экономики. Внимание должно быть сосредоточено на том, что хозяйственная деятельность направлена на полное удовлетворение потребностей социума, обеспечение его всестороннего и поступательного развития. Конечно, общество содержит в себе уникальные и ценные ресурсы для развития бизнеса, но нельзя забывать их основное качество – неповторимость. Любой человек представляет собой не просто часть целого, он и есть то целое, без которого общество станет неполным. Мы не можем смириться с потерей хотя бы одной человеческой жизни, с ухудшением положения хотя бы одного члена социума. Именно поэтому можно с уверенностью сказать, что человек, его индивидуальность и неповторимость есть одновременно отправная точка и высшая цель всех процессов, происходящих в обществе.

Долгие годы в науке и практике социальное отделялось от хозяйственного. Управление общественным производством и хозяйственными механизмами считалось сферой интересов значительного числа фундаментальных и прикладных наук – от политической экономии и статистики до кибернетики и математического моделирования. Среди них, к сожалению, практически никогда не находилось места социологии управления и социальной философии, культурологии и этике – общественным наукам, список которых можно было бы продолжить. Это являлось следствием мнения о способности рыночных процессов развиваться автономно, следуя по определенной траектории, в формировании которой нет необходимости учитывать запросы общества и его актуальные потребности, встающие перед ним проблемы и открывающиеся перспективы. Все это отодвигалось на задний план, а на переднем находились нужды экономики. Закономерным следствием подобного многолетнего развития событий стало снижение социальной эффективности хозяйственного процесса, его отрыв от нужд общества и, в конечном итоге, возникновение кризисных явлений в национальных экономиках и мировом хозяйстве. Конечно, регулятивный потенциал рынка очень велик, но, тем не менее, даже он не может справиться с периодически возникающими значительными перекосами, которые проявляются в том, что «разница между коэффициентом умственного развития людей гораздо меньше, чем разница между их доходами и богатством» [2, с. 189]. Таким образом, современная рыночная экономика и свободная конкуренция могут дать лишь общий набросок социальной справедливости, черновой вариант стабильного и устойчивого миропорядка, когда каждый будет оценен по заслугам и когда потенциал любого члена общества будет реализован по максимуму. Основные же действия в этом случае должны быть предприняты в социальной сфере. А взаимодействие общества с некоммерческими и государственными структурами внесет ясность в ход хозяйственных процессов и предоставит каждому из нас возможность развиваться, преобразуя окружающую действительность и преобразаясь вместе с ней.

Менеджмент представляет собой уникальную научную область, в рамках которой теория не может рассматриваться в отрыве от практики. Нельзя исследовать управление, не будучи вовлеченным в управленческий процесс. Между исследователем организационной системы и самой системой должна существовать хорошо отлаженная обратная связь, посредством которой можно будет получать информацию о достижении тех или иных целей, необходимости внесения коррективов или даже смены модели управления, ее полной переориентации. Менеджер должен отождествлять себя с управляемой системой, ощущать себя ее частью. И это не удивительно, ведь в абсолютном большинстве случаев объектом управленческого воздействия является общество. Конечно, можно возразить, что в производственных системах осуществляется менеджмент затрат и себестоимости единицы продукции. На первый взгляд, это справедливо. Но если провести более глубокий анализ, если вникнуть в суть процесса

производства, его организации и функционирования, то выяснится, что за сухими цифрами валового выпуска и затрат на партию конечного продукта стоят люди. Причем люди находятся по обе стороны производственной цепочки. Они вовлечены в нее, являются ее неотъемлемой частью. Любое, даже самое автоматизированное производство, без участия человека, без его организующего воздействия останется лишь нагромождением машин и агрегатов, попусту занимающих помещения цехов. Степень вовлеченности людей в производственный процесс может варьироваться в зависимости от особенностей конкретной технологии. Сущность концепции адаптивного менеджмента производственных систем, в значительной мере, заключается в одновременном развитии организации и составляющих ее людей. Таким образом, успешное управление невозможно без учета целого ряда социальных факторов, без осознания производственных взаимоотношений как неотъемлемой части социального взаимодействия.

Адаптивное управление – сложный процесс, в основе которого лежит взаимодействие субъекта и объекта управления, тесно взаимосвязанных и оказывающих друг на друга воздействие. Под его влиянием меняется система выстроенных связей, происходят решающие перемены во всех элементах, вовлеченных в управленческое взаимодействие. Особенностью адаптивного управления является влияние процесса и результата развития организации не только на нее саму, но и на общество в целом, на существующие в нем системы социальных ценностей, норм и взаимосвязей. Изменение базиса приводит к изменению его формального воплощения, а управленческий цикл переходит на новый уровень, на котором все его этапы повторяются в изменившихся условиях.

Литература

1. Смолкин А.М. Менеджмент: основы организации. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 248 с.
2. Туроу Л. Будущее капитализма. Как экономика сегодняшнего дня формирует мир завтрашний // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. Иноземцева В.Л. – М.: Akademia, 1999. – С. 185-222.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
HISTORICALSCIENCE

УДК 94(47).08

ОТРАЖЕНИЕ ЖИЗНИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ЭТНОСА ПРИКАМЬЯ В РАБОТЕ В.Ф. КУДРЯВЦЕВА «СТАРИНА, ПАМЯТНИКИ, ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ ПРИКАМСКОГО КРАЯ»

REFLECTION OF LIFE OF THE MULTINATIONAL ETHNOS OF THE KAMA REGION IN THE WORK OF V.F. KUDRYAVTSEV «OLD TIMES, MONUMENTS, TRADITIONS AND LEGENDS OF PRIKAMSKY REGION»

И.В. Корнилова, кандидат исторических наук, доцент, г. Набережные Челны, Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов.

ivkornilova@list.ru

I.V. Kornilova, the candidate of historical sciences, the senior lecturer, Naberezhnye Chelny, Naberezhnye Chelny Institute of social and pedagogical technologies and resources.

В статье анализируются облик, быт и традиции коренных жителей Прикамья, представленные в историческом очерке В.Ф. Кудрявцева «Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края» (1897-1905). В работе прослеживаются интересы и взгляды историка в области этнографии.

In the article the appearance, way of life and traditions of the indigenous residents of Perm, presented in the historic essay V.F. Kudryavtsev «Old man, monuments, traditions and legends of Prikamsky region» (1897-1905) is analyzed. This work follows the interests and views of the historian in the field of Ethnography.

Ключевые слова: В.Ф. Кудрявцев, Прикамский край, этнография, старина, предания, легенды, вотяки, быт, нравы.

Keywords: V.F. Kudryavtsev, Prikamsky region, Ethnography, old times, legends, legends, вотяки, way of life, morals.

В последние годы в отечественной исторической науке пристальное внимание уделяется творческому наследию исследователей русской провинции XIX столетия, деятельность которых была направлена на изучение этнографических особенностей народностей, издревле населявших территорию Российской империи. В 1890-е гг., когда особенно остро ощущался недостаток исторических научных трудов, доступных массовому читателю, были опубликованы исторические очерки «Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края» В.Ф. Кудрявцева (1843-1910), члена-сотрудника Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и

этнографии при императорском Московском университете, действительного члена Вятского губернского статистического комитета.

Общение с местным населением, наблюдение за его бытом, традициями и внешним обликом, позволили В.Ф. Кудрявцеву собрать интересные и любопытные сведения о людях отдаленных эпох и о каждодневной жизни того времени, которые были включены в исторические очерки «Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края», опубликованные четырьмя выпусками в 1897-1905 гг. в Вятке [9-12]. Первичными источниками представлений о прошлом являлись не только труды ученых историков, но и произведения художественной литературы и искусства, а также фольклорные материалы.

Вятская губерния, как и большинство областей обширной Российской империи, не представляла собой этнографически цельного региона. Существенным своеобразием края являлся его многонациональный состав, обусловленный тесным переплетением представителей разных народностей – русских, татар, чувашей, вотяков, марийцев, бессермян, тептерей и др.

В очерках В.Ф. Кудрявцев обратился как к осмыслению отдаленного прошлого края, так и современному автору быта народов Прикамья. К концу XIX столетия расширились этнографические знания, стала доступной источниковедческая база конкретных проблем, что облегчило возможность делать более смелые выводы даже по ряду спорных вопросов.

Работу «Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края» В.Ф. Кудрявцев начал с описания коренных жителей Прикамья – чуди белоглазой, из которой позже «образовались отдельные народности, известные под именем зырян (древняя печора), пермяков (биармийцы), вотяков, черемис, башкир и проч.» [9, С. 3]. Происхождение чуди неясно. Известно, что это был высокоразвитый народ, хорошие воины. Ее верования поначалу были своеобразны, лишь в поздний период часть чуди крестилась в христианскую веру. Чудские богатыри жили в особых крепостях, расположенных на высоких приречных холмах. Сохранившийся памятник старины Прикамья, Елабужское («Чертово») городище, датированное IX-X вв., было одним из наиболее выдающихся мест проживания чуди. Не случайно поэтому, что рассказы об этом народе в большей степени распространены в Прикамье. Предания указывают конкретные места, где проживала чужь, описывают их внешность, обычаи, язык. В.Ф. Кудрявцев писал, что некоторые курганы – места захоронения чуди белоглазой, которая испугавшись русских, «сама в землю ушла», «живьем закапалась» [11, С. 20]. «Следами» чуди (реально относимым к разным этническим группам и разным историческим периодам – от неолита до средневековья) могут считаться – курганы и городища; насыпи и ямы; остатки строений, пашни, сенокоса; рощи, почитавшиеся священными; архаические предметы домашнего обихода; древние захоронения [15]. В.В. Низов, вятский историк, этнограф, подтверждает, что накануне массовой славянской колонизации бассейны Вятки и Камы

населяли чудь и вотяки [13, С. 74]. Причем профессор А.А. Спицын, археолог, член Вятского статкомитета, считал вотяков племенем не менее древним, нежели племя «ушедшего в землю народа», известного под названием чудь.

В историческое повествование о коренных жителях Прикамья вплетены этнографические сведения о вотяках. Очерк о культуре и быте вотяков, живших бок о бок с русским населением на территории Елабужского уезда Вятской губернии, занимает заметное место в работе. По многочисленным народным легендам и сказаниям, сохранившимся в Прикамском крае, отчетливо прослеживается тесное переплетение фольклорных традиций русских и вотяков. Следует напомнить, что в дореволюционной России удмуртский народ называли вотяками. В.Ф. Кудрявцев описал антропологический тип и характеры, занятия и быт, традиции и верования вотяков для воссоздания общей исторической картины развития Прикамского края. Причем, В.Ф. Кудрявцев выступил не как исследователь устной традиции этого народа, а как ученый, который строил свои умозаключения, основываясь на известных в научных кругах сообщениях исследователей, опубликованных в «Известиях географического общества», «Известиях Казанского общества археологии, истории и этнографии», журнале «Русское богатство», «Вятских губернских ведомостях» и «Вятских епархиальных ведомостях».

Описывая внешний вид вотяков, В.Ф. Кудрявцев заметил, что «по наружности вотяки, с первого взгляда, мало отличаются от русских. Только всмотревшись внимательнее, можно заметить отличие их от русских. У них нет, например, того разнообразия в лицах, какое замечается у русских: все вотяки похожи друг на друга и большею частью блондины. Общий их тип определяется так: небольшой рост, скуластая физиономия, узкий разрез глаз, большой рот и приподнятый, с широкими ноздрями, нос; лоб их несколько сплюснут назад. По их слабой мускулатуре русские зовут их сухопарыми и тонконогими. Вотяки вялы и неповоротливы и по темпераменту принадлежат более к флегматикам; большой физической силой они не обладают» [11, С. 37]. Хотя не внешние данные В.Ф. Кудрявцев ставил на первое место при определении специфических черт народа, а прежде всего, его духовность.

Ссылаясь на историков (Г.Ф. Миллер, И.Ф. Эрдман), исследовавших быт вотяков, и наделивших их преимущественно негативными качествами (глупость, нелюдимость, скупость), В.Ф. Кудрявцев отметил изменения, произошедшие в их быту за последнее столетие (XIX век – И.К.): «Они, например, бросили дикий обычай сухой беды, прилепились, вместо охоты, к сельскому хозяйству. В полеводстве и пчеловодстве вотяки приобрели большую опытность. Самый характер их мрачный и угрюмый, под влиянием русских, смягчился: они смотрят веселее и делаются общительнее... Но способности вотяков, ограниченные от природы, остались заметно таковыми же, какими определил их Миллер... Они до сих пор не имеют календарного представления о числах и месяцах и в чествовании своих языческих праздников стараются подойти или к русским, или

магометанским праздникам. Относительно духовного развития они и теперь в общем стоят еще на степени полудикарей. К такому взгляду приводят как сообщенные о них фактические наблюдения, так и самая их изустная словесность» [11, С. 38-39].

Рассуждая о религиозно-обрядовой жизни вотяков, В.Ф. Кудрявцев констатировал, что религией вотяков по-прежнему было язычество, хотя некоторые из них формально приняли православную веру, оставшись по существу язычниками, или полуязычниками, сохранив многие предрассудки, обычаи, суеверия и обряды языческого культа. Священник Н.Н. Блинов, этнограф, краевед, педагог и просветитель, на X съезде естествоиспытателей и врачей, проходившем в Киеве 21-30 декабря 1898 г., выступил с докладом «Языческий культ вотяков» [2], отметив, что этнографам до сих пор неизвестно, кто у вотяков признается за высшее божество. Более того, он даже высказал предположение, что религией вотяков является буддизм. В.Ф. Кудрявцев, отметил это словесное утверждение, не подтвержденное доказательствами, ссылаясь на авторитетное мнение рецензента на доклад Н.Н. Блинова, опубликованный в журнале «Русское богатство» (1898. – № 10). Необходимо заметить, что сам Н.Н. Блинов, анализируя работы предшественников о вотяках, считал, что «голословные порицания...<есть> взгляд неправильный и вредный» [1, С. 7]. В религиозной культуре удмуртов существовало смешанное понимание о предметах духовного мира, которое привело к своеобразному почитанию духов и богов. Обусловлено это было культурной и языковой зависимостью удмуртов от проживавших с ними русскими и татарами.

В.Ф. Кудрявцев, в отличие от историков, изучавших быт вотяков на основе их верований и воззрений, считал, что вотяков как народ, может обрисовать их народная словесность. Изучив образцы изустной словесности вотяков, приведенные этнографами Б.Г. Гавриловым [5], В.С. Кошурниковым [8], Н.Г. Первухиным [14] и Г.Е. Верещагиным [3], он пришел к интересным выводам. Песни вотяков крайне скудны содержанием, «предметом песнопения служат не глубокие чувства, возвышающие непосредственным их выражением дух человека, а самая обычная проза из их серенькой будничной жизни. Например, такая песня: «Ездил я, сватушка, за сеном лошадь кормить; если ее не кормить, она падет и мне жаль ее будет». Для дополнения или вернее растяжимости этой песни присоединяются два вопроса, обращенных видимо к прохожему: куда он ходил и где спал-ночевал» [11, С. 44]. Сказки вотяков также лишены живости воображения. Для подтверждения своих умозаключений он привел отзыв Г.Е. Верещагина, сделанный в предисловии к изданию «Образцов произведений изустной словесности вотяков»: «Сказки их необыкновенно бедны фантазией, страдают растянутостью, отсутствием законченности и последовательности в рассказе, который не выдерживает темы, перескакивает с одной на другую и заканчивается совершенно неожиданно и произвольно, не приходя ни к какой развязке» [4, С. 31]. У вотяков нет побасенок, передающих в аллегорической форме какую-нибудь житейскую истину; пословиц, передающих в форме

сжатых и замысловатых изречений практическую философию народа; загадки по своим признакам почти не отвечают отгадке.

Вместо уникального, загадочного жанра народного искусства – пословиц – вотяки пользуются приметам, которые у них называются эскеронами. По содержанию эскероны распадаются на два разряда, первый составляют действительные наблюдения над природой, второй – составляют собственно поверья.

Особую ценность, по мнению В.Ф. Кудрявцева, имеют легенды и сказания вотяков, носящие языческий характер. Так, по одной из легенд «Инмар режет у сотворенного человека палец, чтобы создать из него животных. А это значит, в крови животных есть частица и человеческого тела. Все заимствованные от христиан сказания лишены смысла и внутреннего значения» [11, С. 47].

Более любопытны, по мнению В.Ф. Кудрявцева, сказания вотских мужиков, в которых заметны следы «седой старины». В.Ф. Кудрявцев, критически осмыслив приведенные Г.Е. Верещагиным в «Памятных книжках Вятской губернии» разнообразные примеры сказаний и вотских заклятий на них, отметил, что Г.Е. Верещагин не обратил внимания на важную для этнографа сторону – ритуал заклятия клада: «А что таковой имеется, об этом можно догадываться из того, что зарытие клада и заклятие совершаются не одновременно, ибо тогда нечего было бы исполнять заклятие, а взять положенные деньги и баста. Но видимо заклятие составляет уже второй акт, следующий после зарывания клада чрез известный промежуток времени. Это заклятие, как особого рода моление, произносится в лесу, и притом настолько громко, что его можно бывает слышать и другим» [11, С. 49].

Автор очерков обратил внимание, прежде всего на то, как простой народ смотрит на многочисленные курганы и могильники, сохранившиеся на территории Прикамья. В отличие от Северных (Вологодской, Архангельской) и Сибирских губерний, в Прикамском крае курганы не наводят страха на местное население, а считаются местом хранения зарытых в них кладов. С понятием о кладе соединяется особое воззрение на него, поэтому клады интересны В.Ф. Кудрявцеву в большей степени с этнографической точки зрения. Он считал, что проследить отношение народа к кладам можно по легендам, которые есть практически в каждом селении Вятской губернии и связаны с народными поверьями, нечистой силой. В.Ф. Кудрявцев предположил, что среди всех народов, населяющих многонациональный Прикамский край, веровали в силу заклятий преимущественно вотяки, которые являлись древними жителями Прикамского края, жившими еще до прихода русского населения.

В.Ф. Кудрявцев акцентировал внимание на характере налагаемых на клады заклятий, соединенных с тяжкими преступлениями, попирающими нравственность народа. Причем многие суеверия стали традиционными для русского народа, передающимися из века в век.

Несмотря на изданные к этому времени работы Н.Н. Блинова, опровергающего мнение авторов публикаций о преимущественно негативных качествах вотяков, считающего, что о них на сказано очень много недоброго» [1, С. 5], В.Ф. Кудрявцев пришел к выводу о скудости внутренней и особенно интеллектуальной жизни вотяков. «Видимо природа не ущедрила вотяков своими дарами: у них нет не только талантов, но и дарований такого рода, которые указывали бы на их самобытность. В произведениях их ума и воображения ровно нет никакой оригинальности, и замечается полное отсутствие тех или других идеалов. Их произведения – не плоды даже фантазии, присутствие которой замечается и у младенчествующих народов, у которых она находит и сама по себе удобную форму для выражения, будет ли это эпос или лирика. Можно думать, что вотяки пробавляются одною еще прозябательною жизнью; в их внутреннем мире нет еще того, что просилось бы наружу, желало бы высказаться. Воображение их, питаемое языческое религию, скорее болезненно. Заметно также, что вотяки в современном их состоянии лишены и чувства эстетического. В их произведениях не встречается хотя бы отрывочного упоминания красот природы; нет также и намека на любовь к природе» [11, С. 49-50].

В.Ф. Кудрявцев не ограничился только перечислением отрицательных качеств вотяков. Исходя из своих собственных наблюдений, он отметил ряд похвальных достоинств этого народа. Среди них – трудолюбие, бережливость, домовитость, гостеприимство и самое лучшее качество, на взгляд В.Ф. Кудрявцева – это их беспримерная любовь к детям. Сравнивая вотяков с русскими, он отметил грубость и деспотичность отцов по отношению к детям, заметив, однако, что в Прикамье он видел примеры отцовской нежности. Смеем предположить, что он имел в виду и своего отца.

Как педагог и просветитель, В.Ф. Кудрявцев, заключил, что вотяки способны к умственному развитию и нравственному совершенствованию, согласившись с высказыванием Н.М. Ядринцева о том, что «развернувшиеся способности инородцев могут проявиться когда-нибудь шире и богаче, внося свои вклады в общую сокровищницу знания и общечеловеческой цивилизации» [16, С. 97].

Таким образом, Василий Филиппович был в числе тех исследователей русской провинции, которые стремились найти и выделить в местной жизни неповторимые, только ей присущие черты и особенности, накапливая, таким образом, банк конкретных этнографических данных по Вятскому региону. История Прикамья теснейшим образом связана с этнографическими сюжетами, которыми В.Ф. Кудрявцев так самозабвенно занимался [6-7]. В условиях многонациональной Российской империи В.Ф. Кудрявцев учитывал культурно-исторические особенности Волго-Камья, в рамках которого особую значимость приобрело изучение различных групп этносов Прикамского региона.

Литература

1. Блинов Н.Н. Инородцы северо-восточной части Глазовского уезда (Дополнение к статьям о Карсовайском приходе) // Вятские губернские ведомости. – 1865. – № 61. – С. 5-7.
2. Блинов Н.Н. Языческий культ вотяков. – Вятка, 1898. – 103 с.
3. Верещагин Г.Е. Вотяки Сосновского края // Записки Императорского Русского географического общества. – СПб., 1886. – Т. XIV. – Вып. 2. – 218 с.
4. Верещагин Г. Образцы произведений изустной словесности вотяков // Памятная книжка Вятской губернии за 1897 год. – Вятка: Издание статистического комитета, 1898. – С. 38-85.
5. Гаврилов Б.Г. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и вятской губерний. – Казань, 1880. – 190 с.
6. Корнилова И.В. Василий Филиппович Кудрявцев: Этнограф и просветитель // Россия и современный мир. – 2009. – № 2 (63). – С. 212-221.
7. Корнилова И.В. Русская провинция XIX века в ранних работах В.Ф. Кудрявцева // Вопросы истории. – 2011. – № 10. – С. 149-156.
8. Кошурников В. Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии: Этнографический очерк. – Казань: Типография Императорского университета, 1880. – 44 с.
9. Кудрявцев В.Ф. Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края: Очерк: В 4 вып. – Вятка: Губернская типография, 1897. – Вып. 1. – 81 с.
10. Кудрявцев В.Ф. Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края: Очерк: В 4 вып. – Вятка: Губернская типография, 1898. – Вып. 2. – 122 с.
11. Кудрявцев В.Ф. Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края: Очерк: В 4 вып. – Вятка: Губернская типография, 1901. – Вып. 3. – VIII, 52 с.
12. Кудрявцев В.Ф. Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края: Очерк: В 4 вып. – Вятка: Губернская типография, 1905. – Вып. 4. – IV, 120 с.
13. Низов В.В. Проблемы этнокультурной истории вятских народов в эпоху средневековья // Энциклопедия земли Вятской: В 10 т. – Киров, 1998. – Т. 8. Этнография, фольклор. – С. 70-101.
14. Первухин Н.Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз I-й. Древняя религия вотяков по ее следам в современных преданиях. – Вятка, 1888. – 104 с.
15. Устинов Б.Г. Чудь и Вятка // Самиздат. – 2011. – 31 мая // http://samlib.ru/u/ustinow_b_g/vrk6.shtml.
16. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. – СПб., 1891. – 308 с.

УДК 94(470)

**ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В
РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
FOREIGN PRISONERS OF WAR IN THE SOVIET UNION IN THE
RUSSIAN AND FOREIGN HISTORIOGRAPHY**

И.Т. Сабиров, кандидат исторических наук, доцент, г. Елабуга, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета

isabirov@bk.ru

I.T. Sabirov, the candidate of historical sciences, the senior lecturer, Yelabuga, Yelabuga Institute of Kazan (Volga) Federal University

Представлен историографический обзор основных направлений жизни иностранных военнопленных в Советском Союзе.

Submitted historiographical overview of the main directions of life of the foreign prisoners of war in the Soviet Union.

Ключевые слова: иностранные военнопленные, репатриация, архивные документы, мемуары, Великая Отечественная война.

Key words: foreign prisoners of war, repatriation, archive documents, memoirs, the Great Patriotic war.

Изучение событий Великой Отечественной войны на современном этапе развития российского общества является одним из приоритетных направлений в рамках патриотического воспитания населения. Ни одно из глобальных военных столкновений по своим последствиям и людским потерям не может сравниться с событиями, происходившими в мире в период с 1939 по 1945 гг. Победа СССР и союзников по антигитлеровской коалиции стала основой для формирования менталитета советского народа, как народа победителя, распространившегося на несколько поколений вперед.

Раскрытие содержания и значимости событий Второй мировой войны приобретают принципиальное значение для освещения особенностей советской истории как части мирового сообщества.

В условиях усиления контактов между учеными Европейских государств и России, в начале XXI века важным становится отказ отечественной исторической науки от догматизма в изучении прошлого, с постановкой перед исследователями новых задач. Одна из них – изучение тех страниц прошлого, которые не получили до сих пор достаточного освещения, и имеющие альтернативные точки зрения иностранных

исследователей. К числу таких проблем, безусловно, относятся судьбы иностранных военнопленных на территории Советского Союза. Новые направления и подходы позволяют взглянуть на эту проблему с различных ракурсов и переосмыслить многие события и явления.

Первыми к серьезному осмыслению жизни военнопленных в Советском Союзе приступили ученые ФРГ. Во второй половине 1950-х гг. изучение истории военнопленных Второй мировой войны становится одним из приоритетных направлений в западногерманской исторической науке. По инициативе Федерального министерства по делам изгнанных, беженцев и жертв войны под председательством мюнхенского профессора Г. Коха создается «Научная комиссия по документации судьбы немецких военнопленных Второй мировой войны». Первым, наиболее крупным комплексным исследованием проблемы в Германии, стало издание 15-томного сборника «К истории немецких военнопленных второй мировой войны», вышедшего в свет в ФРГ в 1962-1974 гг. Семь томов данного исследования посвящены жизни военнопленных в СССР. Отличительной чертой этого издания, как и последующих исследований, является опора на воспоминания бывших солдат и офицеров Вермахта [41-44, 46-48]. В основу исследования были положены 400 тыс. свидетельств возвратившихся на родину военнопленных, полученные сразу после их прибытия в ФРГ, и почти 50 тыс. сообщений, собранных дополнительно в виде письменных воспоминаний и интервью бывших солдат и офицеров вермахта [24]. Это исследование вызвало у советских ученых негативную реакцию, и было объявлено субъективным по характеру представленных материалов. В Советском Союзе указывали на несоответствия мнений бывших военнопленных, проживающих в Западной Германии, с данными официальной советской статистики.

В качестве контрмеры на территории Германии, контролируемой советскими войсками, издавались сборники воспоминаний «Военнопленные в СССР», подготовленные антифашистским активом в советских лагерях для военнопленных во второй половине 1947 г. Эта инициатива была поддержана и возглавлена политотделами лагерей, в связи с опубликованием воспоминаний первых репатриированных из СССР солдат и офицеров. К концу года было написано 200 сборников с положительными высказываниями военнопленных об их пребывании в лагерях. В написании воспоминаний приняло участие около 20 тыс. человек. В 1949 г. сбор материалов был поставлен на поток. В инструкции МВД СССР по фильтрации военнопленных, числящихся на оперативном учете, объявленной И.А. Серовым 16 июня 1949 г., подчеркивалось: «При репатриации военнопленных обратить серьезное внимание на получение от них составленных и подписанных положительных отзывов о своей жизни в плену, резолюции собраний и митингов, индивидуальных и групповых писем, записей в книге и т.д., что будет иметь большое значение для опровержения клеветнических и провокационных выступлений за границей против СССР. Работу в этом направлении проводить как в

лагерях, формирующих эшелоны, так и в конечном пункте на территории СССР в лагере № 284 в Бресте» [2].

Попытку создания комплексной истории немецких военнопленных Второй мировой войны предприняли западногерманские историки Пауль Карел и Гюнтер Беддекер [13].

В середине 1980-х гг. в ФРГ все большее признание получают работы учёных, исследующих историю военной повседневности. Новый подход воплотился в монографии профессора из Гамбурга А. Леманна, в которой сделана попытка охватить весь круг проблем, связанных с пребыванием немецких военнопленных в СССР [30]. Автором показан сложный процесс адаптации бывших солдат вермахта к лагерной действительности, социальное расслоение лагерного общества, духовная атмосфера за колючей проволокой [45].

В советской историографии освещение вопросов плена в СССР носило зачастую идеологизированный характер. Это было связано с нежеланием государства предавать огласке тяжёлые условия нахождения военнопленных в советских лагерях [26, 29].

Российская историческая наука в полной мере обратилась к исследованию истории иностранных военнопленных лишь с начала 1990-х гг., когда был снят негласный запрет на эту тему и открыт доступ к ранее засекреченным архивным материалам НКВД и МВД СССР посредством открытия фондов Государственного архива Российской Федерации и Центра хранения историко-документальных коллекций. Благодаря этому факту, на рубеже XX и XXI веков появился целый ряд интересных исследований отечественных авторов, освещающих различные аспекты данной тематики [11, 15, 19, 21, 31].

Среди работ, появившихся в этот период, особо следует выделить публикации военного историка-юриста В.П. Галицкого [4]. Он проанализировал и обобщил статистические данные о количестве военнопленных, умерших в СССР, поднял проблематику правового статуса военнопленных. В многочисленных статьях В.П. Галицкого содержится анализ документов, раскрывающих вопросы снабжения, медицинского обслуживания, а также морально-психологического состояния военнопленных и проводимой с ними идеологической воспитательной работы.

Работы В.П. Галицкого представили проблемы юридического статуса военнопленных, в рамках которых в современной отечественной историографии в зависимости от позиции учёного выделились умеренное и радикальное направления и, соответственно, две группы учёных. Для первой группы характерна более глубокая проработка юридических аспектов рассматриваемых вопросов, что приводило авторов к более сдержанным и менее конъюнктурным выводам. К представителям этого направления следует отнести таких известных исследователей как В.П. Галицкого [5], А.С. Смыкалина [34], Т.А. Щелокаева [40], А.Е. Епифанова [8, 9] и др. Для второго направления характерна опора на ненормативные архивные документы, воспоминания бывших иностранных военнопленных и очевидцев из

числа советских граждан. Безусловное достоинство этих исследований в том, что в них собран и обобщён большой фактический материал. Это направление представлено в работах В.Б. Конасова [17], С.И. Кузнецова [23], Н.А. Морозова [26], А.А. Крупенникова [20].

Возможность работы в российских архивах способствовала активизации научного поиска зарубежных ученых. Настоящим прорывом в проблему стал выход в 1995 г. монографии австрийского историка, директора Института по изучению последствий войны имени Людвиг Бальцмана (г. Грац) Стефана Карнера «Архипелаг ГУПВИ: Военный плен и интернирование в Советском Союзе. 1941-1956» [14].

В 2000 г. свои научные изыскания, посвященные пребыванию немецких военнопленных в СССР, обобщил в монографическом труде немецкий историк Андреас Хильгер [49]. Существенный вклад в изучение проблемы военного плена в СССР внес финский историк Д. Фролов [38].

Была проведена целая серия защит диссертационных исследований, связанных с разработкой проблем изучения всех аспектов нахождения иностранных военнопленных на территории Советского Союза [1, 3, 10, 16, 22, 32, 33, 39].

Анализ работ отечественных и зарубежных исследователей позволяет выявить концептуальные отличия подхода к изучению процесса нахождения иностранных военнопленных в советском плену. Если российские историки абсолютизируют официальные отчетно-статистические документы НКВД-МВД, то немецкие коллеги относятся к этим сведениям с большой осторожностью, отдавая предпочтение материалам «устной истории» и мемуаристике. Это во многом предопределяет разную тональность исследований и различия в принципиальных выводах и обобщениях.

Уже из постановки подходов становится ясно, что советские и большая часть российских авторов анализируют жизнь военнопленных с позиции институтов советской государственной власти. Такой взгляд на жизнь плененного солдата и офицера вполне оправдан психологически, так как для российских ученых плен – это справедливое возмездие за преступления и причиненные советскому народу страдания. Для иностранного исследования советский плен исследуется также с эмоциональной позиции, но имеющей обратную сторону. Плен, как национальная трагедия населения, по неофициальным данным потерявшего «пропавшими без вести» в Советском плену тысячи своих сограждан. С точки зрения западных исследований в основу изучения заложена жизнь конкретного человека.

В отечественной и зарубежной историографии советского военного плена продолжает оставаться ряд дискуссионных вопросов. Среди исследователей существуют диаметрально противоположные взгляды на численность военнопленных в лагерях НКВД-МВД СССР, их правовой статус, организацию продовольственного обеспечения и медицинского обслуживания, проблему смертности, труда военнопленных и его эффективности, процесса возвращения на родину. До сих пор отсутствует комплексный

научный труд, раскрывающий историю формирования и функционирования системы органов и учреждений военного плена в СССР [24].

Представляя отдельные аспекты проблематики изучения жизни иностранных военнопленных на территории СССР, необходимо выделить отдельные направления, наиболее объемно отражающие жизнь в советском плену.

Одной из наиболее исследованных проблем является материально-бытовая сторона работы лагерей, входящих в структуру ГУПВИ: нормы пайка, качество обеспечения продуктами питания, санитарно-бытовые условия жизни, организация досуга, и медицинских услуг, захоронений умерших. В данную группу также входит изучение особенностей выстраивания отношений с администрацией лагерей и трудовой деятельности, вопросы трудового использования иностранных военнопленных на промышленных объектах СССР [33, 37].

Большое внимание, как в российских исследованиях, так и в работах иностранных ученых, уделяется дискуссиям вокруг деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров, т.е. политико-идеологическая «обработка» пленных в лагерях НКВД-МВД, которой подвергались военнопленные [6, 12, 18].

Анализ мемуаров бывших немецких солдат и офицеров выделяет среди прочих вопросы взаимоотношений среди военнопленного контингента, отдельные аспекты выстраивания отношений с жителями населенных пунктов, в которых располагались лагеря для военнопленных.

Отдельным направлением для изучения являются проблемы правового статуса немецких военнопленных в рамках сравнительной характеристики с правовым положением советских военнопленных, оказавшихся в фашистском плену. В данном аспекте рассматривается изучение судебного преследования вражеских солдат и офицеров в СССР [24], организация процесса репатриации [7].

В рамках анализа причин высокого уровня смертности военнослужащих Третьего Рейха и их союзников, активно исследуются вопросы организации процессов транспортировки военнопленных и особенностей их размещения в фильтрационных лагерях. Изучение данного аспекта осложняется отсутствием официальной документации в первый период Великой Отечественной войны [28].

Отдельное направление работ представляют комплексные региональные разработки особенностей организации и функционирования лагерей для военнопленных различных регионов СССР. Этот ряд исследований лишь внешне является однородным. На самом деле территориальный срез историографии выступает важнейшим условием выявления унифицированных характеристик и форм пребывания иностранных военнопленных в разных уголках страны Советов. Вместе с тем «провинциализация» научного поиска дает возможность увидеть специфические механизмы решения проблемы

плена в том или ином сугубо местном преломлении [36]. Именно в рамках данного направления проводятся активные научные изыскания молодыми учеными [25, 31, 35].

Наиболее обсуждаемыми в современных научных исследованиях проблемами являются следующие:

1) оценка общей численности контингента военнопленных, взятых в ходе войны и по ее завершению (по капитуляции);

2) определение доли численности военнопленных в общем числе военно-оперативных потерь;

3) оценка потерь (смертности) военнопленных на этапах следования их от линии фронта в тыловые лагеря и в дальнейшем – в ходе их пребывания в плену;

4) оценка продолжительности и условий содержания военнопленных, использования их труда в экономике страны;

5) обстоятельства освобождения из плена и репатриации.

Обозначенные выше вопросы нуждаются в дополнительных исследованиях, основанных на комплексном подходе и сравнительной характеристике советской документальной базы, анализе многочисленных воспоминаний, изданных в Германии и Австрии. Использование воспоминаний живых очевидцев и участников тех далеких событий научно значимо и важно, ибо это дает возможность максимального приближения к объективной оценке истории плена в нашей стране.

«Литература»

1. Безбородова И.В. Управление по делам военнопленных интернированных НКВД-МВД СССР (1939-1953): Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1997. – 236 с.

2. Бланк А.С. Немецкие военнопленные в СССР. – Кёльн, 1979. – 771 с.

3. Власова И.В. Работа с военнопленными в тыловых районах советских фронтов в годы Великой Отечественной войны: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1994. – 236 с.

4. Галицкий В.П. Архивы о лагерях японских военнопленных в СССР // Проблемы Дальнего Востока. – 1990. – № 6; Он же. Вражеские военнопленные в СССР (1941-1945 гг.) // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 9; Он же. Немецкие военнопленные в восстановлении народного хозяйства СССР // Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма. – М., 1997; Он же. Репрессивная политика Советского правительства в отношении иностранных военнопленных и гражданских лиц (1939-1956 гг.) // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии: Материалы к Всероссийской научной конференции. – Вологда, 1995; Он же. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена //

Социологические исследования. – 1991. – № 10; Он же. Там, в Бекетовке, под Сталинградом // Военно-исторический журнал. – 1993. – № 2; Он же. А действительно, куда исчезли 20 000 американцев? // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 8; Он же. Венгерские военнопленные в СССР // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 10; Он же. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939-1953 гг.). – М., 1997.

5. Галицкий В.П. Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства // Советское государство и право. – 1990. – № 4; Он же. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект). – Вологда, 1997.

6. Галицкий В.П. Гитлеровцы против Гитлера: Создание антифашистского движения среди немецких военнопленных офицеров в 1941-1945 гг. // Военно-исторический журнал. – 1995. – № 1.

7. Гребенщикова И.В. Организационно-правовые основы осуществления репатриации в СССР: Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2008.

8. Епифанов А.Е. Организация и деятельность советских карательных органов по уголовному преследованию нацистских преступников в период массовой репатриации военного вермахта на родину (1948-1950 гг.) // Проблемы военного плена: история и современность. Мат-лы межд. науч.-практ. конф. 23-25 октября 1997 г. – Вологда, 1997. – С. 118-123.

9. Епифанов А.Е. Ответственность гитлеровских преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект). – Волгоград, 1997.

10. Епифанов А.Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в период Великой Отечественной войны: историко-правовой аспект: Дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2001. – 445 с.

11. Ерин М.Е., Баранова Н.В. Немцы в советском плену (По архивным материалам Ярославской области) // Отечественная история. – 1995. – № 6. – С. 133-142.

12. «За Германию – против Гитлера!»: Сборник докладов и материалов о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия». – М., 1993.

13. Карель П., Бедкер Г. Немецкие военнопленные Второй мировой войны. 1939-1945 гг. – М.: Изд-во Эксмо, 2004.

14. Карнер С. Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе: 1941-1956. – М., 2002.

15. Конасов В.Б. К вопросу о численности немецких военнопленных в СССР // Вопросы истории. – 1994. – № 11. – С. 187-199.

16. Коначов В.В. Политика Советского государства в отношении немецких военнопленных (1941-1956 гг.): Дис. ... докт. ист. наук. – М., 1998. – 506 с.

17. Коначов В.В. Судьбы немецких военнопленных в СССР. – Вологда, 1996; Он же. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. – М., 1998.

18. Коначов В.В., Петелин В.В. Сопротивление и плен. Документы и материалы по истории антифашистского движения Сопротивления и военного плена в Германии и СССР, 1933-1955 гг. – Вологда, 2000.

19. Коначов В.П., Терещук А.В. Узники войны: к истории иностранных военнопленных в России и СССР // Новый часовой. – 1994. – № 1. – С. 30-37; Они же. Долгий путь на Родину: Репатриация немецких военнопленных из СССР // Новый часовой. – 1994. – № 2. – С. 53-75.

20. Крупенников А.А. О некоторых судебных процессах против военных преступников в конце 40-х – начале 50-х годов // Трагедия плена. Сб. материалов межд. научно-практической. конференции «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ/СНО и начало репатриации военнопленных». Москва – Красногорск. 31 октября – 2 ноября 1995 г. – Красногорск, 1996. – С. 177-183.

21. Кузнецов С.И. Проблема военнопленных в российско-японских отношениях после второй мировой войны. – Иркутск, 1994.

22. Кузнецов С.И. Японские военнопленные после Второй мировой войны (1945-1956 гг.): Дис. ... докт. ист. наук. – Иркутск, 1994. – 346 с.

23. Кузнецов С.И. Японцы в сибирском плену. – Иркутск, 1997.

24. Кузьминых А.Л. Военнопленные второй мировой войны в СССР: опыт историографического анализа // Материалы межвузовской научно-практической конференции, приуроченной к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне, 1941-1945 гг. – М., 2010. – С. 143-148.

25. Кузьминых А.Л. Положение иностранных военнопленных на Европейском Севере: 1939-1949 гг. (на материалах Вологодской и Архангельских областей): Дис. ... канд. ист. наук. – Вологда, 2003. – 315 с.

26. Марасанов Р.А., Мельничук А.Н. Медицинское обеспечение раненых и больных немецких военнопленных в годы Великой Отечественной войны // Военно-медицинский журнал. – 1981. – № 5. – С. 19-22.

27. Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми Крае 1929-1956. – Сыктывкар, 1997.

28. Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции. – Вологда, 1997.

29. Ржешевский О., Иваницкий Г. Правда и ложь о жизни немецких военнопленных в СССР // Военно-исторический журнал. – 1978. – № 10. – С. 76-78.
30. Рожкова Е.К. Иностранцы военнопленные на Южном Урале в 1943-1950-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 2002. – 14 с.
31. Сидоров С.Г. Организация питания военнопленных в СССР в 1941-1955 гг. // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Философия. Вып. 1. – 1996 // <http://ef.1939-1945.net/010>.
32. Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР в 1939-1956 гг.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Волгоград, 2001. – 42 с.
33. Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР. – Волгоград, 2001.
34. Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России. – Екатеринбург, 1997; Он же. Создание агентурной сети среди военнопленных немцев в СССР // Вопросы истории. – 1997. – № 4. – С. 147-151.
35. Суржикова Н.В. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942-1956 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2001. – 26 с.
36. Суржикова Н.В. Новейшая отечественная историография проблем военного плена Второй мировой войны // oldcsu.csu.ru/files/history/413.rtf.
37. Суржикова Н. В. Трудоиспользование иностранных военнопленных Второй мировой войны: мифы и реальность // Уральский исторический вестник. – 2003. – № 9.
38. Фролов Д. Советско-финский плен. 1939-1944 гг. По обе стороны колючей проволоки. – Хельсинки; СПб., 2009.
39. Щелокаева Т.А. Правовой статус военнопленных в СССР (1939-1956 гг.): Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2000. – 194 с.
40. Щелокаева Т.А. Правовой статус иностранных военнопленных в СССР (1939-1956 гг.): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2000.
41. Bährens K. Deutsche in Straflagern und Gefängnissen der Sowjetunion // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 5 (1-3). – München, 1965.
42. Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Eine Bilanz // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 7. – München, 1966.
43. Cartellieri D. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Die Lagergesellschaft. Eine Untersuchung der zwischenmenschlichen Beziehungen in den

Kriegsgefangenenlagern // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 1. – München, 1967.

44. Fleischhacher H. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Der Faktor Hunger // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 3. – München, 1965.

45. Lehmann A. Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. – München, 1986. – S. 38-57.

46. Ratza W. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Der Faktor Arbeit // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 4. – München, 1973.

47. Robel G. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Antifa // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 8. – München, 1974.

48. Schwarz W. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Aus dem kulturellen Leben // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 6. – München, 1969.

49. Hilger A. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. 1941-1956: Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung. – Essen, 2000.

**POLITICALSCIENCE
ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ**

УДК32:1

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ГРАНИ НАЦИОНАЛИЗМА
THE POLITICAL FACES OF NATIONALISM**

С.И.Кузина, г.Ростов-на-Дону, Ростовский юридический институт Российской правовой академии Минюста РФ, Зав.каф. гуманитарных и социально-экономических наук.

svivk@yandex.ru

S.I. Kuzina, Rostov-on-Don, Rostov institute of law of Russian legal academy of the Russian Federation Ministry of Justice, head of department of humanitarian and social and economic science.

Национализм, как показано в статье, представляет собой сложное явление. В полиэтническом государстве он носит этнический характер. При модернизационных процессах выполняет мобилизующую функцию. Государственный национализм играет ассимилирующую роль.

The article reveals nationalism like a complicated phenomenon. In a multinational state it has an ethnic character. It carries out a mobilization function under the modernization process, where a state nationalism plays an assimilation role.

Ключевые слова: Национализм, этнонационализм, гражданский национализм, государственный национализм

Key Words: Nationalism, ethnic- nationalism, civil nationalism, state nationalism.

Политические процессы последнего десятилетия, характеризующиеся межэтническими конфликтами, ростом преступности на почве расовой, националистической ненависти, образование праворадикальных, экстремистских молодежных группировок актуализируют теоретический анализ феномена национализма как необходимую предпосылку парирования рисков роста напряженности в современном российском политическом поле.

Национализм представляется достаточно сложным явлением, корни которого имеют экономическую, культурную, историческую, политическую природу. С политической точки зрения особый интерес представляет анализ феномена национализма в аспекте проблемы построения связи между государством как выразителем общественных интересов и обществом как выразителем частных интересов индивидов и групп. В полиэтническом государстве актуально говорить об этнонационализме, который

совмещает в себе политический национализм доминирующего этноса, ответный этнический национализм меньшинств и ответный национализм доминирующей группы. В российском политическом поле этнонационализм позиционируется как оппозиционное движение, выражающее интересы лишь части населения и имеющее сепаратистскую стратегию. Национализм в России наряду с признаками этнической идентификации сплавлен с религиозной составляющей, что осложняет политическую ситуацию, а расовый компонент идеологии национализма усиливает его агрессивную направленность.

Апелляция к этнокультуре нации, мифологизация ее истории, мобилизация на этой почве групп, не имеющих представительства во власти, является для оппозиции способом расширения своей базы в целях перераспределения власти и переустройства государства. Очевидно, что национализм рассматривается как политическое движение, стремящееся к завоеванию и удержанию власти от имени нации (этноса), а способы достижения этой цели – как специфическую форму политики.

Публицистический подход в российской науке к пониманию термина «национализм» наложил отпечаток на его трактовки преимущественно в негативном смысле. При этом понятие «нация» несет в себе нейтрально-позитивный посыл. Причину такого расхождения можно объяснить тем, что в современной России, начиная с реформ 90-х годов, происходили и происходят процессы, связанные с проявлениями именно этнонационализма.

Необходимо отметить, что некоторые западные исследователи считают, что существует два основных вида национализма: гражданский и этнический [1].

Гражданский национализм сопровождает модернизационные процессы и становится некой интеграционной, гражданской религией в условиях секуляризованного общества. Национальное сознание приобретает компенсационную форму, восстанавливающую связи между людьми в атомизированном индустриальном обществе. Этнический же национализм обусловлен процессами развития поликультурности как ответом на глобализационный универсализм. Этнонационализм основан на представлении, что нация, этнос и народ представляют собой единую сущность.

Л.Гринфелд считает, что примером гражданского национализма как уверенности нации в своих политических и культурных силах, достижениях и превосходстве может служить Франция. Этнонационализм основан на комплексе неполноценности нации – Германия, Россия [2]. В обществах, где институциональные демократические преобразования проходили постепенно (как в Англии или Франции) или на почве, исторически более подготовленной для их восприятия общественным сознанием (Восточная Европа), национализм приобретал мягкие формы и даже способствовал укреплению государства и сплочению нации во время внешних военных угроз. Там же, где процессы институционализации демократии терпели неудачи, национализм проявлялся в жесткой форме массового насилия как внутри государства, так и вовне его.

Некоторые исследователи разделяют национализм на государственный и этнический. «...государственный и этнонационализм существенно отличаются друг от друга. Государственный национализм имеет инклюзивный характер, т.е. включает в понятие нации языковые и этнические меньшинства и пытается их ассимилировать хотя бы в языковом отношении – чаще всего с помощью «пряника» (социальное продвижение и причастность к реально или мнимо превосходящей языковой культуре), но иногда и с помощью «кнута» (принуждение к изучению государственного языка, социальная дискриминация). За языковой нередко следует и этническая ассимиляция. Политика «плавильного котла» совершенно равнодушна к этническо-языковому происхождению государственных граждан, но не к их этническо-языковому будущему. Неумение приспособиться к господствующему языку и культуре, как правило, не преследуется законом, но влечет за собой негативные социальные последствия» [3]. «Плавильным котлом народов» объективно считаются Соединенные Штаты Америки. «Ни язык, ни этническая принадлежность не имели значения для революционного национализма, основную из сохранившихся версий которого представляют США» [4].

Националистические движения в реформирующейся на рубеже XX-XXI вв. России появились как ответ на демократические преобразования в ходе процессов суверенизации и государственного переустройства. В образовавшихся субъектах Российской Федерации эти движения представляли общности, которые заявляли о своей особой этнической идентичности, общей истории и судьбе и претендовали на собственное государство. Этнонационализм – идеология, которая наделяет свой народ особыми добродетелями, принижает «чужие» народы и оправдывает агрессивные действия против них. Однако на волне либеральной эйфории этнополитические движения в Прибалтике, Грузии, Украине получили позитивные характеристики, как среди западных специалистов, так и среди отечественных политиков. Произошло смешение понятий гражданского национализма и самосознания, патриотизма русского народа с «имперскими амбициями», признание этнополитических движений народно-освободительными. И лишь после уроков первой Чеченской войны пришло понимание, что интересы нации должны быть приоритетными перед другими, а национализм – это система принципов, согласно которым политические и национальные идеи должны быть единым целым. Вместе с тем до сих пор сохраняется разрыв между популистскими, журналистскими взглядами и научным пониманием национализма.

Национализм с исторической точки зрения явление недавнее и, прежде всего, поэтому до сих пор нет четкого определения нации и довольно сложно отличить нацию от других общностей, имевших и имеющих место в истории. Английский историк Э.Хобсбаум считает, что построение нации можно соотнести с процессом построения государства в современном понимании этого слова [5]. В XIX в. жители европейских стран стали непосредственными объектами внимания государства: стали проводиться

переписи населения, открываться начальные школы, осуществляться призыв в армию. Раньше эти функции осуществлялись через институт церкви или представителей общин. Средством связи граждан с правительством стала грамотность, знание национального языка. Но все традиционные каналы легитимизации власти – династические права, божья воля, – были в буржуазной Европе серьезно ослаблены. Необходима была новая, «гражданская» религия, объединяющая население, граждан в единый народ, нацию. Национализм, делающий различное и разноплеменное население «народом», давал ему общую память, знаки, символы, героев, иногда просто изобретая традиции.

Таким образом, национализм – это политическая программа, построенная на принципе «каждой нации – государство» того образца, который сложился после Французской революции. И в таком государстве пользуется официальным статусом единый язык – язык нации, что свидетельствует об облечении принципа национализма в этноязыковую терминологию. Сам по себе, считает Хобсбаум, принцип этнической принадлежности не несет в себе ничего программного, но он обеспечивает «нацию» исторической родословной, которая у нее, как правило, отсутствует. «Принцип этнической принадлежности, на чем бы он ни основывался, это легкий и четкий способ выражения *истинного* чувства групповой идентичности, которая связывает всех «нас» потому, что подчеркивает наше отличие от «них». А что у «нас» на самом деле общего, помимо того, что «мы» – не «они», – это не так ясно. В любом случае, принцип этнической принадлежности выполняет роль одного из способов, позволяющих наполнить пустые емкости национализма» [6].

В постреформенной России только в последние годы появился феномен, получивший название «русского национализма». До того на политической арене России активно выступал национализм других этносов – чеченский, башкирский, татарский и т.д. Следует отметить, что активность других этносов ограничивалась местами их компактного проживания – в республиках, автономных округах. Но делать ставку на «русский фактор» в такой многонациональной стране, как Россия, политически недальновидно и опасно. Об этом писала Л.Дробижева: «Довольно быстро... политики в России осознали, что живем мы теперь в другой стране с доминированием одной этнической общности. И поскольку в недавнем прошлом, а в какой-то мере и теперь, с этническим фактором были связаны конфликты и унижения, многим хочется как можно скорее «забыть» о нем совсем или, по меньшей мере, просчитав «на один-два хода», сбросив со счета (иноэтническое население составляет всего 17%), идти дальше. Но стремиться однозначно использовать ситуацию – отнюдь не признак политической дальновидности. Ведь именно сейчас создаются прецеденты и стандарты общения, которые на многие годы войдут в историческую память народов... Народы эти в представлении большинства русских «нашенские». Они не должны остаться с нами только потому, что им «некуда деться», а поскольку им с нами лучше. Для этого сейчас

нельзя делать шагов, которые позволили бы им в будущем с недоверием относиться к высказываниям о гуманности русского народа» [7].

Литература

1. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: РГГУ, 2000.
2. Greenfeld L. Nationalism five Roads to Modernity. Cambridge, 1990.
3. Ян Э. Государственное и этническое понимание нации: противоречия и сходство // Полис. – 2000. - №.1. – С.114.
4. Сидорина Т.Ю. Национализм: теории и политическая история [Текст]: учеб. Пособие для вузов / Т.Ю.Сидорина, Т.Л.Полянников; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд.дом ГУ ВШЭ, 2006. – С.152.
5. Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002.
6. Там же. – С.335.
7. Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: ИС РАН, 2003. С.318-319.

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ
PHYSICO-MATHEMATICAL SCIENCE

УДК 614.842

ФИЗИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРИЧИНЫ
ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЛЕСНОГО ПОЖАРА

PHYSICAL COMPONENT CAUSES
OF FOREST FIRE

А.А. Разумов, Н.А. Кропотова. г. Иваново, Ивановский институт ГПС МЧС России, профессор кафедры физики и теплотехники Ивановского института ГПС МЧС России. ФГБОУ ВПО Ивановский институт государственной противопожарной службы МЧС России.

Кропотова Наталья Анатольевна, к.х.н., преподаватель кафедры физики и теплотехники Ивановского института ГПС МЧС России, ФГБОУ ВПО Ивановский институт государственной противопожарной службы МЧС России.

Razumov Alexander Alexandrovich, assistant professor, candidate of physical and mathematical sciences. Professor, the department of physics and heat engineering at the Ivanovo Institute of Fire Fighting Service of Russia.

Kropotova Nataliya Anatolievna, Candidate of chemical sciences, Lecturer, The department of physics and heat engineering at the Ivanovo Institute of Fire Fighting Service of Russia.

nzhirova@yandex.ru

kropotovana@mail.ru

Проанализированы данные о лесных пожарах по Ивановской области и выявлены основные причины их возникновения. Приведена оценка влияния физической составляющей причины возникновения самовозгорания лесных угодий по неустановленным причинам.

Forest fires data on the Ivanovo area are analysed and the main reasons for their emergence are established. The assessment of influence of a physical component as the reason of emergence of self-ignition of wood grounds for the unstated reasons is given.

Ключевые слова: физика самовозгорания, лесные пожары, причины

Keywords: physics of self-ignition, forest fires, reasons

Введение

Лесные пожары являются стихийным, неуправляемым процессом распространения огня в лесу. Они возникают при наличии горючих материалов (клетчатка и лигнин,

составляющие стенки клеток растений, а также смолы и эфирные масла); условий, способствующих загоранию этих материалов, источника огня. Скорость распространения пожара зависит от типа леса и строения древесины. Эти же условия определяют температуру и высоту пламени. Лесные пожары в России были всегда. Большинство наших сограждан и не подозревает, как часто они возникают и благодаря каким усилиям сотен тысяч специалистов, занятых прогнозированием, обнаружением и ликвидацией огня, мы можем жить в счастливом неведении об этом грозном явлении.

Лесной фонд России составляет около 1,2 млрд. га (22% лесов мира) и уже более 200 лет является объектом хозяйственной деятельности, организованной на научной основе.

Основными причинами возникновения лесных пожаров является деятельность человека, грозовые разряды, самовозгорания торфяной крошки и сельскохозяйственные палы в условиях жаркой погоды или в, так называемый, пожароопасный сезон (период с момента таяния снегового покрова в лесу до появления полного зеленого покрова или наступления устойчивой дождливой осенней погоды). В молодых лесах, в которых много зелени, вероятность загорания от молнии существенно ниже, чем в лесах возрастных, где много сухих и больных деревьев. Таким образом, в природе ещё задолго до человека существовало своеобразное равновесие. Экологическая роль лесных пожаров заключалась в естественном обновлении лесов.

До Октябрьской революции даже в относительно благополучные дождливые годы в нашей стране выгорало 600–700 тыс. га лесов, а в засушливом 1915 г. было уничтожено 12,5 млн. га. С 1931 г. для борьбы с огнем стала привлекаться авиация, а с 1972 г. – космические методы.

На сегодняшний день доля естественных пожаров (от молний) составляет около 7–8%, то есть возникновение большей части лесных пожаров связано с деятельностью человека. Таким образом, существует острая необходимость работы противопожарных служб, контроля за соблюдением пожарной техники безопасности.

В последнее время в России ежегодно возникает около 30 000 лесных пожаров и сгорает по 1–2 млн. га лесов (0,2% лесного фонда). В среднем этот показатель лучше, чем во всем мире, где ежегодно 400 000 пожаров уничтожают 0,5% лесов [1]. Источники лесных пожаров бывают природными (молнии, самовозгорание) и антропогенными (искры непотушенного костра, осколки стекол в виде линз, бутылки, взрывы).

1. Статистика пожаров в Ивановской области

Общая площадь лесов Ивановской области 1041,4 тыс.га. в т.ч. покрытые лесной растительностью земли - 964,6 тыс.га. Защитные леса расположены на площади 277,7 тыс.га. или 27% от лесного фонда, эксплуатационные леса –763,7 тыс.га. (73%). Кроме земель лесного фонда, на территории области имеются леса, расположенные на землях

обороны и безопасности, площадью - 43,5 тыс.га, землях населенных пунктов - 3,3 тыс.га. Общий запас лесообразующей породы 49% - хвойные, 51% - лиственные.

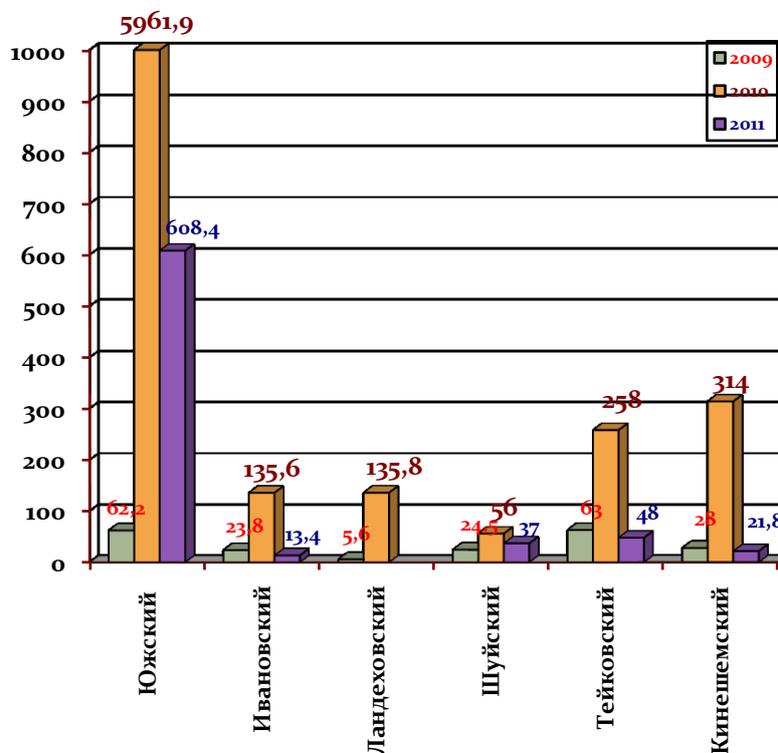

Рис. 1. Гистограмма лесных пожаров в районах Ивановской области

В 2009 году сгорело 137,57 га лесов (Южский, Ивановский, Тейковский, Кинешемский районы); в 2010 году - 6274 га (Южский район – 5961,9 га, Ландеховский район – 135,8 га, Пестяковский район – 266 га.); в 2011 году сгорела 1089,7 га (Южский, Ландеховский, Кинешемский, Шуйский, Тейковский районы), рис. 1.

Наибольший вклад лесных пожаров - по указанным районам Ивановской области, не перечисленные районы не превышают по сгоревшему лесу 10 га за последние три года вместе взятые, хотя о сохранности лесов в каждом районе вопрос является очень острым и требует точного и достоверного мониторинга экологической ситуации.

Пожароопасный период сопровождается повышенной температурой окружающей среды и низким количеством осадков. По статистике возникает периодичность максимума пожаров в каждые четыре года: температура повышается по среднесуточному показателю выше нормы. Пик влияния пожароопасных факторов окружающей среды приходится на каждые 8-9 лет. По прогнозам 2002 и 2010 годы не явились исключением.

Причины горения лесных угодий на территории Ивановской области [2]:

- Антропогенный (человеческий) фактор - 76 %;
- Сельскохозяйственные палы - 12 %;

- Не установлены причины пожаров - 10 %
- От железной дороги -2%.

2. Физическая составляющая причины возникновения лесного пожара

Наше внимание привлекла одна из строчек рассматриваемых причин возникновения лесных пожаров председателя комитета Ивановской области по лесному хозяйству Королевой Л.А. [2]: не установленные причины пожаров – 10 %. Наша попытка объяснения этой причины гипотетична, но имеется ряд исследований зарубежных коллег, которые приводят реальные экспериментальные данные без теоретического обоснования причины [3,4].

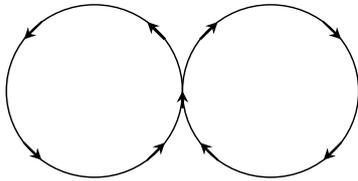

Рис. 2. Направление движения воздушных потоков

Статистические данные коррелируют с термодинамическими посылками процессов, происходящих в атмосфере. При имеющемся градиенте температуры $\frac{dT}{dh}$ в атмосфере нагретые (легкие) потоки воздуха поднимаются вверх, там охлаждаются и опускаются вниз, к земле, где снова нагреваются (рис. 2). Этот процесс происходит в больших объемах и может быть отнесен к

адиабатическому.

Для него выполняется равенство

$$dU = -pdA \quad (1)$$

или

$$v \cdot \nu_{\mu} dT = -pdV \quad (2)$$

Из закона Менделеева - Клапейрона выразим правую часть (2)

$$pdV = \nu R dT \quad (3)$$

и подставим в (2):

$$v \cdot \nu_{\mu} dT = -\nu R dT \quad (4)$$

С другой стороны, работа по расширению воздуха имеет составляющую по подъему массы газа:

$$dA' = Mg dh \quad (5)$$

где: M – молярная масса воздуха.

Для одного моля воздуха ($\nu = 1$)

$$C_{\nu\mu} dT = -dT + Mg dh \quad (6)$$

или

$$dT(C_{v\mu} + \lambda) = Mg dh \quad (7)$$

Из (7) следует, что $\Delta T \cong \frac{Mg\Delta h}{C_{p\mu}} = \frac{29 \cdot 10^{-3} \cdot 10 \cdot 100}{29} = 1 \text{ К}$

Температура меняется на 1 К при подъеме (спуске) на каждые 100 м высоты.

Таким образом, чем жарче лето (выше температура воздуха и земли), тем больше вероятность возникновения пожара.

В природной компоненте возникновения пожара имеется особая составляющая – самовозгорание, и статистика не знает его доли в общем природном источнике пожаров [2]. Самовозгорание является следствием фокусировки прямых солнечных лучей на каплях жидкости (как правило, дождевой (атмосферной) воды, в которой могут быть растворены различные химические соединения, содержащиеся в атмосфере [4]).

Кроме того, капли воды могут появиться на травяной поверхности в виде росы. При определенных физических условиях (давлении P и температуре T водяного пара) происходит переход ненасыщенного водяного пара в насыщенный. Этот переход описывает кривая, изображенная на рис. 3.

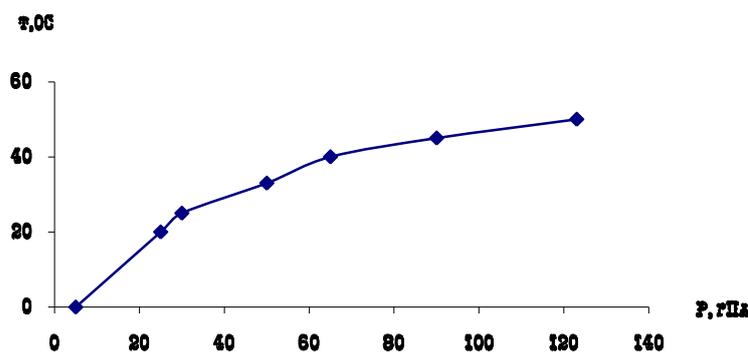

Рис. 3. Зависимость температуры от давления водяного пара

Возникают капельки воды на поверхности листьев, травы – точка росы. Выше кривой область ненасыщенного пара, ниже кривой – область насыщенного пара. При дальнейшем снижении температуры насыщенный пар переходит в пересыщенный. От состояния водяного пара зависит и степень высыхания капелек жидкости. Каждая невысохшая капелька представляет водяную положительную линзу, форма которой определяется многими факторами. Чем меньше размер капли, тем ближе ее форма к сферической, следовательно, тем меньше контакт «жидкой» линзы с подложкой – поверхностью листа (рис. 4).

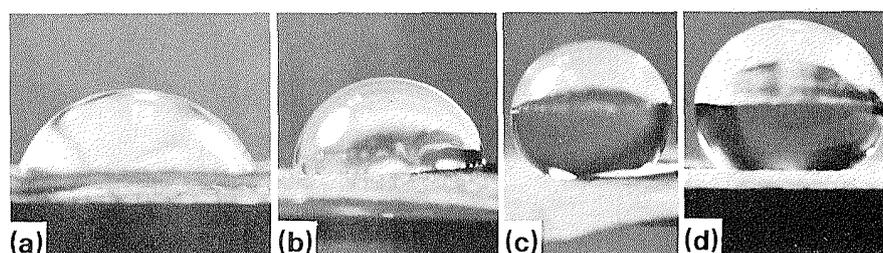

Рис. 4. Вид водяной капли на листе: *a, b* – смачивающие поверхности;

Чем меньше фокусное расстояние, тем выше степень попадания сфокусированных солнечных лучей на поверхность листа, при котором увеличивается вероятность возгорания растительности.

С увеличением размера капли последняя растекается по поверхности подложки, форма капли становится эллипсоидной (рис. 5, б). Такая капля контактирует с поверхностью листа на гораздо больших площадях, чем сферическая капля (рис. 5, а). Эллипсоидная линза обеспечивает водяное охлаждение листа.

Близкий контакт между каплей воды и гладким листом значительно увеличивает теплоемкость в области контакта, что снижает температуру поверхности листа и, таким образом, предотвращает солнечные ожоги и, как следствие, спонтанное (самопроизвольное) возгорание листвы.

Рис. 5. Различные формы капель воды – «жидких» собирающих линз в зависимости от размеров капелек, степени смачивания подложки

На рис. 5 угол θ характеризует смачивание. Он зависит от чистоты поверхности подложки, ее химического взаимодействия с жидкостью, наличия бугорков и волосков на поверхности, которые, в свою очередь, удерживают влагу на растительности.

В статье [3] описаны эксперименты со стеклянными шариками и водяными каплями на листовых пластинах представителей разных видов растений Болгарии. Из-за большей кривизны сферические линзы обладали большей преломленной энергией и способностью к светофокусировке, чем плоские эллипсоидные, что служило причиной теплового повреждения ткани листа. Однако сферические капли легко скатываются с листьев (травинки), имеющих высокий наклон или колеблющихся за счет силы ветра,

практически исключая возможность ожога, не говоря уже о возгорании. В этой же работе делается вывод о том, что у воды показатель преломления света $n_{H_2O} = 1,33$ меньше показателя преломления стекла $n = 1,55$, и энергетическая фокусировка водой более слабая, что устраняет возможность теплового повреждения клеточной ткани поверхности листа.

Резюме: капли воды не могут вызвать солнечный ожог ни на водоотталкивающих (гидрофобных), ни на гигроскопичных листьях с гладкой поверхностью при отсутствии волосков на листовой пластинке.

Наше видение проблемы самовозгорания растительности полей и лесных угодий менее мажорно. Во-первых, степень задержки воды на листовой пластине возрастает, если он является мохнатым, т.е. покрытым гидрофобными восковыми волосками, которые удерживают капли воды на расстоянии от поверхности листа. При этом величина фокуса капли-линзы может оказаться достаточной, чтобы свет сфокусировался на поверхности листа. Во-вторых, в каплях воды могут быть растворены различные вещества, повышающие показатель преломления n капли-линзы.

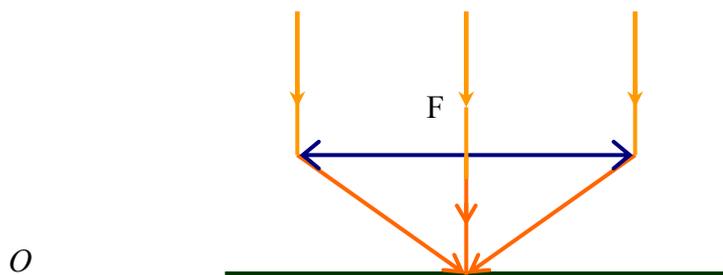

Рис. 6. Фокусировка солнечного света каплей воды

Например, отдельные виды растений, произрастающих в Центральной и Западной части Российской Федерации, выделяют на поверхности листьев сахарозу, которая увеличивает n водного раствора. Известно, что кристалл сахарозы при определенных условиях способен к самовоспламенению.

На рис. 6 в точку O на подложке сходятся все лучи, попавшие на водяную линзу. Если фокусное расстояние F окажется равным (почти равным) расстоянию от центра капли до поверхности листа, то, как минимум, лист получит тепловое повреждение ткани.

Известная формула тонкой линзы [5]:

$$\frac{1}{F} = (n_{\text{линза}} - 1) \left(\frac{1}{R_1} + \frac{1}{R_2} \right) \quad (8)$$

где: $n_{отн} = \frac{n_{H_2O}}{n}$ - относительный показатель преломления линзы, равный отношению абсолютных показателей преломления воды и воздуха; R_1 и R_2 – радиусы кривизны поверхностей, образующих каплю воды.

В первом приближении $R_1 \sim R_2$, тогда (8) преобразуется в

$$F = \frac{R}{2(n_{отн} - 1)} \quad (9)$$

Так, для сравнительно крупной капли с $R = 4$ мм фокусное расстояние составит порядка 6,0 мм. С увеличением $n_{отн}$ фокусное расстояние будет сближаться с радиусом капли – водяная линза становится более короткофокусной, а максимум солнечной энергии придется на поверхность листа.

Таким образом, поставлена важная проблема пожарной безопасности лесных угодий в связи с возможностью самовозгорания растений. Решение названной проблемы видится в проведении следующих исследований:

- мониторинга растительности Ивановской области;
- изучения областной статистики пожаров в XXI веке и выявления районов наиболее частого и интенсивного возгорания;
- исследования физических и физико-химических характеристик водных систем Ивановской области.

Литература

1. www.mch.gov.ru
2. <http://www.ivleshoz.ru/forestry-administration/emergency/46-fire-for-2009>.
3. Egri1, A., Horvath, A., Kriska, G., Horvath, G. Optics of sunlit water drops on leaves: conditions under which sunburn is possible // A. Egri1, A. Horvath, G. Kriska, G. Horvath / *New Phytologist* (2010) 185, 979 – 987.
4. Haines B.L., Jernstedt J.A., Neufeld H.S. Direct foliar effects of simulated acid rain II. Leaf surface characteristics // B.L. Haines, J.A. Jernstedt, H.S. Neufeld. *New Phytol.* (1985) 99, 407-416.
5. Трофимова, Т.И. Курс физики / Т.И. Трофимова. – М.: Академия, 2010. – 558 с.

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ
TECHNOLOGICAL SCIENCES

УДК 20.01.07

**ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ КАК ФАКТОР
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РОСТА.
МОДЕЛЬ КОМПЬЮТЕРНОЙ СИСТЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ**
**IMPROVEMENT OF QUALIFICATION OF SPECIALISTS AS A FACTOR OF
PROFESSIONAL GROWTH. ADVANCED TRAINING COMPUTER SYSTEM MODEL**

Н.И. Лященко

ФГБОУ ВПО «Таганрогский государственный педагогический институт имени А.П. Чехова», Таганрог, Россия (347936, Таганрог, ул. Инициативная, 48).

E-mail: L.nikita.i@mail.ru

Специалист по учебно-методической работе отдела воспитательной работы и трудоустройства ФГБОУ ВПО «Таганрогского государственного педагогического института имени А.П. Чехова»

Specialist in educational and methodical work dressed educational work and employment of Taganrog state pedagogical institute after A.P. Chekhov

N.I. Lyaschenko

Taganrog State Pedagogical Institute after A.P. Chekhov, Taganrog, Russia (347936, Taganrog, Initsiativnaya street, 48).

Аннотация. Проведено исследование о необходимости повышения квалификации, показана потребность в квалифицированных специалистах, выявлены существенные преимущества повышения квалификации сотрудников.

Abstract. The need for advanced training has been investigated; demand for skilled professionals is demonstrated; major benefits of advanced training of professionals are identified.

Ключевые слова: компьютер, обучение, система, модель, обучаемый, квалификация, компетенция.

Keywords: computer, training, system, model, student, qualification, competence.

Резкое ускорение процесса появления новых знаний и технологий во всех областях науки и практики и устаревание прежней информации требует изменения и усовершенствование содержания и форм организации образовательного процесса.

Профессиональная компетенция специалиста по оценкам экспертов непрерывно сокращается. Так если в середине XX века базового образования было достаточно практически на весь период трудовой деятельности, то в настоящее время в силу морального износа знаний, который ежегодно в наукоемких отраслях промышленности достигает 15-20%, специалисту необходимо не только следить за изменениями в своей области знания, но и регулярно проходить курсы повышения квалификации. Не остался в стороне и переход к рыночной экономике, он внес существенные изменения и появление новых социально-профессиональных требований к специалистам всех сфер деятельности, и к формированию их компетентности.

В условиях повсеместного внедрения информационных технологий в производство, автоматизации и как следствие исчезновение ряда профессий и возникновение новых, образующихся за счет накопления классических профессий новым содержанием, получение основного (базового) образования, которое требует совершенствования и приводит общество к необходимости постоянного обновления функций работника и получение им новых знаний к повышению квалификации специалистов.

В настоящее время согласно трудовому кодексу Российской Федерации сочетание государственного и договорного регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, гарантирует работнику и работодателю право на самостоятельное определение потребности и выбор формы повышения квалификации. А это значит, что возникает необходимость в разработке такой системы повышения квалификации специалистов, которая обеспечивала бы максимальную эффективность труда и удовлетворила бы интересом как предпринимателя так и специалиста.

Учитывая современные реалии жизни у многих компаний, фирм, предпринимателей возникает сложности с квалификационным составом, очень часто не хватает сотрудников, либо у некоторых специалистов недостаточная квалификация. Как правило, при возникновении данной проблемы компании необходимо быстро её решить, но у неё не хватает времени, чтобы найти необходимые курсы и обучить им там своих сотрудников, либо подобрать недостающих специалистов.

Человеческий потенциал является главным ресурсом и движущей силой любой организации. Его принципиальное отличие от других ресурсов заключается в том, что их ценность со временем падает, а ценность работника растёт.

Производственная система, её вещественная и личностная составляющая находятся под воздействием многих факторов (смена состава работников, квалификационный рост, мотивационные послышки в отношении к труду и т.д.). Основным параметром, определяющим ценность трудовых ресурсов, является квалификация персонала. Несоответствие фактического и требуемого уровня квалификации лежит в основе

неудовлетворенности его трудом, оплатой труда, определяет характер его поведения. Повышая свою квалификацию и приобретая новые знания и навыки, работник получает дополнительные возможности для профессионального роста.

Значение квалификации персонала определяет эффективность применения новых технологий на любом производстве. Квалификация – это уровень развития специальных способностей работника, позволяющий ему выполнять трудовые функции определенной степени сложности в определенном профессиональном труде. Квалификация определяется объемом теоретических знаний, практических знаний, умений, навыков, которыми владеет работник, и которые являются его важнейшей социально - экономической характеристикой.

Различают формальную квалификацию, выраженную в официально фиксированных разрядах, классах, званиях, категориях и т.п., и реальную квалификацию – уровень мастерства, который человек действительно может проявить.

Руководители любой организации всё больше осознают успех организации при переменах и развитии который лежит в эффективном использовании человеческого капитала, раскрепощенности творческой энергии сотрудников организации. Но в настоящее время существует большой разрыв между потенциалом сотрудника и степенью использования его организацией.

Бурное развитие производства вызывает необходимость резкого увеличения человеческих ресурсов. Многие организации испытывают потребность для скорейшего становления квалификационного и технически грамотного персонала.

Как показывает исследование отделов по управлению персоналом различных организаций, они всё чаще направляют своих сотрудников на семинары и тренинги, целью которых является обучение и консультирование работников по темам и вопросам их профессиональной деятельности.

Обобщая все выше сказанное можно с уверенностью сказать, что повышение квалификации это целенаправленный процесс формирования траектории развития работника в соответствии с краткосрочными и стратегическими целями предприятия. Повышение квалификации осуществляется в форме обучения и стажировки как внутри предприятия, так и в специальных учебных заведениях и центрах или на других предприятиях. Важной формой повышения квалификации является самообразование работника, для успешности которой важна созданная на предприятии информационно-образовательная среда, которая соединяет в себе образовательные ресурсы – базу знаний предприятия и инфраструктуру доступа работника к ним. Актуализация содержания и совершенствование доступа к информационно-образовательной среде во многом определяют результативность обучения. Для успеха обучения важны не только компетенции, связанные непосредственно с выполнением профессиональных обязанностей работника, но и компетенции в фундаментальных технологиях: умение

анализировать информацию, быстро работать с текстом, владение вычислительной и компьютерной техникой, т.е. компетентности в интеллектуальной деятельности. В соответствии с квалификационной характеристикой и должностными обязанностями специалиста определяются: набор необходимых ему компетенций на конкретном рабочем месте, средств их измерения и описание в терминах учебного процесса; содержание образовательной программы и технологии ее реализации; организационный план повышения квалификации сотрудников предприятия. Определение потребности работника в обучении означает позиционирование его текущего измеренного состояния в пространстве учебных элементов и нахождение тех, которые соответствуют требуемым составляющим компетентности.

Проведенный анализ современного состояния организации непрерывного образования в форме повышения квалификации специалистов показал актуальность и насущную потребность создания компьютерных систем повышения квалификации персонала на основе организационно-дидактического моделирования и проектирования этих систем.

В управленческом плане – это ориентация на методы моделирования и оптимизации, а в образовательном - на новые педагогические и информационные технологии. Указанные методы, имея инвариантную основу для всех структур непрерывного образования, должны быть, адаптированы к особенностям повышения квалификации специалистов конкретного учреждения: фирмы, акционерного общества и т.д.

Таким образом, актуальность проблемы определяется необходимостью реформирования систем повышения квалификации в структуре непрерывного образования с учетом новых социально-экономических условий на основе эффективных управленческих решений в организационном и содержательном планах, базирующихся на современных методах принятия решений, информационных и компьютерных технологиях обучения.

В контексте качества повышения квалификации специалиста проектируется комплекс средств формирования социально-профессиональных компетенций, учитывающий требования предприятия к профессиональному уровню специалиста, его индивидуальные образовательные запросы и профессионально-личностную характеристику; содержащий основные компоненты качества образовательной деятельности.

Но, как известно, любая образовательная система – это система управления [9][3]. Поэтому в ее структуру обязательно входят блок диагностики и контроля качества сформированных компетенций специалистов в компьютерной системе повышения квалификации и блок коррекции качества сформированных компетенций. Все структурные компоненты системы ориентированы на совершенствование качества

профессиональной деятельности и развитие профессионализма специалиста как основы его профессиональной мобильности.

Поскольку в области педагогики нет общепринятых теорий и алгоритмов обучения, нет формальных моделей обучаемого, обучения, учебных воздействий, объяснений и т.д., то надежды возлагаются, в основном, на логико-лингвистические модели[4]. Взаимопроникновение интеграционных процессов искусственного интеллекта и педагогики выразилось в интеллектуальных обучающих системах, а также в обучающих интегрированных экспертных системах, в необходимости введения дополнительных средств, позволяющих поддерживать модель обучаемого, в соответствии с которой педагог на стратегическом уровне определяет текущую подцель обучения, а также средств, реализующих конкретную модель обучения в виде совокупности учебных воздействий на тактическом уровне и обеспечивающих преподавателю возможность наблюдения за действиями обучаемого и оказания ему необходимой помощи (модель учителя рассматривается как факультативная или же заменяется моделью эталонного курса дисциплины) [7].

Основной проблемой при создании адаптивных обучающих систем является сложность в построении такой программной среды, которая могла бы «понять» человека. Поэтому большинство разработок в данной области строятся на создании моделей обучаемых с последующим описанием и построением всевозможных гипотез (работы В.П. Беспалько, А.Г. Гейна, Б.С. Гершунского, В.П. Зинченко, М.П. Лапчика, А.В. Осина, С.В. Панюковой, И.В. Роберт, Э.Г. Скибицкого, О.К. Тихомирова, Г.А. Атанова и др.). Моделям присваивается определенный набор характеристик, которые впоследствии влияют непосредственно на построение самой обучающей системы[2]. Существует достаточно большое количество моделей обучаемого, однако они слабо учитывают психофизиологические особенности и характеристики обучаемого и, как правило, не используются при формировании структуры образовательных ресурсов и их содержания, что снижает (в некоторых случаях - существенно) эффективность применения компьютерных обучающих систем [1].

С этой точки зрения, модель обучаемого и, соответственно, реализуемая на базе применения технологий адаптации структура данных систем, должны учитывать:

- модальность обучаемого;
- тип его темперамента;
- текущее психо-эмоциональное состояние обучаемого.

Модальность обучаемого – специфический индивидуальный способ получения информации и взаимодействия с ней. Выделяют такие модальные типы, как кинестетик, аудиал и визуал. Ведущая модальность – предпочтение субъектом одного из информационных каналов (зрительного, звукового или тактильного). Типы темперамента

достаточно хорошо известны и необходимость в описании особенностей восприятия ими информации отсутствует.

Особый интерес представляет определение текущего психо-эмоционального состояния обучаемого. В качестве реальных инструментов, определяющих психо-эмоциональное состояние, можно выделить две большие группы:

1. Тесты и тестирующие программы.
2. Специальные аппараты или системы.

В современных работах по компьютерным обучающим системам практически отсутствуют исследования, связанные с формированием модели компетенций обучаемого, отражающей его способности применять знания и личностные качества для успешной деятельности в конкретной профессиональной области, что является новым процессом в рамках создания и использования данных систем. Эта модель может рассматриваться как новый динамический компонент модели обучаемого, тесно связанный, с одной стороны, с психологическим портретом личности, а с другой – отражающий результаты использования конкретных обучающих воздействий.

Существуют различные подходы к моделированию содержания образования как сложной системы, способы представления семантической информации, проблемы, возникающие при разработке систем, основанных на знаниях и наиболее распространённые модели их представления. Для представления знаний в интеллектуальных системах существуют различные способы, наличие которых вызвано, в первую очередь, стремлением с наибольшей эффективностью представить знания, относящиеся к различным предметным областям[6].

Способ представления знаний в большинстве случаев реализуется с помощью соответствующей модели. Основные типы моделей представления знаний делятся на *логические* (формальные), *эвристические* (формализованные) и смешанные.

На основе системного анализа интеллектуальных моделей представления знаний, в качестве основного средства решения указанных дидактических задач в области информатики выбрана модель в виде семантической сети, которая отличается от других моделей наглядностью и простотой представления знаний, наличием механизмов их структуризации и соответствием современным представлениям об организации памяти человека.

Итак, проделав системный анализ интеллектуальных моделей можно сделать вывод о том, что в модель компьютерной обучающей системы для повышения квалификации необходимо включить построение трех следующих подмоделей: модель обучаемого (M1), модель процесса обучения (M2), модель объяснения (M3).

Модель M1 включает следующие компоненты: в простейшем случае – учетную информацию об обучаемом, а в более сложных – психологический портрет личности обучаемого (Ph); начальный уровень знаний и умений обучаемого ($M^{\text{нач}}_{\text{обуч}}$);

заключительный уровень знаний и умений обучаемого ($M_{обуч}^{кон}$); алгоритмы выявления уровней знаний и умений обучаемого (А); алгоритмы психологического тестирования для выявления личностных характеристик, на основании которых формируется психологический портрет личности обучаемого (АPh). Под термином «знания», в соответствии с точкой зрения О.И. Ларичева, понимается теоретическая подготовленность обучаемого (декларативные знания), а под термином «умения» - умение применять теорию при решении практических задач (процедурные знания).

Для реализации алгоритмов А и АPh при формировании модели М1 использован следующий набор процедур тестирования обучаемого: процедура ввода исходной информации (контрольных вопросов, вектора правильных ответов и весовых коэффициентов по каждому вопросу); процедура вывода вопросов и вариантов ответов в процессе проведения контроля знаний; процедура формирования оценки; процедура вычисления итоговой оценки. Модель М1 содержит информацию о состоянии знаний обучаемого (модели $M_{обуч}^{нач}$, $M_{обуч}^{кон}$) – как общие, интегрированные характеристики, так и те, которые отражают усвоение им текущего учебного материала [5].

В общем виде модель обучаемого представляет собой конечный ориентированный граф, который может быть описан в виде $M_{обучаемого} = \langle V, U \rangle$, где $V = \langle V^1, V^2 \rangle$ – множество вершин, которые в свою очередь делятся на $V^1 = \{v^1_1, \dots, v^1_n\}$ – множество изучаемых понятий, n – количество изучаемых понятий, элемент $v^1_i = \langle N, T, W \rangle$, $i = 1, \dots, n$, где N – изучаемое понятие; $T = (0, 1)$, принимает значения знает/не знает; $W = (0, \dots, 10)$ – вес вершины; $V^2 = \{v^2_1, \dots, v^2_m\}$ – множество умений, относящихся к данной модели, m – количество соответствующих умений, элемент $v^2_j = \langle N, T, W \rangle$, $j = 1, \dots, m$, где N – изучаемое умение; $T = (0, 1)$, принимает значения умеет/не умеет; $W = (0, \dots, 10)$ – вес вершины; $U = \{u_j\} = \langle V_k, V_l, R \rangle$, $j = 1, \dots, m$ – множество связей между вершинами, где V_k – родительская вершина; V_l – дочерняя вершина; $R = \{R_z\}$ – тип связи; $z = 1, \dots, Z$.

В настоящее время разработана библиотека оценочных алгоритмов, гибко используемых при проведении тестирования обучаемых в зависимости от специфики курса/дисциплины и контингента обучаемых. Например, эффективно применяется метод, основанный на сбалансированной оценке Т. Робертса [8] для вопросов закрытого типа и дополненный возможностью произвольного задания степени строгости оценивания, а также взвешиванием вопросов коэффициентами сложности, получаемыми на основе экспертной оценки. Под сбалансированностью в данном случае понимается независимость математического ожидания оценки от числа правильных и неправильных ответов, полученных на этот вопрос случайным образом.

Для формирования модели обучаемого М1 используется эталонная модель M_e , соответствующая уровню знаний преподавателя о конкретном разделе изучаемого курса, с которой будут сравниваться получаемые на этапе построения М1 результаты. Формально

эталонная модель M_e , как и модель обучаемого, представляет собой ориентированный граф, т.е. совокупность вида $M_e = \langle V_e, U_e \rangle$.

Динамическое построение модели обучаемого $M1$ осуществляется путем сравнения текущей $M1$ с предварительно построенной преподавателем эталонной моделью M_e . Важно отметить, что на этом этапе наряду с выявлением уровня знаний и умений осуществляется построение психологического портрета личности.

Модель процесса обучения содержит знания о планировании и организации (проектировании) процесса обучения, общих и частных методиках обучения, поэтому предложенная модель $M2$ включает следующие компоненты: совокупность моделей $M1$; совокупность стратегий обучения и обучающих воздействий; функцию выбора стратегий обучения или генерации стратегий обучения в зависимости от входной модели $M1$.

Отметим при этом, что управление обучением осуществляется на основе некоторого плана, который либо выбирается из библиотеки стратегий обучения, либо генерируется автоматически на основе параметров $M1$, причем каждая стратегия обучения состоит из определенной последовательности учебных воздействий.

Теоретико-множественное описание адаптивной модели $M2$ представляет собой совокупность вида $M2 = \langle M1, S, I, F \rangle$, где $M1 = \{M1_1, \dots, M1_n\}$ – множество текущих моделей обучаемого; $S = \{S_1, \dots, S_n\}$ – множество стратегий обучения S_i , $i = 1, \dots, m$, в виде упорядоченных подмножеств множества обучающих воздействий для той или иной модели обучаемого; $I = \{I_1, \dots, I_z\}$ – множество обучающих воздействий I_j , где $I_j = \{t_k i_l\}$ t_k – тип обучающего воздействия, а i_l – содержание воздействия, $j=1, \dots, z$, $k=1, \dots, c$, $l=1, \dots, v$; F – функции (алгоритмы) генерации стратегий обучения в зависимости от входной модели обучаемого, т.е. $M2 = F(M1, M_e, I)$, где M_e – эталонная модель курса (дисциплины), заданная преподавателем.

Модель объяснения ($M3$) разрабатывается исходя из того, что существующие способы реализации методов объяснения в традиционных компьютерных системах не в полной степени удовлетворяют целям обучения, в частности, моделям $M1$ и $M2$, поэтому модель $M3$, ориентированная на продукционные модели представления знаний, включает следующие компоненты:

$M3_G$ - целевые процедуры, обеспечивающие объяснение хода решения задачи путем генерации на экране дисплея текстов объяснений, содержащих описания правил, использованных в выводе (записанные объяснения), а также локализацию ошибок обучаемого при решении текущей задачи;

$M3_D$ – процедуры детальности объяснения, позволяющие в зависимости от уровня знаний обучаемого визуально иллюстрировать ход решения задачи с разной степенью детализации;

$M3_A$ – алгоритмы интерпретации результатов процессов выявления умений обучаемого реализовывать механизмы прямого/обратного вывода, ВКЛЮЧАЯ возможность

предоставления дополнительной информации об объектах проблемной области и их связях.

Таким образом, модели М1, М2, М3 полностью специфицируют типовую задачу обучения с помощью конкретных процедур и функций, а также указывают на наличие определенных взаимосвязей. Другими словами можно сказать, что для успешной реализации и функционирования компьютерной системы повышения квалификации специалистов необходимо, чтобы в состав ее модели входили следующие функциональные возможности:

- построение модели обучаемого (с учетом психологического портрета личности, ее образовательного запроса и уровня первоначальных знаний) и эталонной модели курса;

- построение модели процесса обучения, сущность которой заключается в динамической модификации стратегии обучения в соответствии с текущей моделью обучаемого и последующей генерации совокупности обучающих воздействий, наиболее эффективных на данном этапе обучения с учетом психологических особенностей обучаемых;

- контроль деятельности обучаемого и генерация управляющих решений для соответствующей корректировки действий обучаемого с целью достижения им поставленных целей обучения;

- построение модели объяснения для оценки логики принятия решений, результатов вычислений, объяснение неправильной альтернативы или этапа решения задачи.

Модель компьютерной системы повышения квалификации специалистов представлена на рис. 1.

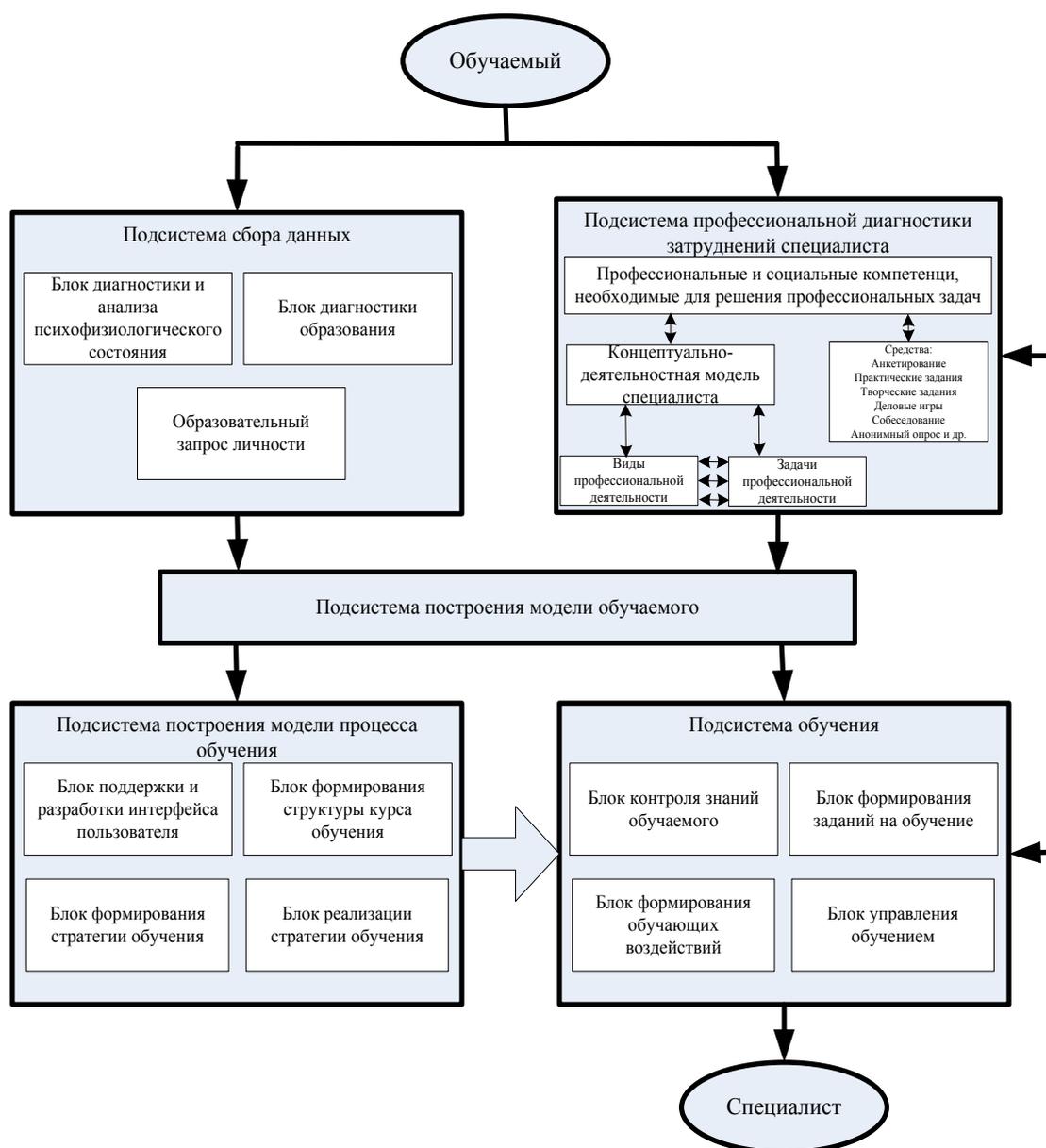

Рис. 1. Модель компьютерной системы повышения квалификации специалистов

Как видно из рисунка, работа системы обучения начинается с проверки психофизиологического состояния обучаемого, затем проводится тест на начальный уровень знаний. После чего вводится коррекция в пользовательский интерфейс и определяется стратегия первоначального обучения, которая по мере работы изменяется, подстраиваясь под конкретного пользователя. В модели данной компьютерной системы организованы два контура обратной связи, по одному из которых обучаемый может по собственной инициативе внести коррективы в процесс обучения, изменить вариант предоставления информации, выбрать новую стратегию обучения, которая более

подходит на данный момент к его эмоциональному состоянию, прервать процесс обучения и т.п. [10]

Второй контур обратной связи организуется блоками ситуационного анализа, принятия решений и формирования задания на обучение, а также блоком корректировки модели обучаемого (подсистема построения модели обучаемого). По результатам работы обучаемого с компьютерной обучающей системой происходят пополнение и изменение пользовательской базы знаний, анализ полноты, заполнения которой служит признаком окончания процесса обучения.

Формирование заданий на обучение, выдача их на пользовательский интерфейс, выполнение заданий обучаемым и коррекция предметной модели пользователя формирует цепь обратной связи, обеспечивающую адаптацию системы под конкретного пользователя.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что основной тенденцией в построении рациональной системы повышения квалификации современных специалистов является переход к обучающим средствам, которые базируются на новых информационных технологиях. К ним относятся, во-первых, интеллектуальные обучающие системы, основанные на компьютерных методах представления знаний при построении автоматизированных учебных курсов, во-вторых, – системы дистанционного обучения.

Литература

1. Башмаков А.И., Башмаков И.А. Разработка компьютерных учебников и обучающих систем. М.: Филинь. – 2003. – 430с.
2. Брусиловский П.Л. Адаптивные и интеллектуальные технологии в сетевом обучении // Новости искусственного интеллекта. – 2002. – №5. – С.25-31.
3. Гаврилова Т.А., Хорошевский В.Ф. Базы знаний интеллектуальных систем. СПб.: Питер, 2000. – 384с.
4. Голенков В.В., Емельянов В.В., Тарасов В.Б. Виртуальные кафедры и интеллектуальные обучающие системы // Новости искусственного интеллекта. – 2001. – № 4. – С. 3-13.
5. Петрушин В.А. Обучающие системы: архитектура и методы реализации (обзор) // Известия РАН. Техническая кибернетика. – 1993. – № 2. – С.164-190.
6. Петрушин В.А. Экспертно-обучающие системы. Киев: Наукова. Думка. – 1992. – С.196.
7. Пименов, В. И. Алгоритмическое обеспечение инструментального комплекса для формирования знаний о технологических процессах / В. И. Пименов // Известия вузов. Приборостроение. – 2009. – № 1. – С. 3–9.

8. Рыбина Г.В. Обучающие интегрированные экспертные системы: некоторые итоги и перспективы/ Искусственный интеллект и принятие решений. – 2008. – № 1. – С. 22 – 46.

9. Стефанюк В.Л. Теоретические аспекты разработки компьютерных систем обучения. Учебное пособие. Саратов: СГУ. – 1995. – С. 98.

10. Фролов Ю.В., Махотин Д.А. Компетентностная модель как основа оценки качества подготовки специалистов // Высшее образование сегодня. – 2004. – № 8. – С. 34-41.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ
PEDAGOGICS AND PSYCHOLOGY

УДК 378.147

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УЧЕБНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ СРЕДЫ MOODLE ПРИ
ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ**
**THE USE OF E-LEARNING ENVIRONMENT MOODLE IN THE
ORGANIZATION OF INDEPENDENT WORK OF STUDENTS**

В.К. Винник, Нижний Новгород Нижегородский коммерческий институт, старший преподаватель.

V.K. Vinnik, Nizhni Novgorod, Commercial institute of Nizhni Novgorod, senior lecturer.

Lera.vinnik@yandex.ru

В статье рассматривается практическое применение учебной среды Moodle при организации самостоятельной работы студентов. Приведены примеры специфических принципов для ИКТ и уточненные принципы организации самостоятельной работы с использованием учебной платформы «Moodle».

The article presents of practical bases of the organization of independent work of students with use of the electronic educational Moodle. There are some examples illustrating the specific principles for the information and communication technologies. The authors proposed the specified principles of organization of independent work using educational platform «Moodle».

Ключевые слова: принципы обучения, самостоятельная работа, информационно-коммуникационные технологии, учебная платформа Moodle.

Keywords: principles, information-communication technologies, independent work, educational platform «Moodle».

Концепция модернизации российского образования определяет в качестве основной задачи профессионального образования подготовку квалифицированного работника соответствующего уровня и профиля, конкурентоспособного на рынке труда, компетентного, ответственного, свободно владеющего своей профессией и ориентированного в смежных областях деятельности, готового к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности.

Решение этой задачи невозможно без повышения роли самостоятельной работы студентов над учебным материалом. Самостоятельная работа студентов - это вид внутреннемотивированной деятельности студента, осуществляемый в ходе аудиторной и

внеаудиторной работы, нацеленный на формирование общекультурных и профессиональных компетенций, носящий междисциплинарный, интегративный характер, реализуемый на всех этапах образовательной деятельности под руководством преподавателей на основе интерактивного взаимодействия со студентами в условиях применения информационных и коммуникационных технологий.

Практическая реализация самостоятельной работы студентов возможна при применении электронной учебной среды Moodle - это система управления содержимым сайта (Content Management System - CMS), специально разработанная для создания онлайн-курсов, обладающая широкими возможностями для коммуникации.

В системе Moodle существует 3 типа форматов курсов: форум, структура (учебные модули без привязки к календарю), календарь (учебные модули с привязкой к календарю). Курс может содержать произвольное количество ресурсов (web-страницы, книги, ссылки на файлы, каталоги) и произвольное количество интерактивных элементов курса. К таким элементам относятся [1]:

– Wiki, который позволяет создавать документ несколькими людьми сразу с помощью простого языка разметки прямо в окне браузера, то есть с его помощью учащиеся могут работать вместе, добавляя, расширяя и изменяя содержимое. Предыдущие версии документа не удаляются и могут быть в любой момент восстановлены.

– Анкеты. Этот элемент предоставляет несколько способов обследования, которые могут быть полезны при оценивании и стимулировании обучения в дистанционных курсах.

– Глоссарий. С помощью него создается основной словарь понятий, используемых программой, а также словарь основных терминов каждой лекции.

– Задания позволяют преподавателю ставить задачу, которая требует от учащихся подготовить ответ в электронном виде (в любом формате) и загрузить его на сервер.

– Опрос. Одно из его применений – проводить голосование среди учеников. Это может быть полезным в качестве быстрого опроса, чтобы стимулировать мышление или найти общее мнение в процессе исследования проблемы.

– Пояснение. Этот элемент позволяет помещать текст и графику на главную страницу курса. С помощью такой надписи можно пояснить назначение какой-либо темы, недели или используемого инструмента.

– Тесты. Этот элемент позволяет преподавателю создать набор тестовых вопросов. Вопросы могут быть в закрытой форме (множественный выбор), с выбором верно/не верно, на соответствие, предполагать короткий текстовый ответ, а также числовой или вычисляемый. Все вопросы хранятся в базе данных и могут быть впоследствии использованы снова в этом же курсе (или в других).

– Урок (лекция) преподносит учебный материал в интересной и гибкой форме. Он состоит из набора страниц. Каждая страница обычно заканчивается вопросом, на который

учащийся должен ответить. В зависимости от правильности ответа учащийся переходит на следующую страницу или возвращается на предыдущую страницу.

Кроме того, одним из важных компонентов данной информационно-образовательной среды является коммуникационный компонент. Основными средствами, позволяющими участникам программы общаться со своими преподавателями, а также между собой, являются следующие:

- форум (общий для всех учащихся на главной странице программы, а также различные частные форумы);
- электронная почта;
- обмен вложенными файлами с преподавателем (внутри каждого курса);
- чат;
- обмен личными сообщениями.

Применение электронных учебных материалов для очной формы целесообразно использовать преимущественно в качестве: вспомогательного учебного материала, систем самоконтроля, тестирования, виртуальных лабораторных работ, электронной библиотеки, электронного справочника. Использование электронных учебных материалов возможно на следующих аудиторных формах обучения: лекциях, семинарах, практических занятиях, лабораторных работах, экзаменах, зачетах .

При организации самостоятельной работы студентов необходимо опираться на педагогические принципы организации самостоятельной работы студентов, которые в большинстве своем известны и присутствуют в традиционной системе обучения. Они подробно изложены в трудах А.В. Барабанщикова, С.И. Зиновьева, Ю.К. Бабанского, С.П. Баранова и др. Среди них можно выделить такие, как: принцип сознательности, активности, наглядности обучения, доступности обучения и др[2].

Анализ работ отечественных [3,4,5 и зарубежных [6,7,8,9] исследователей позволил выделить ряд специфических принципов, обеспечивающих эффективное применение информационно-коммуникационных технологий в учебном процессе, среди них:

- Принцип интерактивности, определяющий необходимость сотрудничества студентов и обмена информацией с преподавателем.
- Принцип легкости доступа, предполагает возможность работать с электронной системой из различных мест в удобное для студента и преподавателя время;
- Принцип целесообразности использования информационно-коммуникационных технологий выдвигает на первое место соответствующее содержательное наполнение учебного курса и образовательных услуг.

Опираясь на приведенную выше систему принципов и разрабатывая систему организации самостоятельной работы студентов вуза сочетающую традиционное обучение с применением информационно-коммуникационных технологий, мы пришли к

необходимости сформулировать ряд принципов отражающих специфику проводимой работы и возможности электронной учебной среды Moodle, а именно:

▲ *Принцип интегративности* – реализующий идею формирования общекультурных и профессиональных компетенций в ходе самостоятельной работы студентов вузов в информационной образовательной среде в системе MOODLE, позволяющей осуществлять интеграцию профессионально-значимой информации, изучаемой в различных дисциплинах, посредством выполнения студентами комплексных практико-ориентированных заданий.

▲ *Принцип модульности* предполагает, что каждая дисциплина (модуль), имеющая определенную логическую завершенность по отношению к установленным целям и результатам воспитания, обучения в системе MOODLE должна иметь единую структуру и быть представлена тремя компонентами: организационным, содержательным и методическим.

- Организационный компонент содержит информацию об организации учебного процесса по дисциплине (информация об авторе курса, ФГОС специальности, рабочая программа, поурочный план, критерии оценки деятельности)

- Содержательный компонент отражает содержание дисциплины необходимое для формирования компетенций (лекционный материал, информационные ресурсы, вопросы для повторения материала и подготовке к семинарам, методические рекомендации по выполнению заданий самостоятельной работы и по подготовке к итоговому испытанию по дисциплине).

- Методический компонент содержит различные элементы курса, рассмотренные выше.

Варьируя сочетания различных элементов курса, преподаватель организует изучение материала таким образом, чтобы формы обучения соответствовали формированию определённых компетенций студентов.

- Оценочный компонент – содержит элементы курса «Тесты» и «Задание». «Задание» позволяет ученикам легко загружать свои выполненные задания и предоставлять их на рассмотрение учителю в любом виде: эссе, таблицы, рефераты, презентации, маленькие аудио-, видео-файлы.

■ *Принцип кумулятивности* – учитывается при подборе и составление заданий для студентов. Задания для самостоятельной работы студентов распределяются по следующим основаниям:

- Задания основного модуля связаны с базовыми целями образования - иметь навыки, представления, знания, сформировать целостное понимание основных идей и концепций, которые относятся к предметному полю дисциплины; владеть простыми средствами презентации изучаемого материала.

- Задания специализированного модуля отличаются повышенным уровнем сложности и носят междисциплинарный характер. Их систематическое выполнение позволит приобрести прочные и глубокие знания, относящиеся к изучаемой предметной области и сформировать разносторонние умения в области профессиональной деятельности

- Задания дополнительного модуля связаны с профессиональной практической деятельностью. Предполагается, что студенты владеют материалом предшествующих уровней, умело применяют их в работе с жизненно важными, практически ориентированными заданиями.

Так же этот принцип прослеживается в комплексном оценивании качества учебной работы, предполагающий ранжирование студентов по результатам кумулятивной (накопительной) оценки.

Таким образом, организация самостоятельной работы, опирающаяся на уточненные принципы использования учебной электронной среды MOODLE, обеспечивает целостность и всесторонность, гармоничность и органичность педагогических процессов, касающихся организации самостоятельной работы, целью и результатом которого выступает становление человека, умеющего самостоятельно думать, решать, сотрудничать, отбирать и использовать информацию в своей профессиональной деятельности.

Литература

1. Андреев А.В., Андреева С.В, Доценко И.Б. Практика электронного обучения с использованием Moodle. – Таганрог: Изд-во. ГТИ ЮФУ, 2008. – 146 с.
2. Тихомиров В.П. Технологии ДО в России// ДО, №1, 1996 с.7-10.
3. Волженина Н.В Организация самостоятельной работы студентов в процессе дистанционного обучения : учебное пособие / Н.В. Волженина. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. – с.59
4. Андреев А.А., Дистанционное обучение - форма или метод?/ журнал "Дистанционное образование", №4, 1997 г. с. 85
5. Новые педагогические технологии: система дистанционного обучения Moodle А.В.Андреев, С.В Андреева, Т.А.Бокарёва, И.Б.Доценко /Центр Довузовской Подготовки/Таганрогский государственный радиотехнический университет [Электронный ресурс]; Режим доступа: URL :WWW.cdp.tsure.ru
6. Evidence Based ICT: GeoffPettyDraft 1 Nov 2007 [Электронный ресурс]; Режим доступа:

www.geoffpetty.com/downloads/WORD/EvidenceBasedICT.doc

7. THE BLACKBOARD LEARNING SYSTEM Peter Bradford, Margaret Porciello, Nancy Balkon, Debra Backus United University Professions*, Albany NY 12212-5143 [Электронный ресурс]; Режим доступа: uupinfo.org/research/working/bradford.pdf
8. Universal Instructional Design Principles for Moodle [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://clintlalonde.net/2011/12/14/universal-instructional-design-principles-for-moodle/>
9. К Е + TRAINING OR HOW TO RAISE study in E-Learning Rosica Doneva, Danielle Deneuve, George Totkov / International Journal "Information Technologies and Knowledge" Vol.1. 2007 pp.13-15 [Электронный ресурс]; Режим доступа: <http://www.foibg.com/ijtk/ijtk-vol01/ijtk01-1.pdf>

УДК 37.026

**ПРИНЦИП НАПРАВЛЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ
НА ВСЕСТОРОННЕЕ И ГАРМОНИЧНОЕ РАЗВИТИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ПЕДАГОГИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА
THE PRINCIPLE FOCUS OF TRAINING ON THE FULL AND HARMONIOUS
DEVELOPMENT IN THE NATIONAL PEDAGOGY OF THE SECOND HALF OF XX
CENTURY**

А.М.Гайфутдинов, Набережные Челны

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов,
Декан естественно-географического факультета Набережночелнинского института
социально-педагогических технологий и ресурсов

Am-geo@mail.ru

A.M. Gaifutdinov, Naberezhnye Chelny, Institute of social and pedagogical technology
and resources of Naberezhnye Chelny, Dean of Natural geography faculty

Аннотация. Требование «направленности обучения на всестороннее и гармоничное развитие» выдвигалось в качестве ведущего принципа обучения, но по отражаемой связи его следует рассматривать как педагогический закон.

Summary. The requirement «training orientations» was nominated to full and harmonious development as a leading principle of training, but on reflected communication it should be considered as the pedagogical law.

Ключевые слова: принцип обучения, педагогический закон, диалектический характер связи.

Keywords: training principle, pedagogical law, dialectic nature of communication.

Ведущие принципы, призванные играть системообразующую роль, выдвигались в истории отечественной педагогики с целью построения системы дидактических принципов. Принцип направленности обучения на всестороннее и гармоничное развитие в качестве ведущего предложено рассматривать в статье «О современной трактовке дидактических принципов» В.И. Загвязинского [3]. Выдвижение этого принципа, как считает автор, продиктовано объективными требованиями общества к типу формируемой личности, целесообразным характером человеческой деятельности и требует последовательного отражения в обучении принципов и требований коммунистического воспитания.

Анализ педагогической литературы показывает, что существует ряд требований к процессу обучения, который связан со структурой принципа направленности обучения на

всестороннее и гармоничное развитие. Соответствующими можно назвать следующие варианты: а) принцип направленности обучения на всестороннее и гармоничное развитие личности; б) принцип развивающего обучения; в) принцип направленности обучения на всестороннее образование, воспитание и развитие личности; г) принцип направленности обучения на комплексное решение задач образования, коммунистического воспитания и развития личности школьника; д) в процессе обучения в органическом единстве необходимо осуществлять образование, развитие и воспитание учащихся; е) принцип развивающего и воспитывающего характера обучения. Основным понятием, объединяющим все соответствующие варианты названия, является «развитие». Как принцип, «направленность обучения на всестороннее и гармоничное развитие», в истории отечественной педагогики существует около двадцати лет. Следует отметить, что в литературе, год издания которой относится к началу XXI века, рассматриваемый принцип отсутствует.

Проведенные исследования показывают, что по своей структуре принципы обучения – это суждения, термины которого раскрывают объективные связи и отношения компонентов процесса обучения. Согласно словарю русского языка [4], направленность определяется как сосредоточенность мыслей, интересов, которая направлена к какой-нибудь цели. В структуре требования такой целью названо развитие. Если целью является процесс развития, то процесс обучения в этом случае становится средством достижения цели. Таким образом, требование направленности обучения на всестороннее и гармоничное развитие устанавливает связь двух процессов, приводящих к изменению личности.

Одним из параметров отнесения того или иного требования к дидактическим принципам является диалектический характер, выраженный в структуре принципа, в которой должен быть отражен или источник, или механизм, или направление развития процесса обучения..... В рассматриваемой структуре отсутствует выражение противоречий дидактического процесса. Также невозможно определить и механизм развития. Требование направленности обучения на всестороннее и гармоничное развитие можно было бы принять за дидактический принцип, отражающий направление развития процесса обучения, т.е. выражающий действие в процессе обучения закона отрицания отрицания. Если процесс обучения в требовании представляет собой средство, тогда направление его развития должно происходить через отрицание цели, что противоречит смыслу анализируемого варианта названия принципа обучения. Приведенные выше варианты названий, соответствующие принципу направленности обучения на всестороннее и гармоничное развитие, могут представлять собой описание отличительных свойств процесса обучения.

Характеристикой процесса обучения можно рассматривать и дидактическое требование «принцип развивающего и воспитывающего характера обучения». Характер –

это совокупность устойчивых, взаимосвязанных особенностей и индивида, в которых выражаются способы его поведения и эмоционального реагирования в типичных жизненных условиях и обстоятельствах [5]. Развивающий и воспитывающий характер обучения указывает на отличительное свойство, особенность, качество процесса обучения.

С лингвистической точки зрения преобладающее большинство формулировок принципов обучения, представленных в литературе по отечественной педагогике, – это словосочетания, либо отдельные слова. Таким образом, авторы учебников и учебных пособий принципы не формулируют, а указывают названия с дальнейшей расшифровкой их содержания. Отсутствие законченного смысла в словах и словосочетаниях о выявленной связи в процессе обучения ведёт к произвольной трактовке содержания принципа. Вариант названия «в процессе обучения в органическом единстве необходимо осуществлять образование, развитие и воспитание учащихся», соответствующий требованию направленности обучения на всестороннее и гармоничное развитие личности – это пример формулировки, представленной в виде суждения, повествовательного предложения с законченным смыслом, в котором соблюдены требования логики к формулировке законов и принципов. Органическое единство образования, развития и воспитания учащихся в процессе обучения – связь, которая выражена в данном суждении. Учитывая то, что связи, отражаемые в принципах, должны иметь частный характер по отношению к связям, выраженным в законе [1, 2], это суждение следует относить к педагогическому закону, т.к. в нём показана взаимосвязь трёх основных процессов (обучения, воспитания, развитие личности), составляющих единый педагогический процесс. Если это требование рассматривать как педагогический закон, то один из вариантов его формулировки может быть следующим: «в педагогическом процессе в органическом единстве осуществляется образование, развитие и воспитание учащихся».

Таким образом, несмотря на то, что дидактическое требование «направленности обучения на всестороннее и гармоничное развитие» выдвигалось в качестве ведущего принципа обучения и период его существования в системе знаний отечественной педагогики более двадцати лет, по отражаемой связи его следует рассматривать как педагогический закон «в педагогическом процессе в органическом единстве осуществляется образование, развитие и воспитание учащихся».

Литература

1. Гайфутдинов А.М. Взаимоотношение педагогических понятий «закон», «закономерность», «принцип», «правило»// Казанский педагогический журнал, №4 (70) 2009. – с.17-24.

2. Гайфутдинов А.М. Критерии педагогического понятия «принцип обучения»// Вестник Российской Академии образования № 5, 2009. – С.84-87.
3. Загвязинский В.И. О современной трактовке дидактических принципов // Советская педагогика. – 1978. - № 10. – С. 66-72.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов/ С.И.Ожегов; Под общ. ред. проф. Л.И.Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2005.- 1200 с.
5. Полонский, В.М. Словарь по образованию и педагогике / В.М.Полонский. – М.: Высш.шк., 2004. – 512 с.

УДК (ББК) 37.032

**ХАРАКТЕРИСТИКА АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ 1 КУРСА
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
THE CHARACTERISTIC OF ACTIVITY OF STUDENTS OF 1 COURSE OF THE
PEDAGOGICAL INSTITUTE**

В.А. Грибанова, г. Таганрог, ТГПИ имени А.П.Чехова, начальник отдела воспитательной работы и трудоустройства.

V.A. Gribanova, g. Taganrog, TGPI the A.P. Chekhov, Head of the educational work and employment section.

akchinorev@yandex.ru

Аннотация. Проведено анкетирование студентов первого курса ТГПИ имени А.П.Чехова. Выявлены направления активности студентов за период обучения в школе.

Abstract. Conducted a survey of first year students TGPI the A.P. Chekhov. Identified areas of activity of students during the period of training in the school.

Ключевые слова: анкетирование, активность, студент, общественная деятельность.

Keywords: questionnaire, activity, student, public activity.

В результате изменений основ социально-политических и социально-экономических отношений в российском обществе особую актуальность представляет проблема ориентации человека в социальном мире и мире людей, возрастает значимость активности личности. Возникает потребность в наиболее активном, деятельном, ответственном и «жизнеспособном поколении» [3].

Для современной России характерен кризис основных институтов воспитания: молодежной субкультуры, семьи, образовательных учреждений. Поэтому чрезвычайно актуализируется оптимизация воспитательного пространства высшей школы, которая в числе первостепенных задач ставит формирование общей культуры личности, адаптации личности к жизни в обществе [2].

Мы считаем, что создание максимально комфортных условий для развития и адаптации молодого поколения в современном обществе, поиска социально приемлемых и оптимальных форм саморазвития личности невозможно без изучения ее особенностей и жизненных ориентиров. Поэтому, чтобы изучить особенности проявления активной жизненной позиции молодежи, мы провели анкетирование студентов 1 курса Таганрогского государственного педагогического института имени А.П.Чехова.

В эксперименте приняло участие 487 человек, студенты 8 факультетов: физико-математического, педагогики и методики начального образования, искусств и

художественного образования, русского языка и литературы, истории и права, информатики и управления, иностранных языков, психологии и социальной педагогики.

Анкетирование включало в себя 3 направления:

1. Общие вопросы, касающиеся наличия дополнительного образования абитуриента;

2. Опыт трудовой деятельности, имеющийся на период до поступления в вуз;

3. Личные достижения на период окончания школы (лица);

При анализе анкет по первому направлению, мы выявляли, что 37 % из общего количества опрошенных имеет дополнительное образование. Из них: 10,6% опрошенных имеют музыкальное образование, 6,9% – закончили спортивную школу, 5,3 % учились в художественной школе, 1,2 % посещали школу (курсы) иностранных языков, 13,1% указали наличие другого дополнительного образования, но не указали какого именно (Рисунок 1.1). Высокий уровень активности проявили студенты факультета искусств и художественного образования — закончили музыкальную или художественную школу; физико-математического (специальность «физическая культура») — спортивную школу; иностранных языков — школу или курсы иностранных языков. Мы думаем, что это связано с осознанностью выбора данных студентов будущей профессии и подготовкой к поступлению в вуз. Остальные опрошиваемые проявили достаточно низкую активность.

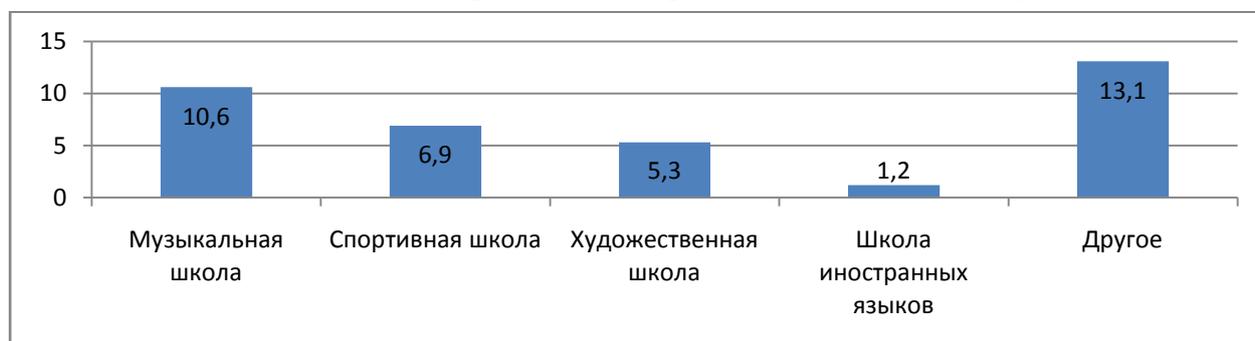

Рисунок 1.1 — Наличие дополнительного образования

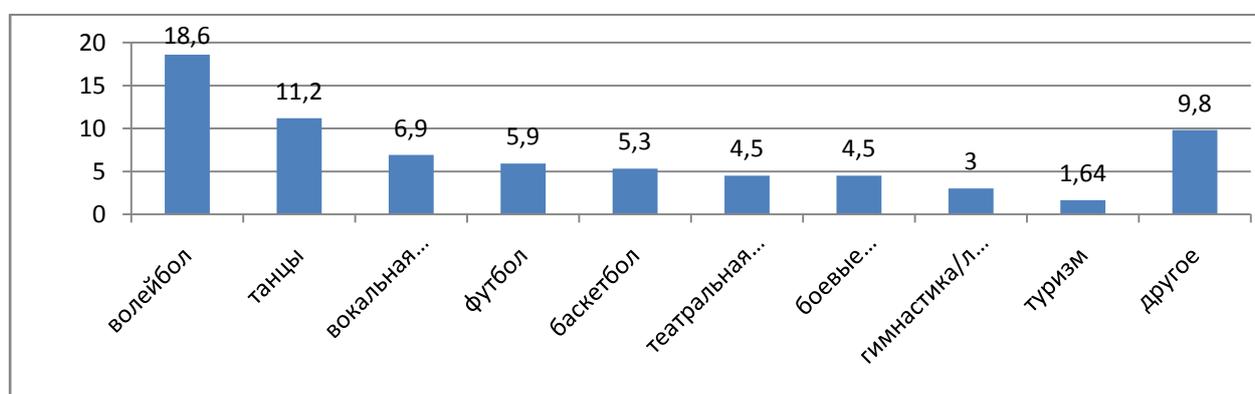

Рисунок 1.2 — Занятия в творческих и спортивных кружках

На вопрос посещал(а) ли студент творческие кружки, студии, спортивные секции ребята отвечали наиболее активно (71%): 18,6 % из них ответили, что увлекались волейболом, 11,2 % занимались в танцевальном кружке, 6,9% в вокальной студии, 5,9% увлекались футболом, 5,3% — баскетболом, наименьшей популярностью пользовались такие направления как театральная студия и боевые искусства (4,5%), гимнастика/легкая атлетика (3%), туризм (1,64%) (Рисунок 1.2).

Вопрос о посещении студентами различных семинаров, курсов, тренингов выявил низкий процент активности: 10,75% опрошенных ответили положительно (5,9% указали, что закончили курсы вожатых, 2,05% посещали психологические курсы, 2,8% отметили занятие в других семинарах, не указав название), 89,25 отрицали опыт своего участия в данном виде деятельности (Рисунок 1.3).

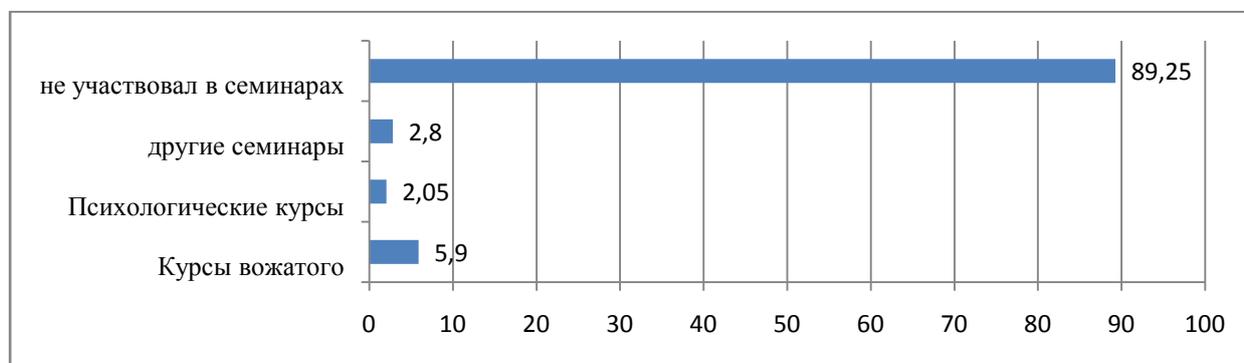

Рисунок 1.3 — Участия в семинарах, посещение курсов

На втором этапе опроса, результаты анкетирования показали, что 25,5 % из общего числа опрашиваемых имеют опыт трудовой деятельности: 6,3 % работали вожатыми (необходимо отметить, что положительно на этот вопрос отвечали в основном студенты, которые закончили педагогический лицей и уже имели конкретную ориентированность на педагогическую деятельность), 3,9 % имели опыт работы продавца, 1,6% подрабатывали в качестве официанта, 1,4% работали воспитателем. 12,3 % отметили, что имеют другой опыт работы, но не уточнили в какой сфере. Данное описание отражено в Рисунке 2.1.

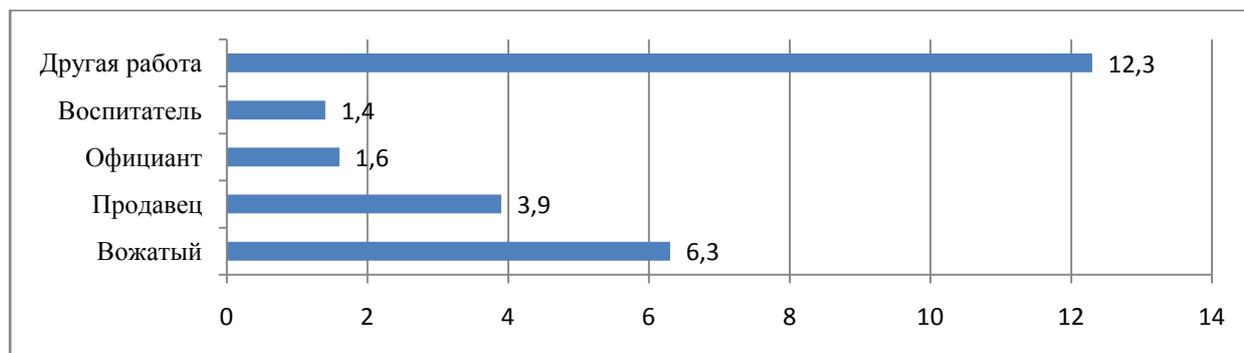

Рисунок 2.1 — Опыт трудовой деятельности

Самый низкий процент активности отмечен в области участия в общественной и проектной деятельности. Всего 1,02% имеют опыт проектной деятельности (Рисунок 2.3) и 16% из общего числа опрашиваемых имеют опыт деятельности в общественных организациях (7,1% указали, что занимались волонтерской деятельностью, 5,5% участвовали в акциях и мероприятиях, организованных молодежной организацией «Молодая гвардия», 3,2% сообщили о том, что имеют другой опыт общественной деятельности, но не указали направление) (Рисунок 2.2).

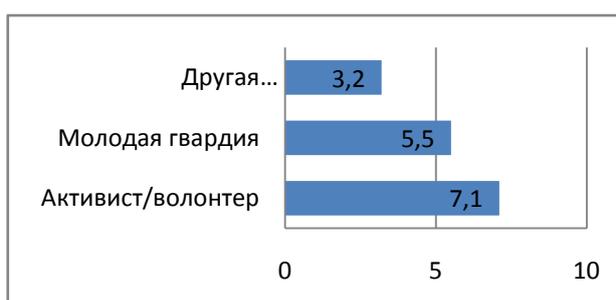

Рисунок 2.2

Участие в обществ. организациях

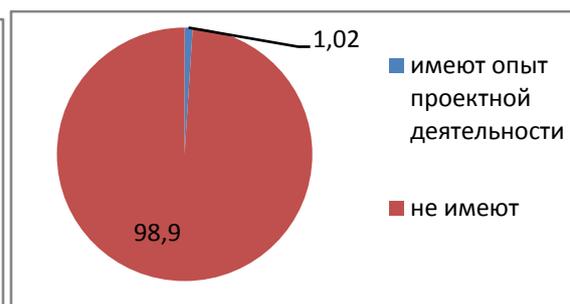
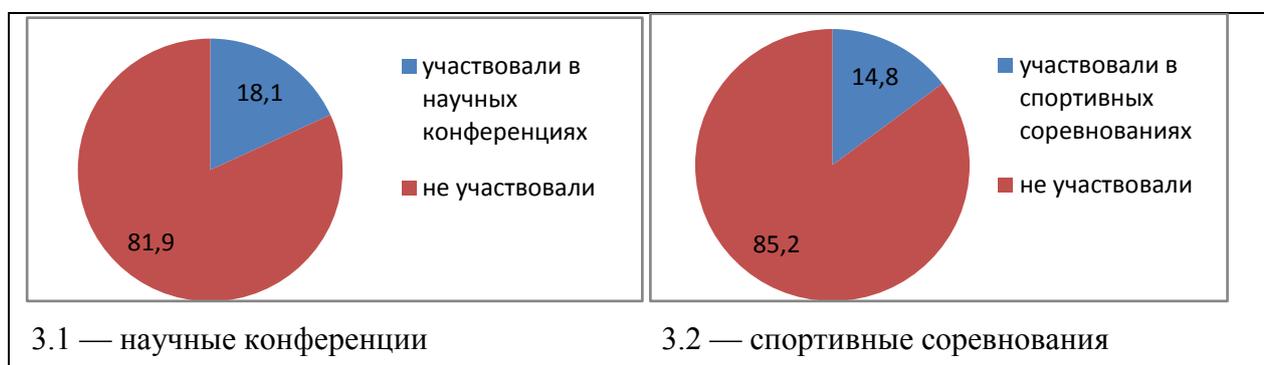

Рисунок 2.3

Участие в проектной деятельности

Достаточно низкая активность выявилась также на третьем этапе опроса, где вопрос шел о личных достижениях опрашиваемых (Рисунок 3).

18,1% опрашиваемых подтвердили свое участие в научных конференциях, олимпиадах (Рисунок 3.1), 14,8% на вопрос участвовали ли они в спортивных соревнованиях, отметили положительно (Рисунок 3.2), 12,1% ответили, что участвовали в творческих конкурсах, фестивалях (Рисунок 3.3), 0,6% имеют научные публикации (Рисунок 3.4).

3.1 — научные конференции

3.2 — спортивные соревнования

Проанализировав активность студентов-первокурсников за период обучения в школе (лицее), мы можем сделать вывод о том, что самый низкий процент активности отмечен в области участия в общественной и проектной деятельности (наличие публикаций), достаточно небольшое количество опрошиваемых имеют опыт участия в тренингах, курсах, семинарах различной направленности.

Среди общественной деятельности абитуриенты отметили лишь участие в волонтерской деятельности. Вопросы, связанные с такой деятельностью вызвали затруднение в ответе. Среди молодежных объединений и организаций они смогли выделить лишь организацию «Молодая гвардия», однако активность здесь проявили лишь единицы.

Все это говорит о том, что за период обучения в школе у учащихся не были в достаточной мере сформированы качества гражданской активности личности. В настоящее время фиксируется достаточно глубокое противоречие между осознаваемой необходимостью воспитания гражданской активности в условиях современной России и отсутствием достаточного теоретико-методологического обоснования организации такого воспитания [1]. Поэтому главная задача института – сформировать граждански активную личность, приобрести и развить профессионально значимые для будущей профессии качества.

Литература

1. Князев, А.М. Воспитание гражданственности. Воспитание человека и гражданина как философско-педагогическая проблема. – М.:РАГС, 2007. – 11,4 п. л.
2. Резниченко, М.Г. Формирование воспитательного пространства вуза: критерии эффективности [Текст] /М.Г.Резниченко//Педагогическое образование и наука. – 2009. - № 8. С. 32-42. (0,5 п.л.).
3. Сикорская, Л.Е. Кризис институтов социализации современной молодежи [Текст] / Л.Е. Сикорская // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. № 4. С. 258–265 (1,0 п.л.).

УДК 378.126

**ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК КОМПОНЕНТ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
EDUCATIONAL DESIGN AS A COMPONENT OF EDUCATIONAL ACTIVITIES**

С.А. Цыплакова, г. Н. Новгород, аспирантка, преподаватель кафедры теории и методики профессионального образования ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет)».

S.A. Tsyplova, Nizhni Novgorod, post-graduate student, lecturer of the department of theory and methodology of professional education of State pedagogical university of Nizhni Novgorod.

cveta-ts@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются теоретические основы педагогического проектирования. Рассматриваются направления развития и характеристики педагогического проектирования.

Abstract: This article discusses the theoretical basis of the pedagogical design. We consider the direction of development, and pedagogical design.

Ключевые слова: проектирование, педагогическая деятельность, проектная деятельность

Keywords: design, educational activities, the project activities.

Педагогическая деятельность специфична, ответственна и требует от человека продумывания, организации, проектирования и составления программы действий. Точно таким же образом происходит и проектирование педагогической деятельности, так как работа в области педагогики представляет собой работу по обоснованию педагогических проектов.

В настоящее время в разработке проблемы педагогического проектирования можно выделить два направления:

- дидактическое (В.С. Безрукова, Г.Л. Ильин, В.М. Монахов, Н.Н. Суртаева, О.В. Тарасюк, Ю.К. Чернова и др.);

- социально-педагогическое (О.Г. Важнова, Е.А. Крюкова, З.Ф. Мазур, М.Г. Мерзлякова, О.Г. Прикот, В.Е. Радионов, Е.Н. Степанов, В.З. Юсупов и др.) [2].

С точки зрения дидактического аспекта проектирования учеными исследуется педагогический процесс, условия его эффективности, формы взаимодействия субъектов

данного процесса, а также стратегии принятия решений по реализации этого процесса. При этом могут быть спроектированы нововведения в технологиях, формах взаимодействия педагога и обучающихся, педагогические ситуации и дидактические средства.

Если рассматривать проектирование с точки зрения социально-педагогического аспекта, то здесь объектом проектирования будет, является способ упорядочения социокультурной среды, которая служит основой функционирования образовательной системы. Другими словами, к сфере социально-педагогического проектирования относится педагогизация социокультурной среды, ее перспективы, методы, формы, способы взаимодействия различных образовательных систем со сферами культуры и другими структурными составляющими микросоциума. Поэтому здесь речь идет о создании проектов программ развития образования (о проектировании образовательной системы города, района, отдельного учреждения и др.).

В.В. Краевский, в своих исследованиях писал: «Специфика научного статуса педагогики, как науки, состоит в том, что она представляет собой область деятельности, в которой совмещаются, во-первых, функция исследования реально протекающего процесса обучения и воспитания, во-вторых, функция создания (проектирования) систем обучения и воспитания» [1].

Г.Е. Муравьева говорит о том, что «проектирование представляет собой вид профессиональной деятельности учителя, включающей в себя проектирование, организацию и анализ образовательного процесса» [1].

В.А. Мамаев считает, что «педагогическое проектирование является областью интегрированного знания, исследующего и разрабатывающего закономерности, принципы, содержание, средства и методы преобразования педагогических объектов, педагогической среды с помощью опережающих представлений» [1].

Педагогическое проектирование представляет особый вид педагогической деятельности, при этом определяющим источником деятельности педагога являются потребности общества. Именно эти потребности должны быть педагогически осмыслены в условиях реального педагогического процесса. А сущность педагогического проектирования состоит в том, чтобы создавать предположительные варианты предстоящей деятельности и прогнозировать ее результаты.

Анализ научных публикаций и диссертационных исследований, последних двух десятилетий позволяет говорить о том, что педагогическое проектирование, способствует объединению воспитательного потенциала различных социальных партнеров (органы управления образованием, образовательные учреждения, учреждения социальной защиты, здравоохранения, отделы по работе с молодежью, подразделения управления внутренних дел, федеральной службы исполнения наказания, волонтеры из среды студентов, родителей и других взрослых и т.д.).

Педагогическое проектирование обуславливается требованиями к развитию личности, уровнем развития культуры, науки, техники, производства. Оно отличается всеобщностью, системностью, комплексностью, универсальностью, фундаментальностью, непрерывностью, многоуровневостью, многопрофильностью, социально-профессиональной ориентированностью. Оно охватывает виды, типы и уровни образования, интенсивные системы теоретического и производственного обучения, процессы формирования, становления и развития личности. Профессиональной ориентированности и адаптивности к условиям социально-экономической и производственной сфер, развития профессиональных ценностей и норм культурного поведения.

Педагогическое проектирование представляет собой предварительную разработку предстоящей деятельности педагогов и обучающихся, взаимосвязанной деятельности социальных субъектов – обучающихся и обучаемых. При этом путь обучения и соответствующего проектирования этой деятельности определяется от социального опыта к личному через разные уровни деятельности.

Таким образом, педагогическое проектирование является неотъемлемым и существенным моментом педагогической деятельности. Чтобы спроектировать и осуществить процесс обучения, необходимо выполнять те функции, которые определены потребностями общества. А социальная сущность педагогического проектирования состоит в создании проекта практической деятельности педагога по обучению и воспитанию обучающихся, ориентированной на овладение определенными компетенциями, идейно-нравственными ценностями, а также нормами поведения.

Литература

1. Глебова Л.Н. Социально-педагогическое проектирование образовательной политики / Л.Н. Глебова – Арзамас: АГПИ, 2009. – 320 с.
2. Психологические основы формирования личности в педагогическом процессе / под ред. А. Косаковский и др. М., 1983. – 152 с.

PHILOLOGICAL SCIENCE
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 811.161:-008 (075.8)

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТА
FORMATION OF CULTURAL AND LINGUISTIC COMPETENCE OF STUDENTS

Вусик Анна Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянской филологии Бердянского государственного педагогического университета.

Vusik Anna. Department of General Linguistics and Slavic Philology Berdyansk State Pedagogical University
filolog29@mail.ru

Автор рассматривает в статье вопрос о формировании языковой компетенции студента.

The author examines the issue in an article about the formation of linguistic competence of the student.

Ключевые слова: лингвокультурология, язык, культура, языковая среда.
Keywords: linguistics, language, culture, language environment.

Самое могучее орудие культуры, в котором отпечатывается душа национальности, есть язык... В языке мы имеем неисчерпаемую сокровищницу возможностей культуры, а вместе с тем и отражение, и создание души народной.

С. Н. Булгаков.

Знание языка зависит не только от эффективности приемов его изучения в вузе, но и от реального культурно-языкового опыта обучающихся. В полуграмотной языковой среде трудно сформировать компетентную языковую личность.

Обучая языку, нельзя не учитывать особенности сознания, сформировавшиеся в определенной культуре и влияющие как на мышление, так и на способы языковой передачи мысли.

Язык – носитель социальной памяти, он определяет характер и глубину познавательной деятельности народа.

Культурно-языковая компетенция личности – это не сумма сведений о языке, а достигнутый речевой опыт, речевая деятельность как признаки социализации человека. Речевое (коммуникативное) поведение личности детерминировано культурой.

Курс “Основы лингвокультурологии” занимает одно из значительных мест в социализации личности – это: усвоение и статусного общения (с учетом норм отношений между старшими и младшими, близкими и далекими и т.д.), и ролевого (переключение с одного кода на другой, смена коммуникативной стратегии и тактик); и воспитание внимания к собеседнику: говорящий должен считаться с уровнем знаний слушателя, учитывать, что ему известно и что неизвестно, и в зависимости от этого строить свою речь.

Поставив стратегическую образовательную цель – формирование культурно-языковой компетенции личности, студент-магистрант должен иметь представление об уровнях языковой личности. В поле зрения должны быть все три уровня коммуникативного пространства языковой личности:

- вербально-семантический (системно-строевой);
- когнитивный (коллективное и индивидуальное когнитивное пространство, в котором происходит идентификация и актуализация полученных знаний);
- прагматический (мотивы и цели речевого общения).

Лингвокультурология изучает три аспекта социализации личности:

- включение человека в социальные отношения, в которых языковая личность реализует культурно-исторические знания общества;
- активная речемыслительная деятельность по нормам, заданным этноязыковой культурой;
- усвоение законов социальной психологии народа с учетом специфики полилингвокультурной ситуации может быть дополнено, по меньшей мере, еще одним – вниманием к национально-культурным проявлениям живущих рядом народов.

Магистрантам, согласно учебным планам Института филологии БГПУ, предлагается для изучения курс “Основы лингвокультурологии”, который состоит из 16 часов лекций, 8 часов практических занятий и 2-х часов зачёта.

1. Лекционный блок (16 часов лекций). Перед студентами-магистрантами ставятся интегральные и частичные дидактические цели. Каждая лекция состоит из плана, вопросов для самоконтроля, тезисов и списка литературы. В этом блоке студенты-магистранты могут получить теоретические знания по дисциплине “Основы лингвокультурологии”.

2. Практический блок (8 часов занятий). Чтобы подготовиться к практическим занятиям магистранты должны хорошо знать теорию, применять её на практике, уметь работать с дополнительной литературой.

3. Блок для самостоятельного изучения включает 8 часов занятий. Перед магистрантами ставится цель самостоятельно изучить теоретический материал дисциплины и выполнить предлагаемые задания. К каждой теме самостоятельной работы даются методические рекомендации.

4. Блок индивидуальных заданий поможет преподавателю осуществить дифференцированный подход, а студентам-магистрантам раскрыть свои творческие способности, применяя теоретические и практические знания.

5. Блок семинарских занятий органично дополняет основные блоки и даёт возможность равноправного и активного участия каждого обучающегося в обсуждении рассматриваемых вопросов.

6. Блок контроля знаний. С помощью предлагаемых тестов, самостоятельной, творческой и контрольной работ магистраты имеют возможность оценить свои знания по дисциплине “Основы лингвокультурологии”, а также подготовиться к зачёту.

Термин “лингвокультурология” появился в 90-е годы XX в. в связи с работами фразеологической школы, возглавляемой В.Н.Телем, Ю.С.Степановым, А.Д.Артюновой, В.В.Воробьевым и др.

Предметом лингвокультурология является язык, и культура, находящиеся в диалоге, взаимодействии.

В 1960-е годы как самостоятельная наука о культуре сформировалась культурология.

Культура – это одно из фундаментальных понятий социально-гуманитарного познания.

Культурологи выделяют довольно много подходов в понимании определения культуры:

- описательный – перечисляются отдельные элементы и проявления культуры – обычаи, виды деятельности, ценности, идеалы и т.д.;
- ценностный, в котором культура трактуется как совокупность духовных и материальных ценностей, создаваемых людьми;
- деятельностный, в котором культура понимается как свойственный человеку способ удовлетворения потребностей, как особый род деятельности.

Важнейшее свойство культуры, которое делает практически невозможной выработку единого и непротиворечивого определения культуры, – это не просто ее сложность и многоаспектность, но ее антиномичность.

Задачи культурологии состоят в том, чтобы осмыслить культуру в её реальной целостности и полноте различных форм существования, в её строении, функционировании и развитии.

Любая культура является процессом и результатом изменения, вживания в окружающую среду.

Культуры различных народов отличаются друг от друга в первую очередь не типом созерцательного освоения мира и даже не способом адаптационного вживания в окружающий мир, а типом его материально-духовного присвоения, т.е. деятельностной, активной поведенческой реакцией на мир.

Культура создает средства и способы развития духовного начала в человеке, а цивилизация снабжает его средствами существования, она направлена на удовлетворение практических нужд. Культура облагораживает и возвышает душу человека, а цивилизация обеспечивает комфорт для тела.

Литература

1. Арутюнов С.А., Багдасаров А.Р. и др. Язык – культура – этнос. – М., 1994.
2. Воробьев В.В. Лингвокультурология. – М., 1997.
3. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избр. труды по языкознанию. – М., 1984.
4. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986. – С. 93.
5. Чавчавадзе Н.З. Культура и ценности. – Тбилиси, 1984.

УДК 811.161

**КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
АКТИВНОСТЬ АНГЛИЦИЗМА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ
ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ**

**COMMUNICATIVE TACTICS AND WORD-FORMATION ACTIVITY
OF ANGLICISMS IN MODERN RUSSIAN NEWSPAPER TEXT**

С.С. Изюмская. г. Ростов-на-Дону. Педагогический институт Южного федерального университета. Доцент кафедры русского языка и культуры речи.

S.S. Izumskaya, Rostov-on-Don, Pedagogical institute of South federal university, docent of department of Russian language and culture speech.

lenarnd1008@mail.ru

Аннотация. Данная статья затрагивает один из актуальных вопросов современной лингвистики – вопрос о функциональном статусе англицизма в современном газетном тексте. В центре внимания автора - соотношение понятий «информационное поле СМИ», «манипуляция», «коммуникативная стратегия», «языковая личность» и «англицизм».

The article deals with one of the most topical problems of modern linguistic science the problem of anglicisms functional status in the modern newspaper text. The author is focused on the problem of correlation of the notions «information field of the mass MEDIA», «manipulation», «communication strategy», «language individuality of the author» and «anglicisms».

Ключевые слова: англицизм, манипуляция, тактика, автор, коммуникативная стратегия, газетный текст, языковая личность.

Key words: anglicisms, manipulation, tactics, author, communication strategy, newspaper text.

В век информатизации и компьютерных технологий возрастает роль языка СМИ в динамике языкового развития. Преобразившись в одну из основных сфер речепользования, средства массовой информации сегодня во многом определяют характер и свойства современного состояния языка [2, с.13]. А между тем, в современном российском обществе учёные, писатели, политики, журналисты в своих устных и письменных выступлениях критически оценивают состояние русского языка: «торжествующий языковой хаос» [6, с.67], «безбрежный либерализм: ничего нельзя запрещать», «американизация» [1, с.15], засорение жаргонными словами и неоправданными заимствованиями, «снижение речевой культуры в СМИ...» [5, с. 31],

превращение языка в конгломерат, в некую смесь «французского с нижегородским» [4, с.55] и др.

В центре внимания нашего исследования - соотношение понятий «язык СМИ», «англицизм», «словообразовательная активность», «языковая игра» и «категория автора», роль словообразовательной активности англицизма в реализации различных коммуникативных стратегий и тактик.

Как известно, «англицизм» определяется как слово или оборот речи в каком-нибудь языке, заимствованные из английского языка или созданные по образцу английского слова или выражения [9, с.19]. Феномен манипуляции как тип речевого воздействия находится в центре внимания современных исследователей (Баранов А.Н., Иссерс О.С., Стернин И.А., Морозова О.Н., Кашкин В.Б., Почепцов Г.Г., Беляева И.Н., Баскова Ю.С. и др.).

По мнению исследователей, основной чертой современного процесса заимствования становится скорейшая адаптация новых англицизмов на всех уровнях принимающего языка [10, с.6]. Исследование функционального статуса англицизмов, их словообразовательной активности в современном русском языке находится в центре внимания исследователей (Улуханов И.С., Рацбургская Л.В., Лопатин В.В., Земская Е.А., Прокутина Е.В. и др.). Однако вопрос, связанный с соотношением понятий «словообразовательная активность», «англицизм», «манипулятивная стратегия» и «манипулятивная тактика», является недостаточно исследованным. Проникая в современные газетные тексты различной политической направленности, англицизмы приобретают словообразовательную активность, участвуют в реализации коммуникативных тактик и стратегий.

Наиболее активно словопроизводство проявляется на базе английских заимствований, а самым продуктивным способом словообразования является аффиксация, которая используется в той или иной степени разными частями речи [10, с.14]. Как известно, продуктивными суффиксами являются *-ов-, -ев-, -н-, -ск-*: *венчурный* (капитал), *компьютерные* (технологии, допинг, прибабасы, «стрелялки»), *лазерно-компьютерные* технологии, *пейнтбольный* (клуб) и др. Например: «Другим элементом замысла является привлечение в центр *венчурных* капиталов» («Завтра», №26, 2010); «На встрече Дмитрия Медведева с известным британским певцом, сэром Элтоном Джоном активно обсуждались проблемы гуманизации российского общества и законодательства в отношении реализации прав и свобод различных меньшинств, сообщают *инсайдерские* источники» («Завтра», №50, 2010) и др.

Нередко англицизмы в процессе адаптации на русской почве, приобретая исконно русские суффиксы (*-н-, -щик-, -ство-* и др.) участвуют в реализации коммуникативной стратегии «включение в круг чужих», тактики «дистанцирование». Как известно,

коммуникативная стратегия «включение в круг чужих» лежит в основе категории чуждости [11, с.5; 3,с.87 и др.].

Например: «Есть у них такая статья расходов - материальная помощь и *спонсорство*. Только это не обязанность управы, а великодушный жест» («Завтра», №21, 2009).

Данная стратегия и тактика может затрагивать иллокуции *оскорбления, недоверия, насмешки, дискредитации* [8, с.45].

Например: «Плохое должно быть названо плохим. К плохому, гадкому, грязному, примитивному тянутся обычно люди сами плохие, примитивные. При этом социальная принадлежность сегодня не определяет уровень культуры. Мы видим другое: банковские и *офисные* служащие, *компьютерщики, бизнесмены*, то есть люди вроде бы образованные, часто читают всякую дрянь» («Газета Дона» №7, 2010).

В данном примере для реализации манипулятивных стратегий и тактик автор прибегает к следующим языковым приёмам; 1) включение англицизма в ряд однородных членов предложения (*офисные* служащие, *компьютерщики, бизнесмены*); 2) помещение англицизмов с исконно русскими суффиксами *-н-, -щик-* (*офисные, компьютерщики* и др.) в центральную часть предложения; 3) включение в препозицию и в постпозицию к англицизмам дистанцирующих оборотов «*мы видим другое*», «*люди вроде бы образованные*», «*часто читают всякую дрянь*».

Англицизм может участвовать в раскрытии авторских стратегий и тактик с помощью приёма постановки в отрицательный контекст («криминалом пронизана», «криминальным авторитетам» и др.). При этом может иметь место иллокуции *дискредитации, недоверия*.

Например: «Криминалом пронизаны вся наша культура и спорт, самые видные деятели которых выражают благодарности криминальным авторитетам за *спонсорскую* поддержку» («Завтра», №50, 2010) и др.

Особой частотностью в реализации коммуникативных стратегий и тактик пользуется англицизм «компьютер» («*компьютерный допинг*», «*компьютерныеприбамбасы*», *компьютерные* «стрелялки», *лазерно-компьютерные* технологии» и др.). Участвуя в аффиксации, словосложении и других способах словопроизводства, данный высокочастотный в текстах СМИ (в век инноваций и компьютерных технологий) англицизм нередко участвует в реализации следующих тактик:

1) тактики дистанцирования, категории чуждости:

Например: «Зато с «*компьютерным допингом*» и его тайным суфлированием нам, гроссмейстерам, предстоит очень серьёзно бороться» («Аргументы и факты», №18, 2009); «Или подарите последнюю версию какой-нибудь *компьютерной* «стрелялки» - пусть

сражается с виртуальными врагами и злодеями. Ещё можно отправить его в *пейнтбольный* клуб - выпустит пар, а заодно и всряхнётся» («Газета Дона», №7, 2010) и др.;

2) тактика «постановки в отрицательный контекст». Например: «Вы тоже периодически жалуетесь: «Каждый сам за себя, ожесточение и дикость - несмотря на все *компьютерные* прибабасы...» Перевернулась мораль» (АиФ, 19-25 авг.2009); «Во всей истории страны, красочно представленной при помощи самых современных *лазерно-компьютерных* технологий, не нашлось ни малейшего места для упоминания о христианстве» («Завтра», №9, 2010) и др.

Помещение англицизма, участвующего в процессе словопроизводства (суффиксация, словосложение и др.), в скобки помогает раскрыть авторские интенции. Например: «И все эти реальные и мнимые мозги генерируют реальные и мнимые проекты (часто *лоббистские*)» («Аргументы и факты», №19, 2009); «Официальные результаты встречи министров финансов стран «большой двадцатки» в Лондоне, на первый взгляд, выглядят анекдотично (ограничение бонусов *топ-менеджерам* финансовых структур и продолжение эмиссионной накачки тех же финансовых структур)...» («Завтра», №37, 2009) и др.

Довольно часто автор газетного текста «привлекают» англицизм для реализации инвектива [лат. *invectiva (oratio)* бранная речь], под которым понимается «резкое выступление против кого-чего-н., обличительная речь; оскорбление, выпад» [7, с.282].

Инвектив является средством реализации иллокуций *оскорбления, недоверия, дискредитации* [8, с.45]. Например: «А невинная по сути фраза «Слава России!» пугает антифашистски настроенных обывателей, посмотревших, на свою беду, печально известное творение Павла Бардина «Россия 88», и уверовавших в *скинхедовские* бесчинства, как в новую Библию» («Завтра», №9, 2010).

Включение англицизма в риторический вопрос помогает лучше реализовать авторские интенции (иллокуции *оскорбления, недоверия, дискредитации*), способствует диалогизации. Риторический вопрос привлекает внимание читателя к обсуждаемой в газетном тексте проблеме.

Например: «Почему бы нашим парламентариям не принять закон, как это сделали в США, чтобы обложить сверхдоходы обнаглевших *топ-менеджеров* 90-процентным налогом?» («Аргументы и факты», №18, 2009) и др.

В раскрытии тактики дистанцирования, категории отчуждения на страницах современной российской прессы нередко участвуют англицизмы в форме словосложения (*продакт-плейсмент, брендмейстеры* и др.).

Например: «Антимонопольная служба будет наказывать телеканалы за так называемый *продакт-плейсмент*. Слово «*продакт-плейсмент*», если кто вдруг не знает, означает рекламу, органично вплетенную в канву художественного произведения, чаще всего фильма» («Комсомольская правда», №19, 11-18 марта 2010).

«Брендмейстеры» Обычное бюрократическое ведомство. С откатами, взятками, коррупцией, чиновничеством, кумовством и пр. Бренд был - МЧС. И *брендмейстеры*. Не *брендмейстеры*, подчеркну, от слова brand (пожар), а *брендмейстеры* - от слова braend (марка, вывеска). Мыльный пузырь, корочка. Большой. И блестящий. С геройской звездой. Или...с эмблемой мерседес» («Жизнь», №33, 2010); «Но проблема в том, что у власти ныне находится поколение *бэби-бумеров*, родившихся после 1945 года. Эти люди могут быть неплохими профессионалами, но в духовно-моральном смысле они не воины, не бойцы» («Завтра», №1, 2011) и др.

В данных примерах коммуникативные тактики реализуются различными приёмами: 1) включение к англицизму дистанцирующего оборота «так называемый» («так называемый *продакт-плейсмент*»); 2) авторское разъяснение англицизма, затрагивающее иллокуции «*ирония*», «*сарказм*».

Таким образом, англицизмы в современной российской прессе приобретают словообразовательные средства русского языка, что свидетельствует об их быстрой адаптации в российском социуме. В процессе адаптации англицизмы в силу своей нестандартной формы активно участвуют в реализации различных манипулятивных стратегий и тактик авторов газетных текстов (тактики *дистанцирования*, стратегия «*включение в круг чужих*» и др.). Детализированный анализ функционального статуса англицизмов в русском языке, их «роли» в реализации различных тактик и стратегий помогает проникнуть в «ткань» текста, раскрыть языковую личность автора.

Литература:

1. Воробьев В. Государственный язык России // Народное образование. 1998. №5. С. 15.
2. Добросклонская Т.Г. Язык средств массовой информации: учебное пособие / Т.Г.Добросклонская. – М.: КДУ, 2008.
3. Захарова Е.П. Коммуникативная категория чуждости и её роль в организации речевого общения /Е.П.Захарова// Вопросы стилистики: Межвуз. Сб. науч.трудов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. Вып.27. С.87.
4. Кокотчикова Н. Путь к родному слову // Народное образование. 1998. №5. С.55.
5. Косилов А. Хранилище духовной культуры// Народное образование. 1998. №5. С.31.
6. Костомаров В. Языковой вкус эпохи // Народное образование. 1998. №5. С. 67.
7. Крысин Л.П.Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов /Л.П.Крысин. – М.:Эсмо, 2008. С. 282
8. Матвеева Г.Г. Диагностирование языковой личности и речевое поведение политика. – Ростов-н/Д, 2009. С.41.

9. Ожегов С.И. Словарь русского языка/под общ.ред. проф. Л.И.Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2007.

10. Прокутина Е.В. Английские заимствования в нестандартной лексике современного русского языка: структурно-словообразовательный аспект: Автореферат канд.ф.н. – Челябинск, 2010.

11. Сорокин Ю.А. Понятие «чужой» в языковом и культурном контексте / Ю.А.Сорокин, И.Ю.Марковина // Язык. Этнокультурный и прагматический аспекты: Сб. науч. трудов. – Днепропетровск, 1988.

УДК 802. 0-03

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОВОКАЦИЯ КАК СРЕДСТВО
ДЕАВТОМАТИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ ЧИТАТЕЛЯ
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ «ОТРИЛОГИИ» ДМИТРИЯ БЫКОВА)
THE ARTISTIC PROVOCATIVENESS AS MEANS
OF DEAUTOMATIZATION OF THE READER'S CONSCIOUSNESS
(ON AN EXAMPLE OF «O- TRILOGY» NOVELS BY DMITRY BYKOV)**

М.Ю. Спиридонова, Самара, Самарский государственный университет, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы.

M.Yu. Spiridonova, Samara, Samara State University, post - graduate student of the chair of the Russian and foreign literature.

maryaspirit@gmail.com

В статье рассматривается прием художественной провокации как одно из средств деавтоматизации читательского сознания. Материалом для исследования стала трилогия известного отечественного литератора Дмитрия Быкова.

The article is investigated the artistic provocativeness as a means of deautomatization of reader's consciousness. The material under study is the trilogy by well-known Russian writer Dmitry Bykov.

Ключевые слова: художественная провокация, деавтоматизация, читательское сознание.

Keywords: artistic provocativeness, deautomatization, reader's consciousness.

Дмитрий Быков – одна из самых заметных фигур в современном медийном пространстве. Поэт, автор романов, публицист, литературный критик и постоянный возмутитель спокойствия. Вошел в литературу в конце 80-х, в первую очередь как публицист и поэт. Являлся членом поэтического ордена Кургуазных маньеристов. Сотрудничал со многими изданиями и печатался практически во всех московских еженедельниках. Работал на телевидении (в том числе имел несколько собственных проектов) и на радио. Член Союза российских писателей. Обладатель множества литературных премий. Круг интересов Дмитрия Быкова настолько широк, что остается только удивляться, как он все успевает. Дмитрий Быков работает так много и разнообразно, что кажется, будто он обладает способностью раздваиваться. Разнообразно творчество писателя и по жанровому составу. Интересна, на наш взгляд, романистика Дмитрия Быкова. Материалом для данного исследования стали три романа писателя –

«Оправдание» (2001), «Орфография» (2003), «Остромов, или Ученик чародея» (2010), составившие историческую «О-трилогию».

Определим содержание понятия «художественная провокация», а также рассмотрим, как работает данный прием в тексте художественного произведения на материале названных выше романов трилогии.

Провокация – от латинского «provocatio» – вызов. Под провокацией принято понимать действие или ряд действий с целью вызвать ответное действие / бездействие провоцируемого (ых), как правило, с целью искусственного создания таким образом тяжелых обстоятельств или последствий. Субъект, совершающий провокации, называется провокатором. Задача провокатора – заставить объект провокации «повестись» на нее, пойти на поводу, попасться в ловушку. Человек, который поддался провокации, идет по ложному пути, не сознавая, что путь таковым является.

Художественная провокация служит средством вывода читательского сознания из автоматизма восприятия окружающей действительности. С помощью этого приема автору удастся заставить читателя взглянуть на известные события, на привычную их оценку «новыми глазами», попробовать переоценить прошлое, избавиться от навязанных официальной идеологией клише.

Использование приема провокации в тексте художественного произведения предполагает, что его читатель будет выступать не как пассивный слушатель, изначально задается интерактивность, интеллектуальность текста.

Провокации как категории художественного текста посвящена статья в книге С. Чуприна «Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям». Чуприн пишет, что в советское время слово провокатор употреблялось исключительно с отрицательной коннотацией. Изменение же значения понятия «провокация» происходит в андеграудной и эмигрантской среде 1970-1980-х годов. В это же время эпатаж входит в обычай у творческих деятелей определенной среды. Так, в условиях новой России возникает «слово “провокативный”», означающий уже не просто любую гадость, обладающую эстетическим потенциалом, синонимичную художественной инновации и нацеленную на то, чтобы встряхнуть задремавшее или «автоматизировавшееся» сознание читателей, зрителей и слушателей». [1, с.458].

В личностях художников-провокаторов угадывается, как отмечает И. Ильин, «позиция нравственного протеста», «амплуа аристократа, чувствующего себя изгоем», поэтому «инаковость», «другость» и «чуждость» художников миру обыденному с его эстетическими стандартами и социальными и этическими нормами стала приобретать экзистенциальный характер, превратившись в почти обязательный императив: «истинный художник» по самому своему положению неизбежно оказывается в роли бунтаря-маргинала, поскольку всегда оспаривает общепринятые представления и мыслительные стереотипы своего времени» [1, с.459]. В завершении статьи об этой категории текста С.

Чупринин приводит слова Н. Ивановой: «провокация вообще гораздо интереснее нормы» [1, с.460].

Феномен провокации исследует Л. Морозова. Она рассматривает провокацию как модель антиповедения. В своей диссертации «Теория и история художественной провокации» исследовательница разграничивает понятия провокационность и провокативность. Провокационность связана с конфликтом. И гнев является наиболее адекватной реакцией на нее, тогда как провокативность, наоборот, связана с игрой, и соответственно всякий вменяемый читатель (зритель, слушатель) должен откликаться на нее не негодованием или протестом, а либо сочувствием, либо пониманием.

Однако оценка обозначенных понятий (провокации, провокационности, провокативности) зависит исключительно от личной позиции оценивающего.

В целом же художественная провокация определяется Л. Морозовой как ведущая стратегия, характерная для искусства XX века. Она пишет, что к этой стратегии обращались художники самых различных направлений – конструктивисты, футуристы, сюрреалисты, минималисты, концептуалисты и т.д. Наиболее ярко художественная провокация представлена в жанре перформанса (искусства действия).

Для литераторов конца XX – начала XXI века прием провокации становится способом, с помощью которого можно зацепить сознание читателя, вывести из автоматизма восприятия. Таким образом, художественная провокация становится сознательной установкой писателя.

Так, Дмитрий Быков сознательно прибегает к использованию этого приема, создавая романы «О-трилогии». Три романа представляют собой романы-версии, романы-отклики на события определенной эпохи в истории страны, а именно советской эпохи. В каждом из них использован прием художественной провокации, однако значение его не везде одинаково.

Художественная провокация является основополагающим приемом романа «Оправдание» (2001). Данный прием позволяет зацепить сознание читателя новой версией, казалось бы, невозможной, однако же доказываемой и педалируемой автором. Провокативная версия состоит в том, что, по предположению главного героя романа – Славы Рогова, сталинские репрессии были не напрасны. Совершенное зло можно оправдать. Якобы репрессированных, выстоявших на допросах, в 30-е годы XX века не расстреливали, а ссылали в особые поселения, где из них готовили сверхсолдат, способных выдержать любые пытки. Именно они и победили затем в Великой Отечественной войне.

Таким образом, поддавшись провокации, читатель предпринимает попытку переоценить прошлое, поверив в доказательства версии, предлагаемой писателем. Непонятное получает объяснение, детали складываются в единый пазл, и читатель

действительно верит до последних страниц, чтобы в один момент понять, что все на самом деле не так, что оправдания нет, и истины тоже нет.

Важным для данного романа становится и прием реконструкции. Благодаря реконструкции становится возможной реализация провокации. Ведь провокативная версия реконструируется в сознании героя, путем сложения деталей, фактов, элементов в единую картину.

Для второго романа трилогии – романа «Орфография» прием художественной провокации, хотя и не является основополагающим, безусловно, важен. Провокация в тексте данного романа проявляется в том, что автор предпочел спрятать прототипов героев романа за вымышленными фамилиями так, что порой сложно догадаться, о чьей судьбе фантазирует Быков.

Подобное наблюдаем в заключительном романе трилогии – романе «Остромов, или Ученик чародея», материалом для которого послужило дело ленинградских масонов 1926 года. Однако и в этом романе герой, имеющий реального прототипа, действует под иной фамилией, что, по замечанию рецензентов, «развязывает руки автору» [2].

Таким образом, на примере трех романов трилогии Дмитрия Быкова видно, что благодаря использованию приема художественной провокации (хотя значение данного приема для каждого из романов трилогии своеобразно), читатель, «попадаясь на удочку», оказывается в игровом пространстве текста и готов принимать правила игры, заданные автором, готов принять предлагаемую версию.

Литература:

1. Чупринин, С. Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям [Текст] / С. Чупринин. – М.: Время, 2007. – 768 с.
2. Толстой, И. «Купол над трилогией»: Дмитрий Быков о советском масонстве и о задачах интеллигенции в «плоские» времена // «Российская газета» - Федеральный выпуск № 5334 (255). – Режим доступа – <http://www.rg.ru/2010/11/11/bykov.html>

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ INFORMATION FOR AUTHORS

Уважаемые авторы!

Журнал «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института» приглашает к сотрудничеству преподавателей вузов, научных работников, аспирантов и соискателей. Обращаем ваше внимание на то, что к публикации в Вестнике принимаются статьи, соответствующие заявленным рубрикам и обладающие научной новизной. Решение о включении статей и других материалов в журнал принимает редакционная коллегия, которая не гарантирует публикацию всех предоставленных материалов.

Рукописи и дискеты (диски) как опубликованных, так и неопубликованных материалов не возвращаются.

Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, технических, социологических, психологических и иных данных, имен собственных, цитат и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Статьи, опубликованные или принятые в другие издания, не принимаются.

Максимальный объем статьи (статей) для одного автора или коллектива соавторов составляет 15 страниц, минимальный – 4 страницы: Публикация бесплатная. Всем авторам будет роздан 1 экземпляр журнала.

Вместе со статьей в редакцию необходимо отправить и лицензионный договор, который можно скачать на сайте института www.skgi.ru

Электронную версию печатного издания можно будет **скачать бесплатно** на сайте института: www.skgi.ru

Научные направления журнала:

1. Экономические науки;
2. Юридические науки;
3. Философские науки;
4. Социологические науки;
5. Исторические науки;
6. Политические науки;
7. Физико-математические науки;
8. Технические науки;
9. Педагогика и психология;
10. Филологические науки.

Текст статьи, представленный автором, будет принят редакцией к

рассмотрению только в случае соблюдения автором следующих условий оформления:

- **формат бумаги** – А4 (21 см х 29.7 см);
- **ориентация** книжная;
- **поля**: левое – 2,5 см, верхнее, нижнее, правое – 2 см;
- **текстовый редактор** Microsoft Word;
- **шрифт** Times New Roman;
- **размер шрифта** 14;
- **межстрочный интервал** полуторный;
- **абзацный отступ** 1,25.

Название файла содержит номер тематического направления и фамилии всех авторов: например, *Иванов*.

В левом верхнем углу первой страницы печатается **УДК (ББК)** (*шрифт* – жирный), ниже через строку **название статьи** строчными буквами без переносов (*шрифт* – жирный, *выравнивание* – по центру) на русском и английском языках, затем через строку **инициалы и фамилии авторов, город и место работы** (*выравнивание* – по центру) на русском и английском языках, через строку – **аннотация** на русском и английском языках, ниже через строку – **ключевые слова** на русском и английском языках.

Аннотация объемом не более 3 строк должна кратко излагать предмет статьи и основные содержащиеся в ней выводы, **ключевые слова** (3 до 6 слов) должны отражать проблематику публикации. *Шрифт* – курсив, *форматирование* выравниванием по ширине страницы.

Текст статьи выравнивается по ширине. При наборе текста не следует делать жесткий перенос слов со знаком переноса. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения должны быть расшифрованы при первом появлении их в тексте. **Разделы и подразделы статьи** нумеруются арабскими цифрами, выделяются полужирным шрифтом и на отдельную страницу не выносятся.

Необходимо различать в тексте **дефис (-)** (например, черно-белый, бизнес-план) и **тире(–)** (Ctrl+пробел+ «←»).

Если вы используете кавычки, они должны иметь вид так называемых «елочек» (« »). Если в тексте встречаются внутренние и внешние кавычки, то они должны различаться, например: ООО «Издательство “Макрос”».

Таблицы в тексте должны быть выполнены в редакторе Microsoft Word (не отсканированы и не в виде рисунка). Таблицы должны располагаться в пределах рабочего поля. Таблицу при переносе на следующую страницу не

разрывать (не копировать шапку, не делать отступы клавишей Enter). Таблицы нумеруются сверху. **Форматирование номера таблицы и ее названия:** *шрифт* обычный, *выравнивание* – слева. **Форматирование таблицы:** *шрифт* обычный, *размер шрифта* 12 пт, *выравнивание* – по центру, *межстрочный интервал* - одинарный.

Пример:

Таблица 1 – Название таблицы

п/п			

Рисунки размещаются в рамках рабочего поля. Допускается использование рисунков в форматах JPEG и GIF. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров и быть представлены единым элементом. Используемое в тексте сканированное изображение должно иметь разрешение не менее 300 точек на дюйм. *Положение рисунка* – в тексте. Рисунки нумеруются снизу, **подпись под рисунком** выравнивается по центру.

Пример:

Рисунок 1 – Название рисунка

Количество таблиц в документе **не более 3-х**, количество рисунков – **не более 5**.

Формулы должны быть набраны с использованием формульного редактора Microsoft Equation 3.0 или Math Type, выравниваются по центру, их номера – в круглых скобках по правому краю.

Нумерация страниц и колонтитулы не используются.

Ссылки на литературу в тексте указываются в квадратных скобках с указанием номера источника, например: Текст статьи ...текст статьи ... [1]. Текст статьи ... [2] и т.п.

Список литературы приводится в конце статьи и должен быть озаглавлен «Литература» (*шрифт* полужирный, *форматирование* – по центру). Используемые источники должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ 7.1-2003(форматирование выравниванием по ширине страницы).

На отдельном листе прилагаются сведения об авторах

Статьи принимаются по адресу: 355041, г. Ставрополь, ул. Лермонтова 312-А, (Северо-Кавказский гуманитарный институт) или по электронной почтесkgi_institut@mail.ru

Подписку на журнал
«Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института»
можно оформить по Каталогу российской прессы
«Почта России»

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС
31671

в любом почтовом отделении.

Подписано в печать 27.06.2012. Формат 62х94 1/8
Гарнитура «Литературная»
Бумага офсетная. Печ. л. 27. Тираж 500 экз.

Отпечатано ИП Соколовская С.Н. (типография «Аспект»)
г. Ростов-на-Дону, ул. 1-й Конной Армии, 15-А, офис 105.
Тел.: (863) 227-93-52